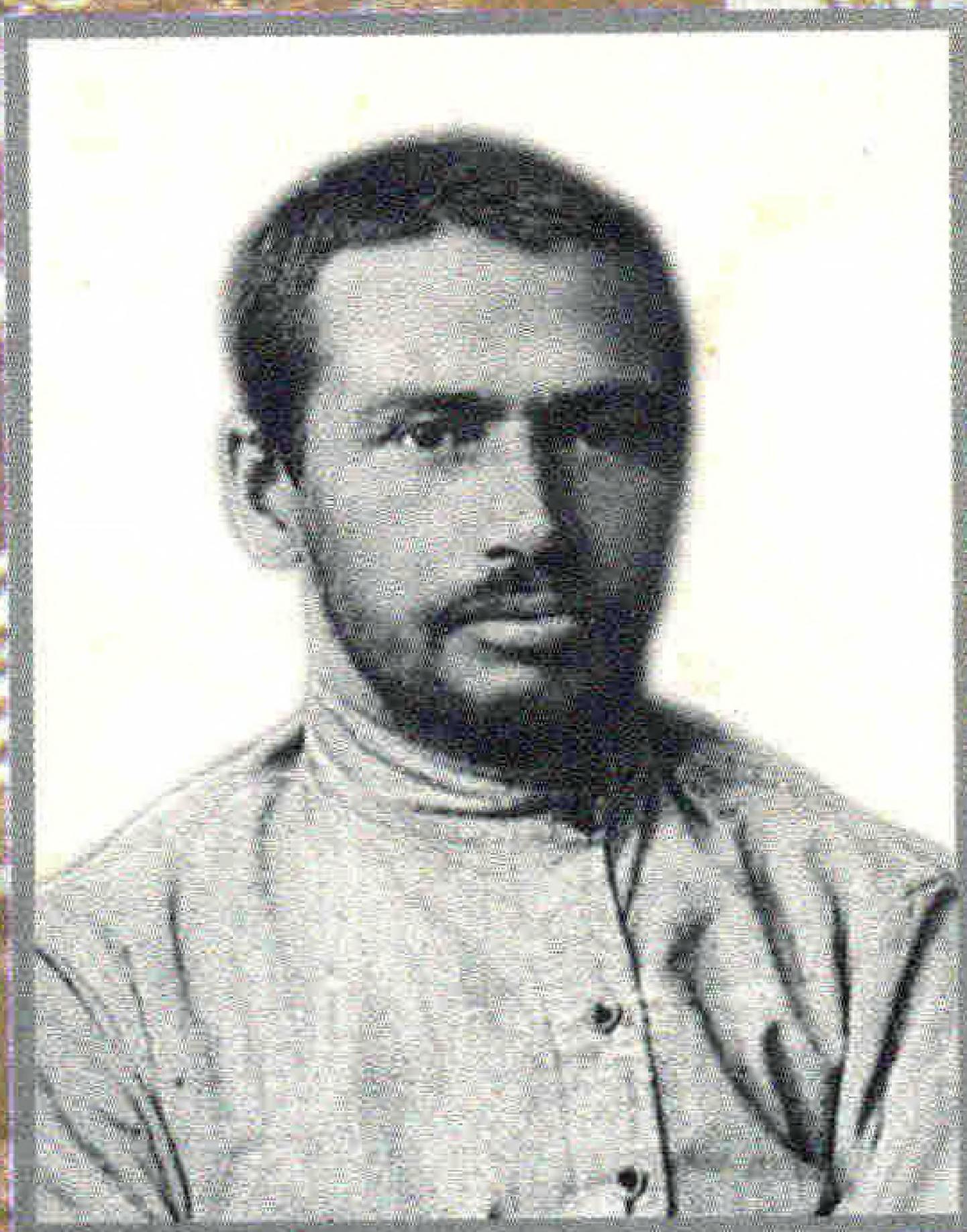

Э. Аликina

Дон Кихот ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Государственное учреждение
«Государственный общественно-политический архив Пермской области»
(ГОУ ГОПАПО)

ПЕРМСКИЙ КРАЙ: ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ

НАДЕЖДА АЛИКИНА

ДОН КИХОТ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Документальная повесть
о том, как мотовилихинский рабочий
Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б)
за свободу слова и печати
(1920—1922 годы)

ПЕРМЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУШКА»
2006

63.3 (235.55-4 Пер)

ББК ~~63.3 (2Рос-4Пе-2)~~

А 50

Автор проекта *Михаил Нечаев*

Редколлегия:

*М. Г. Нечаев, канд. ист. наук,
Т. В. Безденежных, Т. И. Демиденко, Н. А. Зенкова*

Автор благодарит всех, оказавших помощь и содействие
в подготовке и издании книги.

Особая признательность *Юрию Николаевичу Вознярскому,*
а также *Татьяне Игнатьевне Демиденко,*
Юлии Васильевне Демиденко, Юлии Борисовне Пугачевской,
Галине Анатольевне Синягиной,
Вере Анатольевне Мишлановой.

Аликина Н. А.

А 50 Дон Кихот пролетарской революции: Документаль-
ная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил
Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати
(1920—1922 годы). — Пермь: Издательство «Пушка», 2006. —
176 с.; ил.

ISBN 5-98799-043-2

© Н. А. Аликина, 2006

© Издательство «Пушка», 2006

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В течение пятидесяти лет Государственный общественно-политический архив Пермской области принимает участие в проектах, связанных с выявлением, отбором, записью воспоминаний, формированием базы данных и подготовкой иллюстративного материала для издания книг, посвященных как истории Пермского края в XX веке, так и отдельным личностям, представителям политической, культурной, научной жизни, ставшей частью Пермской и общероссийской истории.

Совместно с научными учреждениями Перми архивом изданы десятки сборников документов, биографических очерков, воспоминаний о событиях прошлого века — революциях, социалистическом строительстве, отдельных брошюр и хроник, в которых нашли отражение судьбы многих замечательных людей нашего края.

Накопленный в коллекции архива и хранящийся в его фондах материал позволяет приступить к созданию серии книг под рабочим названием «Пермский край: история в судьбах». Предполагается издавать и новые книги, и готовить к переизданию лучшие публикации прошлых лет.

Во все времена и эпохи борцы-пассионарии своей героической жизнью и поступками приобретали огромный моральный авторитет. Достоверное и конкретное описание жизни выдающегося человека может создать для заинтересованного читателя впечатляющий образ героя книги, поможет ему понять исторический процесс и роль личности в этом процессе.

Задуманная серия изданий рассчитана, главным образом, на молодое поколение.

Первая книга этой серии принадлежит перу заслуженного работника РФ, бывшей долгие годы заведующим архивом, — Н. А. Аликиной. Она посвящена жизни и деятельности Г. И. Мясникова, мотовилихинского рабочего.

Это имя у большинства наших современников вызывает только одно воспоминание: «Ганька» Мясников — организатор убийства Великого князя Михаила Романова. Но, прежде всего, он вошел в историю как враг ленинизма и генеральной линии большевистской партии. Однако этот человек в свое время глубоко уверовал в идею коммунизма и пронес эту веру до смертного часа. Г. И. Мясников с глубоким уважением относился к В. И. Ленину — до тех пор, пока не увидел серьезные просчеты в революционных преобразованиях, проходящих в нашей стране. Он предложил свой план, главным тезисом которого было: «Свобода слова и печати». Мясников вступил в острую полемику с вождем революции и, не найдя поддержки, решил осуществить свой план на примере Мотовили-

хинского завода, причем использовал для этого мирный демократический путь, как истинный гражданин своей страны. Он резко критиковал партийную и государственную бюрократическую управленческую машину, которая только-только набирала обороты в нищей, разоренной стране, за что жестоко поплатился в дальнейшем.

Имя Мясникова долгие годы обрастало вымыслами, легендами и негативными характеристиками. Не удивительно: в 1930-е годы многие пермяки и мотовилихинцы пострадали за то, что разделяли его взгляды. Их так и называли: «мясниковцы». Прекращенные уголовные дела на этих людей хранятся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области. «Мясниковцы» давно реабилитированы. В то же время сам Г. И. Мясников, осужденный в 1954 году по политической статье, до недавнего времени реабилитирован не был. Более полугода длилась переписка архива с Военной коллегией Верховного суда РФ, Главной военной прокуратурой и Генеральной прокуратурой РФ по этому поводу. Наконец 26 августа 2004 года был получен ответ: заключением Генеральной прокуратуры РФ от 16 августа 2004 года Мясников Г. И. реабилитирован.

Автор книги постаралась честно, без прикрас рассказать о живом человеке, не иконном образе, а таком, каким он был в действительности. Мы узнаем много подробностей об этой малоизвестной странице в истории Пермского края, который в рассматриваемый период благодаря Мясникову стал центром важнейших общероссийских событий.

Надеемся, что книга найдет своего, и притом массового, читателя, так как история России продолжает будоражить многие умы. К сожалению, интерес этот не только нейтрально-академический. Далекое прошлое продолжает оказывать невидимое, но от того не менее существенное влияние на постсоветскую культуру и общественное сознание. Единственный путь — попытаться внимательно и беспристрастно пройти через лабиринт мифологем, созданных в течение десятилетий, и найти выход к истине.

М. Г. Нечаев,
кандидат исторических наук,
заведующий
Государственным
общественно-политическим архивом
Пермской области

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю книга — документальная повесть об острейшей политической борьбе на Мотовилихинском заводе и в Перми в начале 20-х годов прошлого века. Ее вполне можно назвать политическим детективом, с той лишь разницей, что ни одного выдуманного события или факта нет. Но все признаки жанра налицо: царубийство с леденящими душу деталями, борьба индивидуума с набиравшим силу ЦК РКП(б), его же полемика с В. И. Лениным, политические преследования, аресты, тюрьмы, побеги и, наконец, расстрел главного героя. Книга построена на конкретном и чрезвычайно выразительном материале.

Бунтарь века, мотовилихинский рабочий, большевик с 1906 года, глубоко уверовавший в светлую идею коммунизма и не расставшийся с этой идеей до последнего смертного часа, он вошел в историю КПСС как враг ленинизма и генеральной политической линии партии.

События, описываемые в книге, происходят после Октябрьского переворота 1917 года. Читатель волен сам проследить аналогии с современностью, после краха коммунистической системы: остановка и закрытие заводов, возмущения рабочих, невыплаты зарплаты, недовольство верховной властью — «верхами», как говорили в те времена, и выступления всякого рода оппозиции.

Политическая борьба, о которой пойдет речь, получила название мясниковщины — по фамилии инициатора оной (ее отрицательное значение заложено в самом слове, сравни — пугачевщина, лбовщина и т. п.).

Объяснить феномен личности Мясникова нелегко. Он был из тех, кто способен завладеть умами не только окружавших его людей; его влияние, как брошенный в воду камень, далеко расходилось кругами. Он обладал своевольным характером, недюжинным природным умом и большими организаторскими способностями. Популярность его была необычайна. Рабочие, как к магниту, тянулись к Мясникову, видя в нем выразителя их интересов.

Мясников глубоко уважал Ленина и считал себя верным ленинцем, подчиняясь железной партийной дисциплине, но до тех пор, пока, по его мнению, ЦК РКП(б), вожди партии не изменили идеалам пролетарской революции.

Бунтарский дух Мясникова, его несогласие с центральной и местной властями по многим принципиальным проблемам, умение просто и образно говорить, доходчиво объяснять рабочим самые сложные политические и житейские вопросы создавали вокруг него сильное энергетическое поле. Под влияние Мясникова попали значительная часть рабочих, членов партии с дореволюционным стажем, прошедших тюрьмы, катор-

гу и ссылку, политически грамотная молодежь, беспартийные рабочие и даже многие работники партийного аппарата.

Самые яркие страницы жизни Мясникова, взлет его политической карьеры и падение приходится на 1917—1923 годы.

Мясников не был одинок в оппозиции к РКП(б). В этот период возник ряд политических группировок, обвинявших Ленина и его партию в неправильном выборе пути строительства социализма.

Острая полемика с В. И. Лениным по главному тезису, выдвинутому Мясниковым, — о свободе слова и печати, — явилась центральным стержнем политических событий в Мотовилихе, когда подавляющее большинство членов местной парторганизации выступили в поддержку оппозиционера против Центрального Комитета РКП(б).

Мясников действовал открыто внутри партийной организации. Смелость и даже дерзость его выступлений «невзирая на лица» завораживала рабочих. Да и сам он исступленно верил в возможность изменить жизнь рабочих в лучшую сторону и при этом с презрением относился к интеллигенции.

Ключом к пониманию взглядов Мясникова можно считать его слова из ответного письма Ленину: «Я пролетарий... не имею права не только говорить и шептать, но иначе думать, по-своему понимать интересы моего класса, пролетариата и жить в Союзе Советских Социалистических Республик вместе с моими детьми и женой...» *

Он был подлинным Дон Кихотом пролетарской революции, искренне заблуждавшимся в своей безграничной вере в силу рабочего класса. Его можно понять: он не имел политического образования, но имел богатый опыт политической борьбы; не имел теоретической подготовки, но обладал большими способностями к самостоятельному мышлению. В его характере присутствовали и честолюбие, и авантюризм, но не было жестокости, как утверждают некоторые исследователи. С ним спорят ученые, историки, оказывая ему, имевшему лишь начальное образование и тюремные университеты, большую честь.

Мясников оставил заметный след в истории большевистской партии как мужественный идейный борец с руководством партии.

Публикаций о Мясникове довольно много. Авторы-историки писали о нем в своих исследованиях периода 1920-х годов неизменно с отрицательным знаком, как о человеке, враждебном делу партии. Последние годы о Мясникове появились статьи, главным образом, как об инициаторе убийства в Перми Великого князя Михаила Романова. Большой ценностью явилась публикация Б. Н. Беленкиным и В. К. Виноградовым до

* Г. И. Мясников жил в вынужденной эмиграции 17 лет (1928—1945). Несколько раз он обращался с просьбой вернуться в Россию, но ответа не получал. Семья Мясникова: его жена Дарья Григорьевна (1885—1965), сыновья Юрий (1919 г. р.), Вадим (1922 г. р.), Борис (1923 г. р.) — оставались в Москве. Все сыновья погибли на фронтах Великой Отечественной войны. В следственном деле Мясникова сохранился снимок, присланный ему в Париж. Все три сына сфотографированы в матросках. И шутливая подпись: «Матросы с разбитого корабля».

сих пор неизвестной рукописи Г. Мясникова «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова». Появление в печати этой рукописи позволило уточнить многие факты биографии, проверить и сопоставить их с воспоминаниями современников.

Долгие годы я собирала документы для настоящей повести. Удалось застать в живых многих участников и современников бурных политических событий в Мотовилихе и Перми начала 20-х годов прошлого века. С некоторыми из них я общалась, с другими, главным образом живущими в Москве, помимо встреч, вела длительную переписку.

Ветераны партии, лично знавшие Мясникова, твердо были уверены, что писать «всю правду» о Мясникове нельзя («он против Ленина выступал!»), и говорили буквально шепотом. Такие известные ветераны партии, находившиеся в центре событий, как П. Ф. Трошев, К. Г. Ольховская, Н. Д. Ваганов и другие, категорически отказывались хоть что-нибудь рассказывать. Чувство страха не оставляло их до конца жизни. Одна из таких старых коммунисток сказала автору: «Я могла бы рассказать вам многое, но у меня есть сын и внуки. Я не уверена, что мои воспоминания не повредят их судьбе».

Уже незадолго до смерти, в начале 1980-х годов, по моей просьбе написал объемные воспоминания А. В. Альбенский. Использованы также воспоминания Ф. С. Альбенской, В. Ф. Сивкова, В. А. Зуева, А. В. Маркова, А. Н. Марковой, А. А. Микова, Г. П. Рычковой, И. А. Поستانогова, М. М. Загуменных, Л. М. Грачевой и многих других.

Все письменные воспоминания пронизаны духом преданности Коммунистической партии, в них осуждалась деятельность Мясникова. Устные же воспоминания отличались, как правило, раскованностью, в них не скрывалось восхищение храбростью Мясникова.

Долгие десятилетия его имя обрастало легендами, вымыслами, за ним закрепилась прочная негативная характеристика.

Следует откровенно признаться: автор долгие годы разделяла мнение коллег, историков партии КПСС, о Г. И. Мясникове. Нелегко было вырваться из плена твердо укоренившихся марксистско-ленинских представлений. Постепенно, со временем, рукопись претерпевала изменения: по мере прозревания прогрессивной части общества вместе с ними прозревала и автор, и на страницах последнего варианта повести, мне кажется, проявилось мое понимание трагедии Мясникова как личности и человека.

Автор не ставила перед собой непосильную задачу глубокого научного исследования. В книге сделана попытка непредвзято показать искреннего и глубоко, но далеко не во всем заблуждающегося вожака мотовилихинских рабочих, который посмел бросить вызов власти и жестоко поплатился за это.

В работе над повестью использован широкий круг источников: стенограммы и протоколы X и XI съездов РКП(б) и IX Всероссийской партконференции, полное собрание сочинений В. И. Ленина, архивные, печатные источники и воспоминания современников Г. И. Мясникова, изложен богатый конкретный, ранее не публиковавшийся материал,

за достоверность которого автор берет на себя полную ответственность.

Разумеется, книга о Мясникове не смогла бы выйти в свет без помощи настоящих ревнителей своего края, тех, которые уважают историю и умеют понять, насколько драматичны бывают судьбы людей и как переплетены события в конкретной невеликой точке земного шара, в данной истории — в Мотовилихе, с великими событиями мира, всего человечества. Поэтому особую благодарность и автор книги, и руководители проекта хотели бы выразить Юрию Николаевичу Вознярскому, поддержавшему это издание.

**Н. А. Аликина,
заслуженный работник культуры РФ.**

Не стоит ли нам по прошествии более чем семидесяти лет, подобно старому и мудрому человеку, оглянуться назад и увидеть, что ни в жизни человека, ни в жизни народа не бывает «лишних» страниц. Поймем ли мы, что 1917 год — не лишняя страница в истории России? Не лишняя, не пустая, не бессмысленная. Да, страница горькая. Но ведь, по слову Писания, «не из праха выходит горе и не из земли вырастает беда» (Иов. 5, 6)

*Патриарх Московский и Всея Руси
Алексий II.*

Глава 1

1905—1917

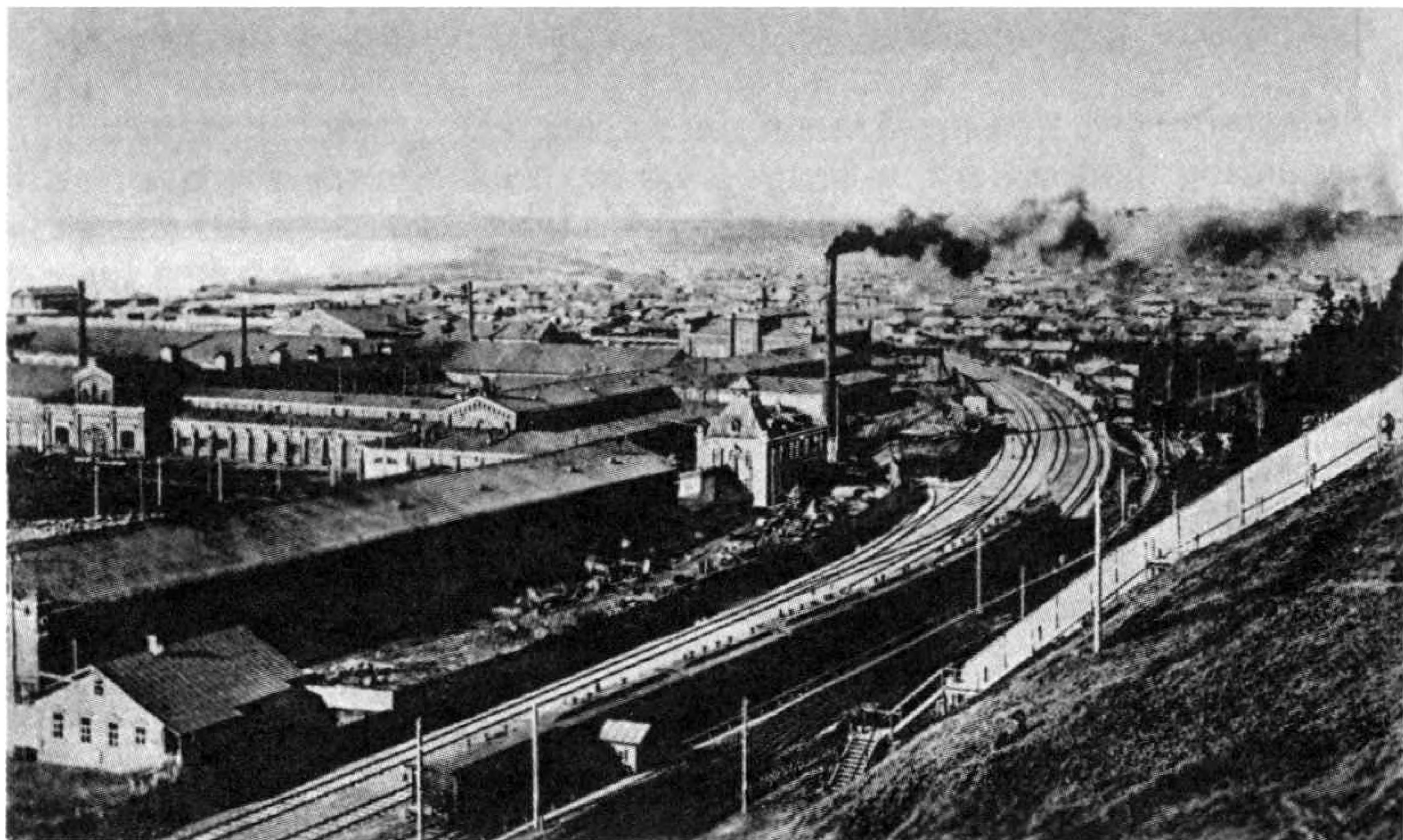
Начало политической биографии Мясникова

*Портрет и характер. Участие в революции 1905—1907 годов.
Царские репрессии. Выход на политическую арену в 1917 году.*

Весной 1905 года первым пароходом в Мотовилихинском поселке появился шестнадцатилетний энергичный, самоуверенный парень — Гавриил Мясников. Он приехал из Чистополя. Всю зиму копил деньги на дорогу. О большом Мотовилихинском заводе слышал давно и ехал сюда с радостным любопытством.

Родился Гавриил в деревне Березовка Чистопольского уезда Казанской губернии. Отец вел мелкую торговлю, имел лавку в деревне, но с трудом сводил концы с концами. Школы в Березовке не было, и с восьми лет мальчику пришлось жить в городе на квартирах, то у родственников, то у знакомых. Отец обеспечивал питанием и кое-какой немудрящей одеждой, в остальном же Ганька был предоставлен себе.

Учился хорошо, все ему давалось легко, без особых усилий, но всегда он был неумыт, неухожен, простужен. Рано научился постоять за себя и слыл среди сверстников заводилой и драчуном, никому спуска не давал, что и вынуждало отца время от времени менять квартиру сынку (угол с кроватью), предварительно задав хорошую трепку. Городскую ремесленную школу окончил в 13 лет, но к роди-

Мотовилиха. Пермские пушечные заводы. Начало XX века

телям в Березовку возвращаться не захотел. Отец, конечно, надеялся на помощника и, когда сын отказался вернуться в родительский дом, оставил его без какой-либо помощи. Гавриил стал жить самостоятельно. Пришлось батрачить на чужого частного хозяйчика, жить в скверных условиях и мечтать о другой жизни.

Мотовилиха по сравнению с тихим Чистополем выглядела внушительно. Война с Японией еще не закончилась, цеха работали с полной нагрузкой, заказов было много, рабочие руки нужны. Приняли Гавриила учеником слесаря в снарядный цех № 2 (всего было пять снарядных цехов). Жилище, привычный закуток, нашел без труда на Висиме.

Смышленный подросток быстро прижился в цехе. С первого дня все стали звать его Ганька — так он простодушно представился. Позже, в 1920-х годах, даже в официальных документах, где у всех рядом с фамилией стояли имя и отчество, у Мясникова значилось не Гавриил Ильич, а просто Ганька. Даже Ленин однажды записал: «Гавриил Мясников (Ганька)», сочтя это за партийную кличку. Впрочем, так оно и было.

Из глухой глубинки Мясников попал на один из крупнейших заводов Урала, где бурлила революционная жизнь, где большевики вели непримиримую борьбу с меньшевиками и эсерами за влияние на рабочих.

Ганьке на заводе нравилось всё и все. Он старался походить на рабочих постарше, таких как Иван Зенков, Василий Фролов, Яков

Кузнецов. Перенимал их привычки, манеру говорить, всячески подражал им.

Мясников появился на заводе в пору начала революционного подъема и буквально с первых дней оказался в центре политических событий.

Мотовилихинские рабочие, вчерашние крестьяне, были тесно связаны с землей не только родовыми корнями, но и текущей повседневной жизнью. Кадровые рабочие имели свои, чаще добротные, дома, огороды при доме, большие семьи с 5—7 детьми, держали коров. Для прокорма скота им отводили покосы на широких камских просторах. По давней традиции, завод весной закрывали на неделю, освобождая рабочих для посадки картофеля и овощей, а летом еще на две недели — для заготовки сена. Отсюда и пошло дожившее почти до наших дней, но постепенно забываемое выражение «мотовилихинские косари».

Ганьке, выходцу из крестьянской семьи, ближе и понятнее были эсеровские взгляды, выражавшие интересы крестьянства, и он вступает в партию эсеров. Но, как оказалось, ненадолго.

Из автобиографии Мясникова:

«Как губка впитывает воду, так и я жадно вбирал в себя все до толе невиданное и неслышанное. Я искал правду. Я вступил в члены партии социалистов-революционеров. Это было в мае 1905 года, а в сентябре я покидаю ряды этой партии и вступаю в члены РСДРП. Но внутри социал-демократической партии не было единомыслия: шла борьба между большевиками и меньшевиками. Мне все было нипочем. Забастовка. Бегу на собрание, раздаю прокламации. Кидаю гайки в стариков-штрейкбрехеров, что остались у станков. Выгоняем их из завода... Волнуюсь, кричу, слушаю, учусь, читаю».

Точная характеристика себе. Таким он оставался всю жизнь: энергичный, самоуверенный, в любую минуту готовый сразить метким и резким словцом, в пылу гнева кулаками доказать свою правоту.

В 1920-е годы, когда велось следствие по делу «мясниковщины», следователи задавали свидетелям вопрос: «Что вам известно о связи Мясникова с эсерами?» Однако допрашиваемые ничем не могли подтвердить этой связи; напротив, они рассказывали, как Ганька «громил» эсеров на собраниях и митингах.

Переходу к большевикам в значительной степени содействовало сближение Мясникова с молодыми рабочими-большевиками, такими как Михаил Туркин, с которым он особенно подружился, эта дружба продолжалась и в годы Октябрьской революции. Несомненно, политическое влияние на Ганьку оказывал и Алек-

1905 год в Мотовилихе. Митинг под горой Вышкой

сандр Борчанинов, но вот его-то Мясников сразу и навсегда невзлюбил, возможно, за аккуратность и студенческую куртку с медными, начищенными до блеска пуговицами. Эта нелюбовь впоследствии переросла в презрение. Гавриил открыто заявлял: «Ты мой враг, Борчанинов!»

Именно с этими людьми Мясников стал посещать кружок политграмоты и удивлялся Михаилу Туркину, который был старше его всего на два года, а уже побывал в тюрьме за политическую пропаганду и легко разбирался в конкретных вопросах. Умный от природы, Ганька все схватывал на лету, но на занятиях был непоседлив, прерывал пропагандиста бесчисленными вопросами, вертелся, гримасничал, всех смешил и сам смеялся громче всех. С чьей-то легкой руки к нему прилипла кличка Петрушка, а год спустя еще одна, совсем иная — Гражданин. Как ни странно, обе клички верно отражали противоречивые черты мясниковского характера.

Надо отметить, что Ганька совсем не обращал внимания на свою внешность, небрежен был во всем. Одна его сверстница сказала: «Вечно он шмыгает носом». Так что симпатией у девиц наш герой не пользовался. Но и Мясникову в те годы было не до девиц. (Потом-то он с лихвой наверстает упущенное.)

Мясников участвовал в декабрьском вооруженном восстании в Мотовилихе в 1905 году, состоял в боевой дружине широко из-

вестного на Урале революционера А. М. Лбова *, который, несомненно, был его кумиром. Ганька помогал строить баррикады, разоружал охрану, и из 12 револьверов, отобранных у охраны завода, один достался ему. «Мы стреляли из дома,— пишет Мясников в автобиографии,— убили двух казаков. Дом разгромили, я был схвачен и избит до полусмерти».

Сильный удар нагайки свалил его с ног, и при падении Гавриил ударился головой о мостовую, на время потеряв сознание. Участник восстания В. Т. Фролов свидетельствовал: «Я подобрал его на улице и свел в заводскую больницу».

Мясников избежал ареста и продолжал выполнять партийные поручения под руководством Я. М. Свердлова. Яков Михайлович приехал в Пермь в начале января 1906 года, чтобы восстановить разгромленную организацию большевиков. Не дремали и жандармы. В июне они провели хорошо подготовленную акцию по ликвидации Пермской организации большевиков. Арестовали 54 человека, в том числе и Мясникова.

Мотовилихинская революционная молодежь первые аресты воспринимала с особой гордостью (не всякого удостаивали, многих выпроваживали из полицейского участка примитивным пинком или подзатыльником). Пермские жандармы имели целый штат провокаторов в среде большевиков. За Мясниковым следили довольно долго и взяли его с поличным.

Из обвинительного акта:

«Одновременно с Касьяновым и Зайковым арестован был в Мотовилихе заподозренный полицией в участии в изготовлении

Я. М. Свердлов,
один из руководителей
Екатеринбургской и Уральской
партийных организаций.
С января по июнь 1906 года —
руководитель Пермской
организации РСДРП

* А. М. Лбов не принадлежал ни к какой партии, но смело боролся с самодержавием и был одним из руководителей декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе, после поражения которого ушел в леса с группой людей, чтобы продолжать борьбу, получившую название «лбовщина». В мае 1907 года был осужден военно-полевым судом и казнен в Вятской тюрьме через повешение.

взрывчатых веществ рабочий Гавриил Мясников. По обыску у него обнаружены три вполне снаряженных ударника для бомб, со вставленными уже стеклянными трубочками с серной кислотой, и один пустой ударник. У того же Мясникова обнаружены: металлическая печать Мотовилихинской организации Пермского комитета РСДРП, чековая книжка, выданная Пермским комитетом на сбор пожертвования на его нужды, несколько сот прокламаций издания Пермского комитета и записи условных кличек членов его...»

При первом же допросе Гавриила накормили селедкой, а пить не давали, однако он «твердо от всяких показаний отказался».

За участие в декабрьском вооруженном восстании перед судом предстало 92 человека, из них две трети — молодежь от 16 до 23 лет.

Мясников был осужден на 2 года 8 месяцев каторжных работ, но, прибыв на место, продал все, что у него было, включая арестантскую одежду, купил лодку и бежал. С этого времени Мясников ведет скитальческую жизнь. Он бежит, его ловят; он снова бежал, его опять ловили.

5 ноября 1909 года Г. Мясников арестован в Тюмени с паспортом на имя Агапита Мягкова. По поводу этого ареста писатель Ю. Трифонов в книге о своем отце написал:

«Итак, Трифонов приехал в город, опустошенный провокаторами. Он действовал осторожно — знал о недавнем печальном опыте Ганьки Мясникова, который, бежав из иркутской ссылки, по дороге решил заехать в Тюмень. Шпики увязались за ним. Он обошел нескольких товарищей, никого не застал дома; всех в тот же вечер арестовали, так же, как самого Ганьку. В тюрьме Мясникова свои же избили до полусмерти, и за дело».

Еще одно свидетельство об этом факте. Вспоминает П. П. Ермаков, член партии с 1905 года: «В ноябре прошли групповые аресты ссыльных. Отчасти виновником их был бежавший из Иркутской губернии Мясников, небезызвестный потом враг большевистской партии и советской власти. Он вел себя провокационно — ходил по квартирам ссыльных мотовилихинцев без всякой конспирации, что и послужило причиной арестов. Каким-то путем он даже добрался до нашего комитета и на одно из заседаний явился с проживавшим в Тюмени ссыльным Трифоновым и развел демагогию. По его мнению, нужно немедленно готовиться к вооруженному восстанию. И это в 1909 году, в момент, когда только после разгрома начали сколачиваться партийные организации, а тут тянут на вспышкопускательство! Кое-как мы отбились от непрошеного «организатора».

В 1910 году в Александровской пересыльной тюрьме социал-демократы устроили заочный суд над Мясниковым за тюменские аресты, но оправдали его, сочтя, что посещение явок без конспирации сделано им без злого умысла. Сам Мясников пишет, что о суде ему сообщил Е. Преображенский и что его оговорил провокатор.

По дороге в ссылку из Тюмени Мясников снова бежал, но вновь был арестован на Ленских золотых приисках.

Жандармы постоянно находили Мясникова. Вот один из таких документов: «12 марта 1913 года крестьянин Казанской губернии, Чистопольского уезда, д. Березовка Мясников Г. И. под именем Попова Нестора Ивановича проживал в Баку». В автобиографии Мясников уточняет: «В 1913 году жил в Баку по Ольгинской улице в д. № 5. С женой, не женой, а так себе, с бабой очкастой».

В этом же году вновь арестован и по приговору Тифлисской судебной палаты приговорен к 6 годам за принадлежность к партии большевиков, с кандалным сроком, а за побеги — к 3 годам каторжных работ. До марта 1917 года сидел в каторжной тюрьме в городе Орел, в одиночке № 44.

Мясникову было тогда 28 лет.

В годы тюрем, ссылок и побегов Гавриил неустанно самообразовывался, много читал, гордился неоднократно прочитанной Библией. Обширные полужнания и отсутствие системы в образовании внесли в его путанные мозги невероятную неразбериху. Это сказалось на дальнейшей жизни не лучшим образом. Тем не менее подсознательно в голове Мясникова зрела уверенность в своем большом предназначении, в способности повести за собой рабочих-подпольщиков. И он не ошибался.

Февральская революция 1917 года освободила из тюрем, ссылок, с каторги сотни политических заключенных. В первые месяцы в Мотовилиху вернулись И. И. Карякин, В. П. Новожилов, К. Д. Ваганов, В. М. Сивилев, К. М. Лякишев и многие другие. Мясников приехал прямо в арестантской одежде. Десять лет с небольшими перерывами сделали этот наряд привычным. Ну, может быть, хотелось и покрасоваться немного: «Смотрите, вот я каков!» Но это был уже совсем другой Ганька. Жизнь, полная лишений и несправедливостей, сделала его многоопытным и более серьезным человеком. Весь его облик, внешний вид и внутренний настрой говорили о решимости ринуться в водоворот революционной борьбы.

В первые же дни Мясников был командирован в исполком Совета рабочих депутатов Мотовилихинского завода. Он весь ушел в работу. От природы неукротимый, выполнял любое поручение

«Ганька» — Гавриил Мясников

с полной отдачей, и все ему было мало. Митинги и собрания, часто стихийные, были самой распространенной формой политической агитации. На них обычно выступали представители разных партий, и исход митинга зависел от умения оратора донести до слушателей свою программу.

Вот с таких стихийных митингов начал политическую карьеру Гавриил Мясников. Неожиданно для самого себя он стал замечать, что его слушают более внимательно, чем других ораторов. Особенно удачно получалось, когда незадачливый оратор пытался больше жестикулировать, чем словами, доказать преимущества своей партии. Мясников решительно сгонял такого с трибуны, нередко импровизиро-

ванной (крыльцо, ящик, бочка и пр.), и «брал» слово. Вскоре он стал любимцем публики.

Из воспоминаний В. А. Зюева, члена большевистской партии с 1917 года: «Оратор Ганька был мировой. Ну и говорун, ну и говорун! Эсеров и меньшевиков громил так, что после него выступать было нельзя: раскладывал их на обе лопатки. Я не раз слушал его в цирке на митингах, когда он выступал перед солдатами. Даже Александр Борчанинов не мог с ним тягаться».

Говорил Мясников уверенно, безапелляционно, сильно жестикулируя, речь пересыпал образными сравнениями, разъяснял политику партии большевиков и отвечал на вопросы просто и понятно. Это привлекало слушателей, да и внешний вид imponировал: по натуре неряшливый, Гавриил понял, что рабочим и солдатам нравилась его одежда («свой мужик»), тогда как аккуратные, пригалстуках и, упаси Бог, в очках ораторы отпугивали слушателей. Так обычная одежда Мясникова стала его униформой. Это не требовало никаких усилий, а выигрыш — несомненный.

В летние месяцы 1917 года у Мясникова, вынесенного на гребень революционной волны, укрепляются мысли о своей исключительной роли в революции. Он стал искать популярности, славы, старался всюду успевать, быть нужным, полезным, незаменимым. Получалось неплохо.

2 мая 1917 года Мясников впервые был избран в Мотовилихинский Совет рабочих и солдатских депутатов (до этого времени он состоял членом Совета по направлению Исполкома). На общем собрании рабочих Мотовилихи в Совет «равнообязанными и равноответственными» избраны: В. И. Решетников — 258 голосов, И. И. Карякин — 208, Г. И. Мясников — 187 голосов.

Число голосов, полученное Мясниковым, — меньшее, чем Решетниковым и Карякиным, — не обескуражило его: он-то не сомневался в своем превосходстве, в способности быть первым в Совете и сделал вывод: надо лучше работать. И оказался прав: в период подготовки Октябрьского переворота ни одно политическое мероприятие не обходилось без него. Известность день ото дня росла. Мясников выступал с дельными предложениями, вносил резолюции, критиковал нерадивых. Например, 23 июля, на собрании членов РСДРП(б), где присутствовало 300 человек, предложил «признать деятельность Государственной Думы контрреволюционной»; на другом собрании выступил с идеей: собрать с членов партии по 1 рублю и «направить в ЦК РСДРП(б) на подготовку Учредительного собрания, а часть денег оставить на организацию типографии». Предложения были приняты.

Подготовка социалистического переворота в центре и осуществление его в Прикамье выдвинули Мясникова в число первых местных политических руководителей. Он избирается председателем Мотовилихинского поселкового Совета, членом Мотовилихинского райкома партии большевиков, делегатом всех проходящих в Перми партконференций и общегородских совещаний.

В октябре 1917 года ЦК РКП(б) рекомендовал от Мотовилихи Мясникова для избрания в Учредительное собрание. Кроме Мясникова ЦК РКП(б) рекомендовал от Перми В. Н. Андроникова и А. Г. Белобородова *.

* *Белобородов А. Г.* (1891—1938), активный партийный и советский работник на Урале. В 1918 году — председатель Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1922 году — заместитель наркома внутренних дел.

Глава 2

Июнь 1918

Политическое убийство

Мясников узнает о проживании Михаила Романова в Перми. Краткие сведения о Великом князе. Подготовка и проведение операции. Участие в деле архиепископа Андроника.

Январь 1918 года. На III Всероссийском съезде Советов Мясникова избирают членом ВЦИК. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет соединял законодательные и исполнительные функции. Это высокое избрание Гавриил Ильич воспринял с удовлетворением. Он многого добился за прошедший 1917 год. В автобиографии скромно отметил: «...Мое влияние было заметно...» В действительности же влияние Мясникова в Мотовилихе неизмеримо выросло. Ему доверяли и избирали своим представителем во всевозможные инстанции, и он всеми силами стремился оправдать это доверие. Честолюбивый и заносчивый, он искал повод для того, чтобы проявить себя как-то по-особенному.

Мясников несомненно пользовался заслуженным авторитетом среди ответственных работников Перми и Мотовилихи. Однако его неумная энергия нередко утомляла губернские власти, и ему не всегда сообщали о тех или иных событиях, происходящих в Перми. Так произошло и на этот раз.

О том, что в Перми проживает последний российский император Михаил Романов, причем живет без всякой охраны, Мясников узнал случайно. Новость поразила: как ему, члену ВЦИКа, не сообщили о таком событии! Поразмыслив, Гавриил Ильич догадался, что от него сознательно скрывали данный факт, опасаясь каких-либо инициатив с его стороны. «Очень странно,— пишет Мясников.— С этого времени я стал присматриваться, что делается у нас в Перми».

Прошло несколько дней. Встретившись с председателем Пермского городского Совета А. Л. Борчаниновым, давним своим недругом, Мясников хитро прищурился и спросил: «Ну-ка, Лукич, скажи, когда привезли Михаила Романова в Пермь?»

1919 год. Делегаты Всероссийского съезда Советов от Пермской губернии.
Г. И. Мясников (стоит) — пятый слева

Узнав не только дату приезда, но и то, что по разрешению Центра ему позволено свободное проживание, Мясников пришел в еще большее смущение. Невероятно! Сняли надзор — значит, Губчека не считает Михаила контрреволюционером? И он прогуливается по городу, катается на лодке и вообще может выехать за пределы города?

Мясников долго думал, и его осенило: центральные власти посмотрят сквозь пальцы, если рабочие сами расправятся с последним императором России. Гавриил Ильич решил ко всему происходящему внимательно присматриваться.

Великий князь Михаил-младший, сын Александра III, рос в семье любимым, балованным и изнеженным ребенком. После смерти от чахотки среднего брата Георгия, в 1899 году, он стал самым богатым из великих князей, получив в наследство все движимое и недвижимое имущество брата, и до рождения у Николая II сына Алексея (1904) считался наследником престола. Но и в последующие годы, и во время тяжелой болезни Николая II, и когда больной гемофилией Алексей не раз бывал на грани жизни и смерти, Михаил оставался неоспоримым и единственным престолонаследником, хотя к короне относился с полным равнодушием.

Повзрослевший Михаил Романов был мечтой петербургских дам и с упоением отвечал им взаимностью, пока не встретил свою, как он называл эту женщину в письмах, «Наташеньку». Жил без проблем, был равнодушен к роскоши и испытывал в жизни две

страсти: к автомобилям, которых у него было немало, и к любимой женщине Наталье Сергеевне Шереметьевской-Мамонтовой-Вульф-Брасовой — даме, дважды разведенной и получившей титул графини Брасовой после покупки Михаилом графства Брасово во Франции.

В свое время Николай II поднял на ноги всю жандармерию, препятствуя браку Михаила с Натальей, даже после рождения у них сына Георгия в 1910 году. Все же влюбленные сумели обмануть всех шпионов и сыщиков, обвенчавшись в сербской православной церкви. Свидетелями были церковный сторож и его жена.

Узнав об этом, Николай II лишил Михаила всех званий (кроме сана Великого князя, что было не в его власти) и запретил возвращаться в Россию. На десятки писем Михаила отвечал ему неумолимым отказом.

Михаил Александрович всегда и всюду пользовался любовью окружающих, чего нельзя было сказать о его красавице жене, «хитрой и злой бестии», как величал ее Николай II.

Только спустя годы царь пожалел брата, тоскующего в своем английском замке Небворт, и разрешил вернуться в Россию.

В Первую мировую войну Михаил Романов командовал «дикой» дивизией горцев, но вскоре заболел, ушел в отставку и поселился в своем коттедже в Гатчине. Там в начале марта 1917 года он и получил телеграмму от Николая II: «Его Императорскому Величеству Михаилу Второму». Михаил не поверил своим глазам, но так оно и было: Николай II отрекся от престола и от своего имени, и от имени своего больного сына.

Но и Михаил не пожелал взваливать на себя столь тяжелую ношу. Он срочно выехал в Петроград, однако пошел ночевать не в Зимний дворец, в царские покои, а решил остановиться у своих друзей Путятиных.

Утром к Путятиным в дом на Миллионной, 12, прибыли члены Временного правительства и подтвердили отказ Николая II от престола в пользу Михаила II. Очевидцы утверждали: «Михаил заплакал». Выяснив у членов Временного правительства, что ему и его семье не могут гарантировать безопасность, Михаил попросил разрешения дать ему подумать и ушел в другую комнату. Через полчаса вышел и твердо заявил: «Я отказываюсь от престола в пользу народа».

По другой версии, Михаил отказался от престола в пользу Учредительного собрания. Со времени получения телеграммы от Николая II до отказа Михаила от престола прошло менее суток. Таким образом, ни фактически, ни юридически Великий князь Михаил российским императором не был, хотя свита величала его

Ваше Императорское Величество. Так закончилась династия Романовых, начавшаяся с государя Михаила I в 1613 году и закончившаяся Михаилом II в 1917 году.

В конце 1917 года Михаил обратился в Совнарком с просьбой сменить фамилию Романов на фамилию жены — Брасов, желая стать обычным гражданином Советской республики. Но Ленин отказался заниматься этим вопросом, а 9 марта 1918 года подписал постановление Совнаркома «О высылке бывшего Великого князя М. А. Романова, его секретаря Б. Н. Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца А. М. Власова и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления П. Л. Знамеровского в Пермскую губернию, впредь до особого распоряжения».

Великий князь
Михаил Романов

Неделей позже, 17 марта, Пермский исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов под расписку принял М. А. Романова и его небольшую свиту. Прибывших тут же поместили в комнату тюремной больницы («для его же спокойствия»), специально для них заново отремонтированную.

Понятно, разгневанный такой «заботой» Михаил телеграфирует управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой подтвердить распоряжение председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого о свободном проживании в Перми. Получив ответ, 25 марта 1918 года Михаил с сопровождающими его лицами поселился сначала в бывшем Благородном собрании (ул. Сибирская, 20; ныне здание занимает клуб УВД имени Ф. Э. Дзержинского), затем в Королёвских номерах (ул. Сибирская, 3). Последние были названы по фамилии владельца гостиницы Королёва, хотя за роскошь и созвучие в народе их называли «Королевские». Сначала ежедневно, а затем раз в неделю Михаил являлся в Пермскую губчека для отметки.

Пермский Совет, подчинившись решению Центра, предоставил Михаилу свободное проживание, но предупредил, что за последствия ответственность на себя не берет.

В течение нескольких недель Мясников размышлял, как ему поступить в отношении Михаила Романова. Почему Ленин

и Свердлов позволили ему свободное проживание? И Мясников решил, что «допущено такое в целях избежания обострений с буржуазными странами. Ленин и Свердлов делают либеральные жесты... Ну, тогда надо сделать так, чтобы и голову контрреволюции снять, и советскую власть оставить в стороне. Если уж в угоду буржуазии Запада, в целях избежания столкновений, необходимо найти виновника, ответственного за этот акт, то я предстану перед судом, возьму на себя всю ответственность и скажу, почему и как я избрал этот единственный путь».

Приняв такое решение, Мясников стал искать пути его осуществления. Кому довериться? И размышлял: «Борчанинову? Нет, для него приказ свыше — все! Туркину? Не годится, выпивает, он хорош трезвый... Надо думать одному и делать одному. Если пойти в Королевские номера и просто пристрелить Михаила? Но кто поверит, что член ВЦИКа действовал самостоятельно, без предварительного обсуждения с верхами? Не поверят».

Долго и мучительно Мясников соображал, как ему поступить и наконец решил: «Пойду работать в ЧК и поведу свою линию».

Встретившись в губкоме партии с М. Туркиным, секретарем Пермского губкома, сказал, что хочет пойти работать в ЧК.

Туркин удивился:

— Ты что, малость спятил?

Мясников ответил:

— Нет, ты помоги мне срочно провести переизбрание меня — председателя Мотовилихинского Совета. Я скажу: «Ухожу временно», — и народ согласится.

Мясников приступил к осуществлению задуманного. Прежде всего надо было избавиться от Борчанинова — мог помешать. Подходящий случай не заставил долго ждать. Однажды вечером Мясников, зайдя в городской Совет, увидел Борчанинова сильно пьяным. Не мешкая, вызвал наряд милиции и увез Лукича в вытрезвитель. После такого компромата оставаться председателем горсовета Борчанинову было нельзя. Мясников сделал это без сожаления. Борчанинов часто оскорбительно, к тому же прилюдно одергивал Мясникова по пустякам, постоянно подчеркивал свое превосходство.

В годы революции руководящие работники Перми, взятые из Мотовилихи, оставались на партийном учете в своем заводском поселке. 27 мая 1918 года общее районное собрание Мотовилихинской парторганизации постановило: «Товарища Мясникова **делегировать** (выделено авт. — Н. А.) в Губернский комитет по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, а товарища Борчанинова **напра-**

вить (выделено авт.— Н. А.) на борьбу с Дутовым». Что и было сделано.

В первый же день работы в Губчека Мясников потребовал у председателя Комиссии Федора Лукоянова отчет о работе, хотя прав и полномочий на это не имел. Лукоянов сопротивлялся, но Мясников «усилием» заставил его отчитаться. Зная, что Лукоянов злоупотреблял репрессиями рабочих, не разделявших взгляды большевиков, Мясников спросил:

— За что расстреливаете в подавляющем большинстве рабочих и крестьян?

— Они шептуны, — ответил Лукоянов.

Мясников подумал: «Странно. Михаила Романова берегут, а рабочих расстреливают».

Гавриил Ильич, не открывая прений, внес предложения:

1. Круто изменить линию ЧК — рабочих и крестьян не расстреливать.

2. Конкретно определить, кто подлежит расстрелу: высшие чины полиции, жандармы, шпики, провокаторы.

3. Общая линия ЧК — борьба с партиями буржуазии и попов. Все три предложения были приняты безоговорочно.

Перестановку губчека произвели таким образом: Ф. Н. Лукоянова откомандировали в Екатеринбургскую ЧК, его заместитель П. И. Малков стал председателем (Мясников дал ему такую характеристику: «столяр, средний рост, полноватый, крепкий, ленивый читать, еще более ленивый думать»). Гавриил Ильич сам без труда мог бы стать председателем ЧК, но это не входило в его планы. Поэтому он стал заместителем председателя и одновременно заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

На другой день после утверждения в должности Мясников вызвал Михаила Романова на допрос. Михаил пришел с личным секретарем Джонсоном. Это была единственная встреча. Мясников хотел лично увидеть человека, которого ему предстояло расстрелять. Тут же (про себя) дал обоим характеристики: «Михаил глупый, Джонсон рядом с Михаилом выглядит коротышкой (говорят, он лорд *), но умный и проницательный».

Заканчивая допрос, Мясников предложил Михаилу каждый день приходить в ЧК для отметки.

В начале мая к Михаилу в Пермь на две недели приехала графиня Наталья Сергеевна Брасова. Счастливый Михаил развлекал

* Брайан Джонсон, сын экономки в замке Небворт под Лондоном, принадлежащем Михаилу, был глубоко предан своему хозяину.

жену как мог: разъезжал по городу на привезенном с собой «Роллс-Ройсе», бывал в опере, устраивал вечеринки, пикники.

Жена уехала в середине мая добиваться освобождения Михаила из ссылки. Ей даже удалось попасть на прием к Ленину, но без результата.

Тем временем в Перми и Мотовилихе ползли слухи о вольготной жизни Михаила. Наблюдая его беспечные прогулки и увеселения, население сначала просто роптало, потом рабочие стали устраивать митинги. В Пермский городской Совет поступила резолюция с одного такого митинга: «Если органы власти не посадят Романова-младшего под замок, рабочие сами с ним разделяются».

Допустимо предположить, что негласным инициатором митинга и лаконичной резолюции был сам Мясников. Он продолжал искать способ расправиться с Михаилом.

Идею подсказал вызванный для допроса бывший белогвардейский офицер. В ходе допроса Мясников установил, что в Перми действует организация офицеров, готовящая похищение Михаила *.

«Вот оно что — похищение! Мы сами устроим похищение. Я решил никому ничего не говорить... для меня было ясно, что Колчак, Алексеев, Краснов, Дутов, Каледин ищут знамя для ведения войны. Этим знаменем мог стать Михаил II».

Первоначально Мясников планировал расстрелять одного Михаила, но понял, что без Джонсона он никуда не поедет, и решил покончить с обоими. В его рукописи «Философии убийства» неоднократно, в разных вариациях проходит мысль: «Если сойдет все гладко, это послужит началом к уничтожению всех Романовых». И еще: «Ни одна общественная группа не решится на убийство Михаила... Я один — за. Это тяжело... Вот я иду убивать. Я — один. Не могу сказать ни Ленину, ни Свердлову, ни даже Туркину... Надо быть готовым к ответственности».

Поразительно! Все смешалось в тугой клубок: глубокая искренность, тоска, одиночество, страх и позерство. Но таков Мясников.

И все же он понял, что одному не справиться. Нужны надежные помощники. Выбор пал на четверых.

* Князь Сергей Голицин в книге «Записки уцелевшего» (М.: Изд-во «Орбита», 1990) пишет о своем деде Михаиле Голицине, который с группой офицеров неудачно пытался спасти царя и его семью, создав в Москве тайное общество «Союз защиты Родины и свободы». По всей вероятности, офицер, которого допрашивал Мясников, принадлежал к этой группе. По другим источникам известно, что в это время в Перми в подворье Белогорского монастыря проживали белые офицеры.

Участники расстрела Великого князя М. Романова (слева направо):
А. В. Марков, И. Ф. Колпащиков, Г. И. Мясников, В. А. Иванченко, Н. В. Жужгов

Первый — Андрей Васильевич Марков, большевик, во время убийства князя — комиссар по управлению культурно-просветительными учреждениями (проще говоря, управлял кинематографом «Луч» — слова кинотеатр тогда не существовало), одновременно был агентурным работником Мотовилихинской и Пермской ЧК. Мясников посчитал, что на него можно положиться. Так и было, зато в последующие годы Марков активно выступал против Мясникова, занявшего его должность заместителя директора Мотовилихинского завода.

Вторым был Василий Андреевич Иванченко, большевик, в партии с 1902 года, в июне 1918 года — начальник Пермской городской милиции. При конфискации личных вещей Михаила Романова Иванченко принял активное участие в присвоении части их, поделившись с товарищами (исключая Мясникова). В 1920-е годы партийная контрольная комиссия, рассмотрев это дело, простила Иванченко, учтя его революционные заслуги, и обязала передать взятое в музей. (В 1996 году на одной из выставок в Пермской художественной галерее, посвященной дому Романовых, экспонировался доживший до наших дней хрустальный фужер с царскими вензелями.)

Третьим участником, по утверждению Маркова — предложенный им, был Иван Федорович Колпащиков. О нем известно только то, что он мотовилихинский рабочий, красногвардеец.

И последний, четвертый расстрельщик, приглашенный по рекомендации Иванченко, — известный своей жестокостью Николай Васильевич Жужгов, мотовилихинский рабочий-большевик. В партии с 1902 года, в годы первой русской революции — боевик, участник Гражданской войны. В 1921 году исключен из партии за пьянство. Ко времени расстрела — работник милиции.

Приняв решение, Мясников действовал быстро и без оглядки. Договорился с выбранными им помощниками встретиться в 8 часов вечера в будке кинематографа (А. В. Марков утверждает, что совещаний было два: в помещении Мотовилихинской милиции, потом в будке кинематографа). Только здесь выбранные Мясниковым люди узнали, с какой целью он их собрал. Место было удобное: механик Гальдомак крутил ручку, шел киносееанс, и за шумом аппарата можно было вести разговор так, чтобы никто не услышал.

Гавриил говорил возбужденно, и это возбуждение передалось всем:

— Если мы не поторопимся, Михаила выкрадут, и он станет знаменем контрреволюции.

Снова и снова он повторял себе и собравшимся, что если Ленин и Свердлов боятся осложнений в международном плане, «мы их не скомпрометируем. Мы просто опередим офицерскую организацию, и все будет выглядеть так, будто ему помогли бежать «свои» офицеры. Для этого нужно, соответственно, одеться в офицерскую одежду. Если мы не сделаем этого сегодня, завтра будет поздно».

П. И. Малков,
председатель Пермской губернской
чрезвычайной комиссии
в 1918—1920 годах

Согласие всех участников получено. Далее события разворачивались по плану, разработанному Мясниковым. В заводской конюшне по распоряжению Мясникова взяли двух лошадей, запряженных в фэтоны (коляска с поднимающимся верхом, рассчитанная на двух седоков и кучера).

Приехали в губЧК, упряжки оставили во дворе, зашли в помещение. Марков сел печатать ордер на арест, назвав его «мандат». Ордер

должен быть подписан председателем ЧК П. И. Малковым. Подписал же его Мясников — как заместитель председателя. По другим воспоминаниям, ордер на арест Михаила подписал все же Малков. Жужгов уже сложил бумагу вчетверо и укладывал ее в карман, как в помещении губЧК неожиданно появились П. И. Малков и председатель губисполкома В. А. Сорокин. Ордер на арест им не показывали, ничего не рассказывали, но пришедшие сами догадались, в чем дело. И тогда Мясников заявил:

— Вот что, товарищи Малков и Сорокин. Мы сейчас отсюда уходим, а вы должны оставаться здесь и не выходить в течение 20 минут. На телефон не отвечать.

Председатель губисполкома и председатель губЧК, как китайские болванчики, молча, с пониманием закивали головой. Мясников с металлом в голосе добавил:

— Молчите, а то язык откушу.

И приказал Колпащикову и Иванченко выводить лошадей. Сам же не торопясь пошел пешком к Королевским номерам, не желая руководить арестом.

Далее шло, как задумано. В 12 часов 10 минут в ночь на 13 июня 1918 года Жужгов вошел в номер к Михаилу Романову, предъявил «мандат» и предложил следовать за собой. Михаил после некоторого сопротивления согласился идти, но только обязательно с Джонсоном. Предупрежденный Мясниковым о том, что Михаил, скорее всего, откажется идти один, Жужгов не стал возражать.

«Джонсон испортил мне дело, занял мое место, и мне пришлось остаться», — писал Мясников в «Философии убийства».

Лукавил, лукавил Ганька. Наперед знал, что Михаил один не поедет. Предвидел это и даже сам предупреждал Жужгова. К тому же не составило бы труда взять еще одну коляску или верховую лошадь. Но Мясников заранее решил быть только организатором (заказчиком, как сказали бы наши современники), но никак не исполнителем. Но те, кто стали исполнителями, не поняли замысла. Позже они обвиняли Мясникова в трусости за отказ непосредственно участвовать в расстреле, и даже в том, что он присвоил их заслуги.

Итак, в ночь на 13 июня Михаила Романова посадили в коляску. Жужгов сел за кучера, Иванченко разместился рядом с Михаилом. На второй коляске кучером ехал Колпащиков, а Марков сидел рядом с Джонсоном. Тронулись в путь, договорившись ждать Мясникова у здания Мотовилихинской милиции.

Оставшись один, Мясников направился в городскую милицию (она располагалась поблизости). Там он застал помощника начальника, тоже мотовилихинского рабочего Василия Дрокина, соби-

равшегося ночевать. Так делали многие, если задерживались на службе допоздна, а рано утром снова надо было приниматься за работу. Мясникову ничего не оставалось, как рассказать Дрокину о проводимой акции. Он попросил немедля запрячь для него рысака, чтобы ехать в Мотовилиху.

Дрокин остался у телефона. Он должен был успокаивать звонившего из Королевских номеров П. Л. Знамеровского: мол, «меры принимаются».

Обе коляски ждали Мясникова, как и договаривались, у здания мотовилихинской милиции. Сопровождавшие Романова взяли топор, лопаты, получили напутствие Мясникова «все личные вещи сбросить в могилу» и отправились далее.

Мясников: «Они уехали, я ожидал. Свершилось. История Романовых написана до последней строки».

Что же было дальше?

Из воспоминаний А. В. Маркова:

«Сначала похищенные нами вели себя спокойно и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, откуда в особом вагоне отправим их дальше. Причем я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом, проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100—120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай!» Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок сделал то же самое. И только он стал выходить из фаэтона, я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпашиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но только ранил Михаила. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у товарища Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся вследствие удлинения пули от первого выстрела, т. к. пули у негр были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же. Жужгов ругается, что его наган дал осечку, Колпашиков тоже ругается, что у него застрял патрон в браунинге, а первая лошадь, на которой ехал товарищ Иванченко, испугавшись первых выстрелов, понесла дальше в лес, но коляска задела за что-то и перевернулась. Тов. Иванченко побежал ее догонять, и, когда он вернулся, уже все было кончено. Начинало светать».

Рассвет помешал закончить черное дело. Просто забросали трупы ветками, а на следующий день Жужгов и милиционер Новоселов там же захоронили Великого князя и его секретаря.

Убийцы привезли белье Михаила, дабы удостоверить Мясникова, что дело сделано. Тут же во дворе Мотовилихинской милиции одежду сожгли. Жужгов сказал, что кое-какие личные вещи взяли себе: часы, портсигар, мундштук, ножичек, табачницу — на память. Мясников не стал возражать, но себе ничего не взял. «Было 4 часа утра. Я пошел спать», — писал Мясников.

На следующий день, встретив Туркина, сказал ему: «Этой ночью, Миша, я его бежал» (т. е. «убил при попытке к бегству»). Михаил Туркин понял. Мясников попросил его съездить в Москву, что тот и сделал. Встретившись со Свердловым (он хорошо знал его по работе в Перми в 1906 году), рассказал ему о расстреле Михаила Романова. В доме Свердлова были Енукидзе, Аванесов и Новгородцева (жена Свердлова), они тоже узнали о содеянном.

Андрей Марков, непосредственный исполнитель убийства, в автобиографии (1957 год) пишет, что якобы ездил в Москву, встречался с Лениным и рассказал ему «о ликвидации М. Романова». Вызывает большое сомнение его встреча с Лениным. Марков всего лишь рядовой исполнитель. В его воспоминаниях по поводу убийства Великого князя много неточностей, искажений и умолчаний, сделанных отнюдь не по забывчивости: он совершенно сознательно старался преувеличить свою роль.

Летом 1964 года на одной из встреч с А. В. Марковым * в Москве автор обратила внимание на его ручные часы необычной формы и, похоже, очень древние, даже музейные. На вопрос: «Откуда такие?» — Марков ответил, что они принадлежали личному секретарю Великого князя Романова, англичанину Брайану Джонсону, и что он взял их на память с руки Джонсона после расстрела.

— С тех пор не снимаю, — сказал он. И добавил: — Хорошо идут, ни разу не ремонтировал, только время от времени отдаю в чистку.

Именно в этом разговоре с автором Марков рассказал подробности убийства. Он утверждал, что поехали в район речушки Архирейки (излюбленное место, где в летнее время рабочие Мотовилихи скрывались от полиции, проводили партийные собрания, маевки, встречи. — Н. А.) и там осуществили задуманное. Позже

* После XX съезда КПСС партийные архивы страны, в том числе и Пермский, развернули активную работу по сбору воспоминаний участников Октябрьской революции и Гражданской войны. Велась большая переписка, поиски адресов. Только в Москве выявили более 40 человек и установили с ними контакты, в том числе и с А. В. Марковым.

Марков прислал воспоминания в Пермский областной партийный архив, взяв с автора данной книги слово не публиковать их и никому не показывать до его смерти. Сказал, что всю жизнь опасался расправы сторонников монархии. Умер А. В. Марков в 1965 году.

Но вернемся в год 1918-й. С утра 13 июня в городе стало известно об исчезновении Михаила Романова. На другой день в Мотовилихе состоялся монархический митинг, «...толпа ничего не хотела слушать, и даже когда тов. Мясников явился на собрание, несмотря на сильную болезнь, сколько ни требовал, его не стали слушать...» Был ли Мясников действительно сильно болен, испытывал ли нервный срыв после содеянного, сказать трудно. Монархически настроенное население бурно реагировало на исчезновение Михаила Романова. Чтобы успокоить горожан, 15 июня в местной газете появилась маленькая заметка в 30 строк «Похищение Михаила Романова». В ней сообщалось:

«В ночь с 12 на 13 июня, в начале первого часа по новому времени, в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с прибывшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного комитета прибыли в номер через несколько минут после похищения. Немедленно было дано распоряжение о задержании Романова. По всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещении Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуны и в Уральский областной Совет. Проводятся энергичные розыски».

Информация никем не подписана. Поиски никто никакие не вел. Но общественное спокойствие по поводу исчезновения царской особы восстановилось.

В центре «поверили в похищение». Жену Михаила Наталью Брасову обвинили в пособничестве и несколько месяцев держали в тюрьме.

Дальнейшая судьба ее печальна. Промотав все, что ей удалось увезти из России, в том числе фамильные драгоценности, продав поместье во Франции и замок Небворт в Англии, она вела роскошную жизнь, пока были деньги. Умерла в 1952 году в приюте для нищих.

М. К. Касьвин в книге «Двадцать три ступени вниз» о жизни царской семьи и последствиях убийства Михаила Романова без ссылки на источники писал:

«На первом же допросе в Чека с участием представителей Совета Мясников объяснил: «...Поскольку у рабочих возникли опасения, что Михаил, воспользовавшись предоставленной ему свободой, исчезнет, пятеро добровольцев по личному почину и усмотрению, без ведома советских организаций, решили сделать то, что они сделали...»

Все сказанное М. К. Касьвиным по поводу допроса не соответствует действительности. О каком допросе Мясникова в Пермской ЧК может идти речь, если председатель губчека Малков и председатель губисполкома Сорокин знали о похищении, а заместитель председателя ЧК Мясников руководил акцией? Кто же кого допрашивал в Пермской ЧК — нижние чины свое начальство? Никакого допроса не было и быть не могло.

Есть еще одно свидетельство — воспоминания почетного гражданина города Перми В. Ф. Сивкова. В момент описанных событий он исполнял обязанности заместителя председателя губисполкома. Кого как не Сивкова должны были пригласить в качестве «представителя Совета» в ЧК?

Сивков же тогда ничего об убийстве не знал. Прочитал информацию в газете о похищении Михаила Романова и узнал, что в городе немало монархистов, видевших в похищении «перст Господень» — чудо спасения от большевиков члена царской семьи. В воспоминаниях он пишет: «Все это были слухи, а мне хотелось знать правду, и на мой вопрос по этому поводу Павел Иванович (Малков. — Н. А.) совершенно спокойно отвечал: «Найдется Михаил, куда он денется!» Судя по ответу Малкова, мольбы монархистов и церковников «О здравии раба Божия Михаила» не дошли до адресата...»

Спектакль с похищением был разыгран как по нотам. Никто из участников проведенной акции не понес наказания. Более того, убийцы Михаила Романова в память об этом историческом событии все вместе сфотографировались. Всякий, посмотрев на этот снимок, увидит открытые взгляды, смотрящие на мир с сознанием выполненного долга *.

* На этой фотографии (см. с. 25), опубликованной в разных источниках, стоит дата, но не 1918 год, как было в действительности, а 1924-й. Но в 1924-м Мясников уже более года находился в заключении. Ошибка в дате произошла потому, что фотография приложена к статье К. Г. Ольховской, написанной ею именно в 1924 году.

А. Г. Белобородов, заместитель народного комиссара внутренних дел (1921—1922), нарком внутренних дел РСФСР (1923)

Руководящие органы Москвы, Петрограда и Екатеринбурга были информированы о случившемся. Спектакль продолжался. Пермская губЧК приняла постановление о возбуждении следствия. Арестованы лица, причастные к исчезновению (свита Великого князя), назначен следователь, сняты показания с прислуги и постояльцев гостиницы.

В скором времени вся прислуга Михаила Романова была расстреляна.

Безнаказанность убийства Великого князя Михаила Романова по инициативе Гавриила Мясникова развязала руки уральским большевикам. Жуткий расстрел Николая II, его жены и пятерых детей состоялся в ночь на 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме в

Екатеринбурге. Одновременно в Алапаевске живыми были сброшены в шахту восемь членов царской семьи, в том числе Великая княгиня Елизавета Федоровна, умершие в жестоких мучениях.

Вот телеграмма из Екатеринбурга от 17 июня 1918 года (часы не указаны) *:

«Москва. Кремль. Предсовнаркома Ленину. Председателю ЦИК Свердлову.

Президиум облсовета и областной комитет партии просит вас немедленно по получении записки вызвать Екатеринбург для переговоров по вопросу крупнейшего политического значения.

Белобородов, Сафаров, Голощекин».

Сомневаться не приходится. Речь идет о состоявшемся убийстве царской семьи. Миф о централизованном тайном заговоре против Романовых оказался развеянным. «Все было грязнее, примитивнее и безнравственнее. Центр наблюдал, как «удельные княжества повязывают себя по рукам и ногам кровью своих жертв» **.

* Телеграмма обнаружена автором много лет назад в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР).

** См. предисловие Б. Н. Беленкина и В. К. Виноградова к воспоминаниям Г. Мясникова «Философия убийства, или Почему я убил Михаила Романова»// Минувшее: Исторический альманах. М.;СПб.,— 1995. — № 18.

Можно пойти дальше и высказать предположение: Центр не только спокойно наблюдал, он позволил Михаилу Романову свободно проживать и пользоваться привилегиями царской фамилии (роскошный номер, машина, театры), надеясь, что рабочие, особенно большевики, вернувшиеся из тюрем и ссылок, рабочие, испытывавшие все тяготы империалистической войны, предъявят Михаилу Романову свой счет и устроят самосуд. Расчет оправдался. Мясников вложил оружие в руки исполнителей расстрела, но Центр подвигнул Мясникова к злодеянию.

После расстрела Михаила Романова Мясников пережил тяжелый стресс. Нервы не выдержали. Сказались напряжение последних недель и исход дела, ради которого он пошел работать в Чрезвычайную Комиссию.

В эти же дни, в середине июня 1918 года, в Перми росло возмущение православного населения бесчинствами чекистов: арестами священников, изыманием церковной утвари на нужды революции. Советская власть в первые свои дни и в последующие годы с особой жестокостью обошлась с православием. По всей России были разграблены, а затем и разрушены тысячи храмов, церквей, монастырей. Пермская губерния, насчитывавшая в начале XX века 570 церквей и монастырей, пострадала более других.

Духовенство не могло равнодушно взирать на происходящее. Одним из первых в России выступил против посягательств большевиков на церковь епископ Андроник. Он предсказал наступление братоубийственной Гражданской войны и призвал духовенство и православных прихожан не позволять новой власти уничтожать веру в Бога и молитвенно встать на защиту церкви и России.

Андроник (Владимир Никольский, 1870—1918) в канун Первой мировой империалистической войны, точнее, 30 июля 1914 года, был назначен епископом Пермским и Кунгурским. Пермякам повезло. На редкость высокообразованный служитель церкви, Андроник окончил Московскую духовную академию, а до этого — духовное училище и духовную семинарию, дважды побывал в Японии в составе Российской духовной миссии, был человеком простым, доступным для общения с прихожанами.

Его современник, в то время 13-летний подросток, в будущем известный журналист Борис Назаровский 22 января 1917 года записал в своем дневнике: «Мне хочется разъяснить себе смысл всей жизни и правильное служение Богу. Впрочем, оно уже мною найдено: это служение не столько молитвой, сколько делом. А Бог тоже найдется. Он в простом. Правильны, очень правильны слова епископа Пермского: «Сейчас надо дело делать, а молиться успеем по-

Андроник, архиепископ Пермский
и Кунгурский

том». Итак, мы двинемся разъяснять все великие загадки мира, а девиз мой будет: «Ищущие — найдут!»

Как видим, владыка находил понимание в разных слоях общества. Он снискал уважение всего православного населения Пермской губернии, объезжал приходы, вникал в нужды своей паствы. Шла война, и Андроник много внимания уделял лазаретам, раненым, солдатским сиротам. Летом 1916 года в составе делегации представителей Пермской губернии ездил на фронт в район расположения Пермского полка, служил молебны, причащал солдат. В ставке Николая II был принят царем, имел с ним личную беседу в присутствии наследника Алексея.

Работа Андроника была замечена и отмечена. В декабре 1917 года на 62-м заседании Поместного собора его избрали заместителем председателя Синода. На этом же заседании пермского владыку попросили прочесть составленные им проекты посланий к духовенству и мирянам. Собор принял эти послания, что еще более повысило авторитет Андроника среди иерархов. Весной 1918 года епископ Андроник был возведен в сан архиепископа.

Столкновения чекистов с духовенством продолжались. После разгрома беззащитной Свято-Успенской женской обители и подворья Белогорского монастыря в Перми владыка Андроник обратился в Пермский исполком с требованием прекратить разорение православных обителей.

Независимое и, по мнению чекистов, смелое поведение Андроника вызвало опасение. Тем более что он пообещал прекратить церковные богослужения, кроме крещения и отпевания, а это, несомненно, еще более накалило бы обстановку. Участь Андроника была решена. Но арестовать его — дело непростое. Он пользовался большим уважением, авторитетом и поддержкой у прихожан.

За владыкой пришли в полночь на 17 июня 1918 года, «почти вслед за боем 12 часов на соборе», — вспоминает очевидец. Арестовывать пришли уже знакомые читателю люди: Малков, Иванченко и Жужгов в сопровождении наряда милиции. У закрытых наружных дверей произошла заминка. Чекисты не сомневались, что окружение архиепископа окажет вооруженное сопротивление. Дверь сломали мгновенно, несколькими сильными ударами прикладов, и ворвались в коридор. Бросились вверх по лестнице в покои Андроника.

Он ждал прихода «гостей». Встретил их в полном облачении. Около него стояли отец Пахомий, отец Михаил, швейцар, сторож и служка. Всех обыскали, оружия не нашли. Андронику объявили об аресте.

Владыка потребовал мандат на арест, но в этот момент с соборной колокольни понеслись над городом звуки набата. В ночной тишине колокола звучали мощно и зловеще. Тотчас откликнулись колокола со звонниц других церквей. Столь неожиданный прием привел чекистов в полную растерянность. К тому же двери на колокольню оказались замкнутыми. Бросились искать ключ, но попытки не дали успеха. Набат гудел не умолкая. К собору сбегались прихожане. Охранники стали стрелять в воздух, где-то для острастки застрекотал пулемет. В суматохе трудно было понять, с чьей стороны стреляют. Так, под звуки набата и выстрелов, Андроника торопливо повели к выходу.

Только после того как один из охранников по водосточной трубе влез на колокольню и ранил звонившего, набат смолк.

Очевидец вспоминал: «Одетый по-дорожному в рясу и клобук, с посохом в руке, обычной быстрой походкой шел на смерть архипастырь. Мы видели его близко. Он был спокоен. Не доходя до конца лестницы несколько ступеней, он поднял глаза на нашу группу, почти не останавливаясь, на ходу, поднял руки и благословил нас. Последний раз для нас прозвучал его голос: «Прощайте, православные».

На другой день, 18 июня, в местной газете появилась информация «К аресту епископа Андроника» (местные власти и чекисты упорно не желали признавать в Андронике архиепископа). В информации сообщалось, что «епископ Андроник дошел до того, что стал призывать вооружаться и идти разбивать большевиков... Ввиду такого явно вызывающего поведения, могущего привести к эксцессам, Чека было дано распоряжение об аресте епископа Андроника».

Сообщалось также о том, что в архиерейском помещении было много представителей духовенства, все они арестованы.

Допрос Андроника проводил председатель ЧК П. И. Малков. Об этом хорошо известно из воспоминаний заместителя председателя Пермского исполкома В. Ф. Сивкова, опубликованных в его книге «Пережитое» (Пермь, 1968): «Малков, зная, что я интересуюсь делом Андроника, однажды вечером позвал меня по телефону присутствовать на его допросе... Это был интересный разговор...» Далее Сивков рассказывает, как после долгого молчания Андроник снял с себя нагрудный крест, завернул его в платок и «сказал примерно так: «Мы враги открытые, примирения между нами не может быть. Если бы положение было противоположным, я именем Господа Бога, приняв грех на себя, благословил бы повесить вас немедленно. Других разговоров от меня не будет».

И действительно, Андроник перестал отвечать на вопросы.

По поводу призыва Андроника к вооруженному сопротивлению и вообще к насилию. Ни в каких источниках нет сведений, что у архиепископа и его приближенных имелось оружие. Об этом же свидетельствовал тщательный обыск в архиерейских покоях. Чекистам важно было избавиться от Андроника и его окружения, призывающих паству защищаться от насилия большевиков — пусть даже молитвами, а не оружием.

При написании воспоминаний 80-летний В. Ф. Сивков пользовался газетными информацией, исходящими от чекистов. Вызывает глубокое сомнение цитирование Сивковым по памяти слов Андроника по поводу вешания большевиков. Он употребил выражение: «...он сказал примерно так...», т. е. приблизительно. А, возможно, и совсем не так.

К этому можно добавить, что Сивков во все времена был воинствующим атеистом, по должности не раз вступал в спор с защитником православных Андроником и даже полвека спустя считал его своим противником.

Чекистские утверждения, что Андроник имел отношение к подготовке православного населения к вооруженному сопротивлению большевикам, также вызывают сомнения.

В конце концов к допросу архиепископа подключили Г. Мясникова. О том, как проходил этот допрос, сохранилось свидетельство красногвардейца А. С. Рябухина, данное через некоторое время, в ходе уже белогвардейского следствия: «...его (Андроника) ночью привезли, к нему пришел Мясников... разговаривал с ним всю ночь, задавал епископу Андронику вопросы из Евангелия...» Мясников сам рвался вести допрос архиепископа, и для этого были основания: ему хотелось выяснить многие религиозные вопросы, возникшие при подготовке брошюры на библейскую тему.

В начале 1918 года, будучи председателем Мотовилихинского поселкового Совета, Г. И. Мясников издал эту брошюру на 24 страницах: «Деяния апостолов, или Сиятельная ложь» (издание Мотовилихинского союза рабочих металлистов, напечатано в 4-й Пермской государственной типографии).

В предисловии Мясников указал, что написал брошюру «отчасти в одиночке Орловской каторжной тюрьмы, отчасти в сумасшедшем доме, куда он попал из каторги и сослан был за то, что подал прошение об исключении его из православных христиан...»

Так это или не так, — поверим автору брошюры. В ней Мясников сопоставляет Новый Завет, особенно Евангелие от Матфея, с Ветхим Заветом и, найдя противоречия, доказывает несостоятельность Писания и этим объясняет, почему советская власть против преподавания Закона Божьего в школе, против религии вообще.

Иисус Христос, утверждает Мясников, единственный подлинный борец и защитник, а его последователи: апостолы, в целом духовенство, а также интеллигенция и царь, — все «лжецы и обманщики». И только «власть Советов принесла слепым — прозрение, пленным — освобождение, плачущих и страждущих — возвысила и утешила...»

Так, по-видимому, искренне думал и писал Гавриил Ильич в начале 1918 года, свято веря в новую власть Советов. Пройдет два года, и его отношение к новой власти, особенно к ее руководителям, поменяется с точностью до наоборот.

Тогда же, в июне 1918-го, у Мясникова появилась неожиданная и редкая возможность проверить свои мысли, высказанные в брошюре, в беседе со знающим человеком. Он не собирался допрашивать Андроника по поводу его участия в подготовке духовенства к вооруженному сопротивлению большевикам. Знал, что на предыдущем допросе архиепископ отказался отвечать. В начале допроса, проводимого Мясниковым, настороженный Андроник также приготовился молчать. Когда же Гавриил Ильич завел беседу на религиозные темы, стал расспрашивать о Новом и Ветхом Заветах, архиепископ отвечал неохотно, сухо, но потом с удивлением заметил, что безбожный чекист задает грамотные и непростые вопросы. Увлечен, отвечал четко, просто и необычайно интересно. Мясников впервые в жизни вел разговор с духовно образованным человеком, поражался его уму, знаниям, исчерпывающим ответам. Время допроса буквально пролетело. Мясников настаивал на продолжении, и ему это удалось.

Брошюра «Деяния апостолов» и знание Библии, которыми он

любил похваться, после встречи с Андроником показались Мясникову ничтожными.

Владыка настолько поразил Мясникова своей глубокой образованностью, что тот потребовал от председателя ЧК Малкова отмены смертного приговора. Тщетно. Обычно с Мясниковым считались, но на этот раз сочли, что у него очередной заскок.

В. Ф. Сивков писал: «Невольно вспоминается мне, как тогда, в июне 1918 года, Мясников громил Малкова и меня за якобы неправильное отношение к высокоинтеллигентному епископу Андронику, привлеченному к ответственности за контрреволюционную деятельность». Полстолетия спустя, когда Сивков писал свои воспоминания, он по-прежнему считал чекистов правыми, и поэтому употребил выражение «якобы неправильное отношение», а слова «смертный приговор» заменил на «привлечение к ответственности».

При личной беседе автора с Владимиром Федоровичем об описанном выше инциденте ветеран выразился значительно резче, а именно: «Мясников готов был нас с Малковым в порошок стереть за то, что приговор о расстреле Андроника был приведен в исполнение».

Мясников не простил Малкову этого случая. Он отказался служить в ЧК, где проработал всего три недели, и ушел добровольцем (далее — по мобилизации) на фронт начавшейся Гражданской войны.

Приговор привел в исполнение чекист Николай Жужгов — с изощренной жестокостью, ему свойственной. Он заставил Андроника самого рыть могилу, закопал живым и только потом разрядил всю обойму пистолета в свою жертву. Год спустя «Тобольские епархиальные ведомости» (1919, № 17) приписали эту жестокость Мясникову, назвав его «зверем в образе человека, кровавым руководителем Мотовилихинского застенка».

Через 70 лет, в сентябре 1998 года, Синодальная комиссия по канонизации святых причислила священномученика Андроника к месточтимому лику святых Пермской епархии, что и было утверждено Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II.

Пророчески звучат слова святого мученика Андроника: «...Не покидает меня надежда и уверенность, что Россия воскреснет своим возвращением к Богу. Ободрейте всех и примирите озлобленных с жизнью, вливайте в них начало светлой жизни по Евангелию Христа...»

В конце августа 1918 года Г. Мясников избран председателем Мотовилихинского райкома РКП(б), одновременно оставаясь чле-

ном Мотовилихинского Совета. Авторитет Ганьки по-прежнему был высок.

5 декабря 1918 года, когда колчаковцы подступали к Перми, эсеры подняли восстание на Мотовилихинском заводе. На митинге по этому поводу выступил Мясников как член Временного революционного комитета. Ему удалось убедить рабочих не поддерживать эсеров. Восстание не получило развития и заглохло.

Отступал из Перми Г. Мясников вместе с заводчанами в самые последние дни перед сдачей города.

Из воспоминаний М. Овчинникова, бывшего чекиста:

«...Мы отступали из Перми 24 декабря 1918 года. Числа 20 декабря на одном из партийных собраний в Мотовилихе Мясников призвал дать отпор колчаковским войскам... Дальше я с Мясниковым встретился в Казани в феврале или марте 1919 года. Мы были без квартир, денег, довольствия. Нашли Мясникова и обратились к нему как члену ВЦИК и были свидетелями следующей картины. Мясников своим гортанным голосом: «Вот видите, как над нами, мотовилихинцами, измываются — сидим без хлеба». Кто-то из сидящих заявил: «Вы, уральцы, только Романовых и умеете расстреливать». Это Мясникова взорвало, и он стал говорить грубо и даже дерзко. Тогда председатель ревкома, обращаясь к Мясникову, сказал: «Тебя через 24 часа здесь не будет». Мясников же ему заявил: «Если меня не будет, то и тебя не будет здесь». Однако председатель ревкома остался, а Мясников меньше чем через 24 часа вынужден был выехать из Казани, по распоряжению ревкома или по телеграмме из Москвы — не знаю, но остался он побежденным, это было наше общее мнение».

Казанский инцидент закончился тем, что Мясникова мобилизовали в Красную Армию политкомиссаром 16-й дивизии им. В. И. Киквидзе. Здесь, как и везде, Мясников не мог пройти мимо беспорядков. В материалах Реввоенсовета 8-й армии имеется большое заявление Мясникова в Реввоенсовет республики от 12 июня 1919 года. В нем он протестует против расстрела трибуналом работников тылового штаба Зелинского, Курашникова и Иванова в связи с расследованием причин прорыва фронта неприятелем. Мясников приводит причины прорыва: «Требуемое пополнение было дано тогда, когда его нельзя было ни получить, ни отправить. Точно так же было разрешено распорядиться частями 33-й дивизии, но тогда, когда этого делать было нельзя. Здесь видна преступная рука Южфронта. Кто-то «оттуда» хотел этого прорыва, и вот, вместо того чтобы организовать следствие и расстрелять многих из высшего командования, начинают расстреливать наших товарищей тыловики без моего согласия и ведома.

Я протестую против системы преследования «стрелочников» <...> и заявляю, что больше не буду служить не только в качестве политкома, но и вообще в рядах Красной Армии. Заявляя это, прошу немедленно выслать мне заместителя.

Политический комиссар 16-й дивизии,
член Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета
Г. Мясников».

Замена вскоре нашлась, и Мясников направился в Мотовилиху, где его ждали большие дела.

Глава 3

Август 1919—1920

Мясников делает карьеру

Первые высказывания Мясникова о свободе слова. Дискуссия о советско-партийном строительстве. На посту председателя Пермского губкома РКП(б). Выступление на Всероссийской конференции РКП(б).

Полтора месяца спустя после освобождения Перми от колчаковцев, 13 августа 1919 года, на имя коммунистов Мотовилихинского завода поступила телеграмма, извещавшая о приезде Мясникова с фронта. Депешу зачитали на общем партийном собрании. Известие встретили аплодисментами (в протоколе: «покрыто аплодисментами»).

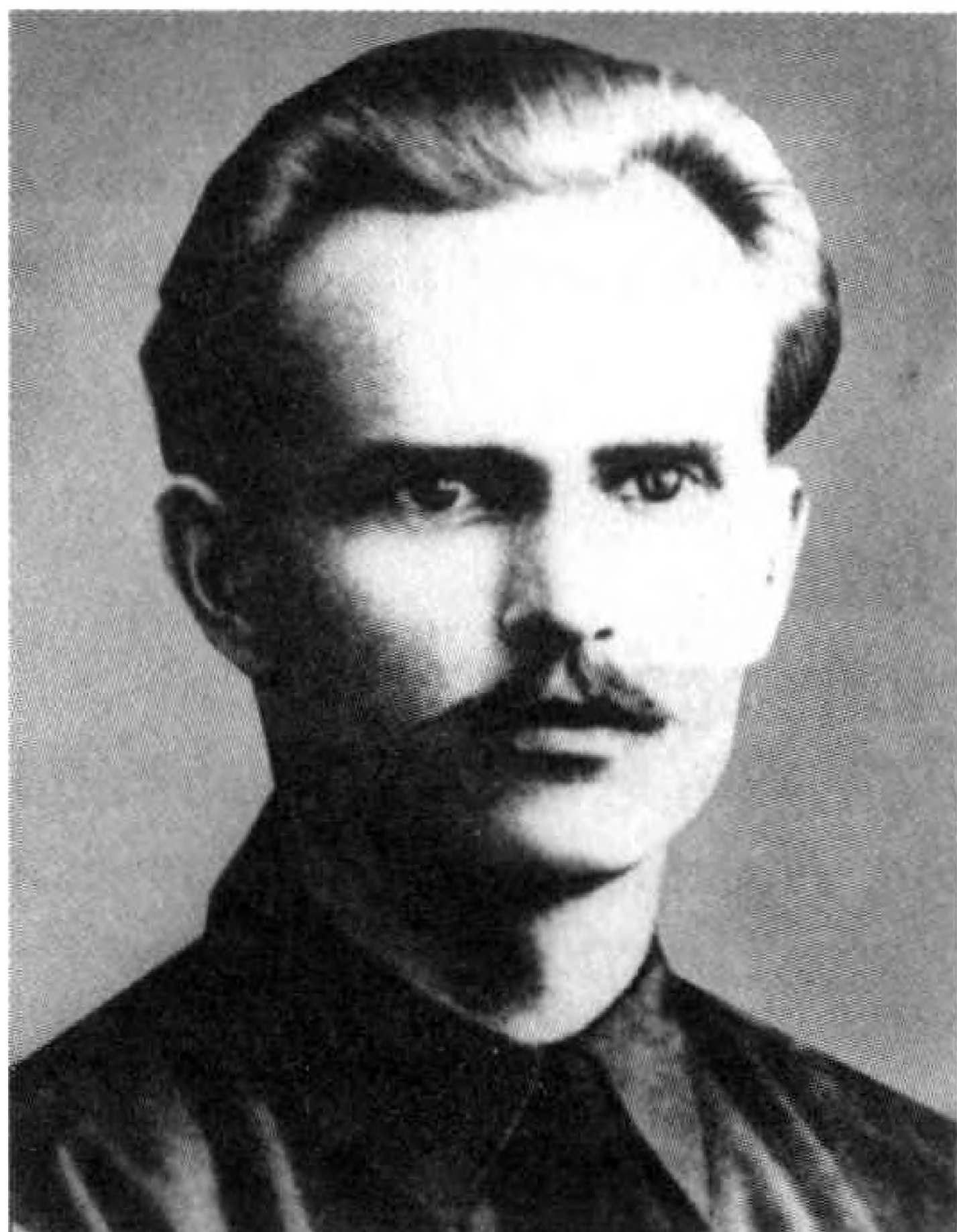
Прошла неделя. 22 августа Мясников выступает перед мотовилихинцами с докладом по текущему моменту. Он полон энергии, говорит с большим подъемом, призывает, как тогда писали газеты, «страстно и трепетно, взмахом революционной воли создавать новый светозарный мир правды».

Мясников свято верит и будет верить до конца жизни, что идеи коммунизма возможно осуществить. Но его не устраивает реальная действительность. Он выступает в цехах, перед рабочими в Перми, рассказывает о перспективах построения новой жизни и не устает критиковать «верхи», которые все делают не для рабочих, а против них.

Жизнь была тяжела: ни хлеба, ни продуктов, ни работы. Народ видел в Мясникове избавителя от трудностей, доверял ему, и это доверие поднимало настроение.

6 сентября Мясникова избрали делегатом на Пермскую городскую партийную конференцию. 15 сентября решением губбюро РКП(б) он назначен для работы в Пермском уездно-городском комитете партии, еще через неделю на 3-й губернской партконференции избран в состав губкома партии и утвержден заведующим отделом по работе в Красной Армии.

Работники губкома партии с первых же дней почувствовали, как сложно работать с Мясниковым. Он был нетерпелив, любые

В. Ф. Сивков, председатель
Пермского губвоенревкома,
председатель Пермского
губисполкома (1919–1921)

задержки в решении неотложных вопросов расценивал как бюрократизм в работе, все хотел сделать немедленно, прямо сейчас. За ним не поспевали.

Многих губкомовцев, особенно молодых и не слишком грамотных партаппаратчиков, вполне устраивало жить строго по указаниям сверху. Г. И. Мясников же, способный мыслить масштабно, резко критически относился к происходящему. В его голове постоянно рождались идеи, понять и согласиться с которыми окружающие были не в состоянии. Возникали конфликты, особенно с председателем Пермского губисполкома В. Ф. Сивковым, тоже человеком со сложным характером.

Из воспоминаний В. Ф. Сивкова (1970-е годы):

«...Мясников высказывал примерно такую мысль: в нашей жизни непорядков и болячек много. Исходят они не только от людей старого уклада, но и от коммунистов. И мы узнаем не обо всех беспорядках. Не надо сдерживать бичующие выступления авторов, вне зависимости от их политических убеждений.

Более того, Мясников предложил издавать листок — приложение к газете «Красный Урал», в котором публиковать все поступающие критические материалы. Предложение Мясникова было отвергнуто. Взорвавшийся Гавриил Ильич обругал всех «гнилыми интеллигентами, оторвавшимися от масс» и ушел, хлопнув дверью. Так нередко заканчивались совещания, на которых Мясников выдвигал какую-либо идею».

События, описанные В. Ф. Сивковым, относятся к 1919 году, следовательно, Мясников уже тогда высказал мысли, которые в 1921 году оформились у него в основной тезис о свободе слова и печати — главный вопрос полемики с В. И. Лениным.

К осени 1919 года в губкоме партии сложились две неофициальные группировки: одни поддерживали Мясникова во всех его начинаниях, правда, часто эта поддержка и одобрение не высказывались открыто; другие категорически возражали против любых мясниковских предложений. Были и те, кто соблюдал нейтралитет.

Сивков, постоянно враждовавший с Мясниковым, принимал решительные меры, чтобы избавиться от него.

В первых числах октября 1919 года из Москвы (по просьбе Сивкова) поступил запрос: «Направить Мясникова в распоряжение ЦК РКП(б)». Президиум Пермского губкома отвечает: «Просим оставить в Перми». Снова запрос: «Мобилизовать Мясникова в Красную Армию». Ответ: «Просим оставить». Переписка кончилась тем, что Гавриил Ильич остался в Перми.

Благодарный товарищам, Мясников развернул и без того кипучую деятельность. Работал самозабвенно, много и результаты своих усилий, разумеется, положительные, желал видеть немедленно. Но результатов-то не было, и Мясников начинал ссориться то с одним, то с другим, то сразу со всеми, выдвигал новые идеи, осуществление которых, по его мнению, все изменит к лучшему.

Тогда-то многие члены губкома пожалели, что Мясников остался в Перми. Чтобы отдохнуть от споров, в ноябре Мясникова командировали в Усольский уезд проверить ход мобилизации в Красную Армию. С поручением он, конечно, справился, провел большую работу.

В командировке проявилась еще одна черта Мясникова, характеризующая его неумемную энергию не только в работе. Не успел Мясников вернуться из поездки, как на него поступили сразу две жалобы от женщин Усожья. Одна писала: «Я постеснялась кричать, боялась, что в дальнейшем мне не будет жизни, так как Мясников занимает центральный пост в комитете партии большевиков...». Другая образно и с подробностями изложила домогательства. Характеризуя эту сторону жизни Мясникова, надо сказать, что в молодости, как уже говорилось, он совсем не пользовался вниманием девиц: неряшливый вид, вечная сырость под носом не вызывали симпатий, зато в тридцатилетнем возрасте он наверстал упущенное.

Из воспоминаний А. В. Альбенского: «Когда Мясников оставался по вечерам в губкоме, молодые женщины из аппарата ходили к нему подписывать бумаги группой. Его не без основания считали бабником».

Мясников был женат, имел к тому времени двух малолетних детей и слыл хорошим семьянином. Рассказывали, например, как он, не стесняясь, мог идти по улице и нести на руках одного, а то и сразу двоих сынишек (это не было принято). А жена держала его под руку и с обожанием поглядывала на мужа. Супруги прилюдно называли друг друга Данечка и Ганечка.

Жена, Дарья Григорьевна, в девичестве Сивилева, активная комсомолка, разделяла политические взгляды мужа и была глубоко ему предана.

С октября 1919 года по март 1920-го председателем Пермского губкома партии был Е. М. Ярославский, посланец ЦК РКП(б), видный деятель партии. Первое время он, очарованный энергией и деловитостью Мясникова, ставил его в пример другим, давал ответственные поручения: готовить к выпуску журнал «Пролетарий», организовать совпартшколу и многое другое. Однако резкие критические высказывания в адрес руководства партии постепенно вызвали у председателя губкома негативное отношение к Гавриилу Ильичу. После отъезда из Перми Ярославский организовал «безотлагательный» отзыв Мясникова в Москву, при этом в телеграмме было указано: «Никаких ответственных поручений Мясникову не давать». В 1940-е годы Емельян Ярославский в одном из своих выступлений скажет: «Мясников — враг ленинизма и всей политики нашей партии».

Мясникову не хотелось ехать в Москву, он наперед знал, что его отправят в какую-нибудь глухомань. На несколько телеграмм об отзыве он попросту не отреагировал и только весной 1920 года по очередному вызову выехал в Москву. Мясникову предложили партийную работу в Самаре, Рязани или еще где-нибудь по его выбору. Однако он решительно отказался и вернулся в Пермь.

За время его отсутствия состоялись Пермская губернская и общегородская партийные конференции. Мясникова никуда не избрали: рассчитывали, что его откомандируют в другой район страны. Вероломство товарищей возмутило: в самом деле, не к станку же ему идти! И Мясников направил свою энергию на организацию партийного и советского аппарата. Реорганизация партийных и советских органов в первые годы социалистического строительства шла непрерывно. Искали наиболее приемлемые формы. Этот вопрос остро стоял в целом по стране.

По инициативе Мясникова на страницах газеты «Красный Урал», переименованной в июне 1920 года в «Звезду», развернулась широкая дискуссия, посвященная вопросам партстроительства. Суть дискуссии сводилась к следующему: в губернском городе Перми были сосредоточены губернский, уездный, городской, а в Мотовилихе — районный партийный и советский органы. Кадров и денег на содержание обширного аппарата не хватало. Стоял вопрос: как удешевить управление, сделать его экономичным и эффективным? Все эти проблемы горячо обсуждались не только в газете, но и на собраниях, совещаниях, конференциях.

На страницах газеты Мясников опубликовал целую серию статей по этому вопросу. В ходе дискуссии он пытался доказать, что деление на губернские, уездные и городские органы — «сколок с буржуазного земства и городских дум», и предлагал сделать со-

ветско-партийный аппарат «аппаратом раскрепощения масс, и постепенно надо государственную власть заменять привычной деятельностью всех людей великой коммуны».

Конечно, Мясникова заносило на чистейшие анархистские лозунги. Его споры с Сивковым были ожесточенны, и не только в газетной дискуссии, но и в личном общении. Однажды, не выдержав, Сивков шлет очередную телеграмму в ЦК РКП(б) с просьбой откомандировать своего горячего оппонента из Перми, иначе «склока будет продолжаться».

V Пермская губконференция (май 1920 г.) не смогла преодолеть влияния Мясникова. Большинство голосов были утверждены положения, не соответствующие ни Уставу партии, ни Конституции РСФСР. Несомненно, в этих предложениях имелось рациональное зерно — подчинить работу аппарата контролю масс. Не все это четко понимали, но, подсознательно чувствуя правоту Мясникова, поддерживали его. На этой конференции Гавриил Ильич был избран в состав Президиума губкома партии, на первом пленуме утвержден заместителем председателя губкома. В ЦК РКП(б) послана телеграмма: «Просим оставить Мясникова в Перми в связи с избранием его в президиум губкома РКП(б)».

В последующие месяцы бывший мотовилихинский рабочий стремительно завоевывает прочные позиции: введен в совет советско-партийной школы, ему поручено разработать план издательской деятельности, избран в губернский комитет содействия Западному фронту. Не зная усталости, участвует, выступает, действует во всех мероприятиях. Он — вездесущ, он — подлинный возмутитель спокойствия.

Конфликтная ситуация нарастает. Летом 1920 года снова ведется непрерывная переписка Пермского губкома партии с ЦК РКП(б) по поводу Мясникова. Не все телеграммы и письма разысканы, но то, что обнаружено, хронологически выглядит так:

4 июня. Телеграмма из ЦК РКП(б) об отзыве Мясникова. Решение губкома: «Командировать Мясникова в Москву с письмом, в котором изложить мотивы оставления его в Перми (причины: «некем заменить»).

10 июня. Пленум губкома партии подтвердил просьбу: «Отменить командирование тов. Мясникова в распоряжение Сиббюро РКП(б)». На том же пленуме он утвержден редактором журнала «Пролетарий».

28 июня. Оргбюро ЦК РКП(б), рассмотрев просьбу Пермского губкома партии, постановило: «Ввиду заявления Пермского губкома, что все трения в Перми прекратились и оставление Мясни-

кова не поведет к их возобновлению, постановление об его отзыве отменить. Секретарь ЦК РКП(б) Крестинский».

13 июля. На президиуме губкома партии П. И. Галанин (председатель губкома) сообщил о поездке в Москву и о переговорах в ЦК РКП(б) о Мясникове. Доклад приняли к сведению, суть его в протоколе не изложена.

1 августа. На пленуме губкома партии Мясников утвержден председателем губкома вместо П. И. Галанина и одновременно — заведующим отделом агитации и пропаганды. Работает в полную силу, в его высказываниях постоянно в той или иной форме звучит подтекст: «Пока я с вами, все будет в порядке. Преодолеем любые трудности». Любил пословицу: «Треску бояться — в лес не ходить». Под «треском» он, разумеется, имел в виду ЦК РКП(б).

26 августа. Снова получена телеграмма из ЦК РКП(б) об отзыве в ЦК Мясникова. Ответ: «Согласны, когда будет прислана замена». Телеграфировал, по-видимому, сам Мясников. Уезжать из Перми он не хотел.

Наконец Москва командировала в Пермь опытного партработника и пропагандиста Н. П. Островскую. Она приехала в город, будучи уже наслышана о Гаврииле Ильиче, и была намерена достойно выполнить поручение Центрального Комитета.

С большим неудовольствием расстался Мясников с должностью заведующего отделом агитации и пропаганды и с первых дней занял по отношению к Островской, мягко говоря, позицию полного пренебрежения. Называл ее «варягом» (так Мясников именовал всех командированных ЦК РКП(б)). При каждом удобном случае подчеркивал незнание Островской местных условий и открыто утверждал, что должность эта ей не по плечу, «не тянет».

Скоро возник острый конфликт. Н. П. Островская решительно протестовала против неправильного отношения Мясникова к «спецам», как называли в те годы чаще всего буржуазных специалистов.

Летом 1919 года при отступлении из Прикамья колчаковцы под угрозой оружия, насильственно забирали с собой «спецов» и высококвалифицированных рабочих. Теперь этих людей презрительно называли «возвращенцами» несознательные рабочие, а нередко и инженерно-технические работники. Требовали ставить их на трудные и невыгодные работы, как бы в искупление вины, увеличивать им норму выработки втрое, — одним словом, всячески притесняли.

В это время участились пожары, хищения, умышленная порча паровозов, усилился скрытый саботаж. Все это несправедливо приписывалось «возвращенцам».

Пермский губком РКП(б). 1920 год. Г. И. Мясников — в центре

Мясников, чтобы заслужить расположение рабочих, подписал постановление об отправке «возвращенцев» на лесозаготовки, где условия работы были особенно тяжелые. Часть коммунистов Мовилихинского завода, поддержанная Мясниковым, стала угрожать райкому партии «неприятностями», если «возвращенцы» не будут «прижаты».

Н. П. Островская пыталась доказать Мясникову неправильность его позиции, специально по этому вопросу съездила для консультации в Москву и в конце концов добилась вынесения спорного вопроса на пленум губкома партии.

Пленум состоялся. Однако вместо серьезного обсуждения важного вопроса, от положительного решения которого зависело правильное отношение к значительной группе людей, Мясников сосредоточил внимание членов пленума на промахах и слабых сторонах работы Островской, на незнании местных условий... И, хотя обсуждался вопрос совсем не о работе Н. П. Островской, большинством голосов принято решение: «Откомандировать т. Островскую распоряжением ЦК РКП(б)». Это был чистейшей воды демагогический прием.

По существу вопроса, который даже не обсуждался, Мясников дал справку: «Линия губкома по отношению к бенякам одобрена пленумом губкома и постановлением горсовета. Мы не против «спецов», мы — против беяков!» И все. Вопрос исчерпан. Никто не возразил, не одернул, не поправил. Мясников отмахнулся от Островской, как от назойливой мухи, — не до нее!

Будучи председателем губкома партии и зная, что этот пост ненадолго, на сентябрьском пленуме Мясников сосредоточил внимание членов губкома на своей новой идее — крестьянском вопросе — и предложил создать Союз хлеборобов.

Это был один из трех тезисов, способных, по его убеждению, изменить ситуацию в стране.

В повестке дня его выступление обозначено буднично: «Текущий момент в пропагандистской работе». Мясников говорил о «громадной возможности агитации среди крестьянства и о борьбе с собственнической психологией». «Единственным вершителем судеб революции, — подчеркнул он, — является пролетариат, которому чужда психология собственности».

Еще не сформулировав окончательно свои будущие тезисы, Мясников противопоставил рабочий класс как «единственного вершителя судеб революции» крестьянству, для которого, по его мнению, было достаточно создать крестьянские союзы.

7 сентября 1920 года Мясников за своей подписью, несомненно, выступив автором, разослал по всем парторганам губернии циркуляр, в котором было сказано:

«Определенно внушать крестьянину, что производимые им продукты не принадлежат ему, как не принадлежат рабочему предметы, вырабатываемые на фабрике, а принадлежат государству, т. е. всем трудящимся».

В этой цитате — ключ в понимании Мясниковым приоритетной роли рабочего класса и одновременно глубокое заблуждение в отношении крестьянства.

К подобным высказываниям Мясникова относились с удивительным спокойствием. Большинство коммунистов не видело в них ничего предосудительного, не чувствовало нарушения союза рабочих и крестьян. По докладу Мясникова пленум принял дежурное постановление: «Принять к сведению». Подобные решения принимались, когда вопрос либо никого не задевал за живое, либо от непонимания, из-за политической малограмотности.

Идея создания крестьянских союзов, высказанная Мясниковым в сентябре 1920 года, явилась попыткой найти выход из складывающегося в деревне политического кризиса (еще до принятия нэпа). Недовольство крестьян подразверсткой перерастало в недовольство советской властью. Принятую же партией новую экономическую политику Мясников расшифровал не иначе, как «новой эксплуатацией пролетариата».

Попытку создать крестьянский союз Мясников сделал, когда был в командировке на севере Пермской губернии, в Усольском

уезде (ноябрь 1919 г.). Ниточка инициативы Мясникова потянулась к В. И. Ленину.

Из Биографической хроники В. И. Ленина:

«30 сентября 1920 г. Ленин знакомится с письмом крестьян из Половодовской волости (Усольский уезд, Пермская губерния) по вопросу организации крестьянского союза и с жалобой на действия местных властей. На конверте делает надписи: «30 сентября 1920 (дело по вопросу об организации крестьянского союза)»:

«Мясников. Уральский.

Гавриил Мясников — «Ганька» Уральский, знают его Новгородцева, Преображенский».

Это первое упоминание Ленина о Мясникове. Содержание письма крестьян из Половодово неизвестно, но достаточно хорошо известно о том, что в феврале 1920 года трое половодовских крестьян-ходоков — Ф. С. Санников, Г. И. Михалев и П. П. Москалев — были на приеме у Ленина, рассказали о беспорядках в их селе. После беседы Ленин написал письмо в Пермский губком партии, потребовал тщательной проверки фактов и проверки личного состава Усольского губкома РКП(б). Проверка показала: «Кулаки настаивали на отмене трудовой повинности, а крестьяне, ездившие к Ленину, боясь еще больших бед, сказали, что они «жаловались Ленину еще на 1918 год, на некоторых коммунистов, якобы и сейчас они занимают ответственные посты, но не указали, кто они такие и где находятся».

Вопрос о крестьянских союзах рассмотрел Пленум ЦК РКП(б) в декабре 1921 года, идею его отстаивал Н. Осинский (В. В. Оболенский), заместитель наркома земледелия. Ленин и большинство членов Пленума высказались против создания крестьянских союзов, поскольку их легко могли захватить кулаки и сделать своей трибуной. Проект Н. Осинского отклонили. Но это было в декабре 1921 года, а Мясников выступил с идеей создания крестьянского союза, Союза хлеборобов, еще весной.

На том же сентябрьском Пленуме губкома партии (1920 г.), где шла речь об Н. П. Островской, Мясников был избран делегатом на IX Всероссийскую партконференцию. Она открылась 22 сентября. Были подведены итоги Гражданской войны, интервенции и окончания войны с Польшей, рассмотрены вопросы партийного строительства и намечены пути сплочения партии, укрепления связей с массами.

На крыльях восторга летел Мясников в Москву, намереваясь «дать бой» с высокой трибуны. Внимательно слушал Ленина, всех выступающих и при первой же возможности записался для выступления в прениях. Слово для выступления ему дали

на второй день, после доклада по организационному отчету ЦК РКП(б).

Время для выступления в прениях — пять минут. Привыкший выступать без ограничений, пересыпать речь пословицами, поговорками, образными сравнениями и уж, естественно, без заранее заготовленного текста, Мясников не уложился в рамки регламента и выступил не лучшим образом.

Он предложил ликвидировать Уралбюро ЦК РКП(б), от которого местные организации «воюют», и навсегда «покончить» с областными организациями (имелись в виду крупные региональные организации, такие как Уральская, объединявшая несколько губерний). Идею создания центрального политпросветительного аппарата он не успел обосновать. Пять минут истекли. Обескураженный, расстроенный, Мясников закончил:

— Потом я, может быть, об этом скажу подробнее...

Понимая, что выступить больше не удастся, Мясников тут же, в ходе заседания, подготовил проект резолюции по организационному отчету ЦК РКП(б) и отправил его в президиум конференции.

Его резолюция в порядке поступления оказалась первой из пяти предложенных. Она касалась объединения Главполитпросвета со всеми органами, ведающими воспитанием населения, работы в Красной Армии, упразднения Уральской области «как излишней передаточной инстанции» и ряда других вопросов.

Против резолюции Мясникова выступил Н. Н. Крестинский, один из секретарей ЦК РКП(б): «...резолюция Мясникова не по докладу и не относительно работы ЦК», — и предложил ее отвергнуть («она случайна»), а пункт о необходимости уничтожения Уральского бюро ЦК РКП(б) расценил как «крик наболевшей души одного товарища с мест».

Следует сказать, что в своем выступлении Н. Н. Крестинский был настроен отрицательно не столько к содержанию резолюции, сколько к личности Мясникова. Ему уже несколько раз приходилось столкнуться с Мясниковым: именно он получал телеграммы из Перми об отзыве Мясникова да и лично был с ним знаком.

Однако Мясников не сдавался. Решил скрестить шпаги и, взяв слово, обрушился на Крестинского. Вот выдержка из его речи:

«С какого времени ЦК перестал считать задачей Организационного бюро именно организацию работы в советских учреждениях? Предположим, нужно устранить организационную неразбериху, например, в области снабжения, в области организации Военного комиссариата, Наркомпроса и т. д. Чья это задача? Организационное бюро должно свою политику проявить здесь. ЦК

к этому вопросу не подготовлен. Крестинского этот вопрос застал врасплох...»

И закончил свое выступление так:

«Я полагаю, нужно поставить именно эту резолюцию на голосование».

Резолюция Мясникова в порядке поступления была поставлена на голосование первой. Из протокола не ясно, сколько голосов было подано за и против, но она не прошла.

Мясников был расстроен, но продолжал оставаться все время на виду. Он делает попытки еще выступить, бросает реплики, вносит предложения, иногда чисто технические. Так, например, в конце шестого заседания конференции он предложил сделать перерыв и закончить конференцию вечером. Предложение Мясникова в точности совпало с регламентом конференции, и, естественно, было принято единогласно.

На последнем заседании Мясников снова настоятельно просил слова для внесения предложения. И он получил его, но поднялся такой шум, что никто не услышал, что именно предложил Мясников. В стенограмме так и записано: «Мясникова за общим шумом не слышно».

В протоколах конференции имя Мясникова упомянуто более десяти раз. Далеко не каждый делегат удостоился такого. Зато руководство партии имело возможность лично познакомиться с человеком, которого прежде многие знали лишь по слухам и гулявшим о нем легендам.

Об итогах IX Всероссийской партконференции Мясников рассказал на пленуме Пермского губкома партии 10 октября 1920 года. Искренне и с горечью сообщил о провале своей резолюции и здесь впервые четко сформулировал два своих тезиса, за осуществление которых был намерен бороться: необходимость создания фабрично-заводских советов и крестьянских союзов.

Тезисы не вызвали возражений, хотя в предложенной Мясниковым резолюции было два неприемлемых пункта: первый — избрать президиум губкома РКП(б) **без председателя и без заместителя (выделено авт.)** и второй — поднять в дискуссионном порядке вопрос о крестьянских союзах. Снисходительность к этим пунктам выразилась в протокольной записи: «Принять к сведению».

В чем причина? Может быть, от усталости, от чрезмерных трудностей трехлетней борьбы? На этот раз стало известно твердо: Мясникова снова отзывают в Москву, а потому стоит ли тратить силы на бессмысленные споры с ним? Знал об этом и Мясников.

Тем не менее с конца 1920 года и почти весь 1921 год президиум губкома партии действовал без председателя. Эту должность поочередно исполняли все пятеро членов президиума губкома, что привело к безответственности и, как следствие, к серьезным политическим ошибкам.

Еще один штрих в политической биографии Мясникова. В XXXVII Ленинском сборнике (с. 260) опубликованы черновые заметки В. И. Ленина, в которых упомянуто имя Мясников рядом с фамилиями Бубнова и Пятницкого. Против этих трех фамилий отметка: «Нездоровые элементы». Из этих заметок и записей за 20 октября 1920 года можно сделать вывод, что Мясников, живя в Перми, заочно был избран в состав Баумановского райкома партии Москвы. По всей вероятности, еще на IX Всероссийской партконференции он установил контакты с членами «рабочей оппозиции»: А. Г. Шляпниковым, С. П. Медведевым, В. Л. Понюшкиным и теми, кто принял Мясникова в свои ряды и надеялся перевести его на работу в Москву.

Навсегда уезжать из Перми Мясников не собирался. Здесь его знали и ценили, но здесь от него и устали. Понимая это, он добился избрания себя на VIII Всероссийский съезд Советов (22—29 декабря 1920 г.) и уже тогда, распрощавшись с пермяками, отбыл в Москву, надеясь там прожить длительное время. Центральный Комитет партии решил по-другому. Гавриила Ильича командировали в Петроградскую партийную организацию на полгода. Члены ЦК рассчитывали, что более здоровая Петроградская организация, с ее прочными революционными традициями, поможет Мясникову преодолеть заблуждения.

Глава 4

Конец 1920 года — май 1921 года Начало политических столкновений

Жизнь в Петрограде. «Докладная записка» Мясникова в ЦК РКП(б). Возвращение в Мотовилиху.

Центральному Комитету партии Мясников доставлял много хлопот. Заместитель заведующего организационным отделом ЦК РКП(б) А. И. Израилович докладывал осенью 1920 года: «Если Мясникова с Урала не убрать, то с Уралом не справиться».

Н. Н. Крестинский, секретарь ЦК РКП(б), лично занимался поисками работы для Мясникова. Сначала его хотели определить в Самару, потом решили направить в Петроград на шесть месяцев (по выражению Гавриила Ильича, «на выучку к Зиновьеву», руководителю петроградских коммунистов).

В те годы перемещение коммунистов по стране было обычным явлением. В ЦК РКП(б) существовал организационно-распределительный отдел, проводивший многочисленные партийные мобилизации, призывы коммунистов на военные и трудовые фронты. Особенно много разъезжало по стране опытных партийцев, нехватка которых в провинциях остро ощущалась. Командировки на три, шесть, восемь месяцев были правилом. Коммунист обязан был идти на всякую работу, какой бы она ни была, и подавать пример стойкости, самоотверженности и дисциплины.

По отношению же к Мясникову командировка в Петроград была первой партийной репрессивной мерой. Руководство партии надеялось, что всемогущий председатель Петросовета Г. Е. Зиновьев сумеет указать Мясникову его место.

Григорий Евсеевич Зиновьев после Октябрьского переворота имел большую власть, был третьим лицом в Кремле после Ленина и Троцкого, оставив позади Каменева, Дзержинского, Луначарского, Чичерина. «Петроградская правда» постоянно печатала его приказы: «Я запрещаю», «Я буду карать безжалостно», «Я не потерплю» и т. п. Вот к такому единоличному диктатору севера России, опиравшемуся на мощный аппарат ВЧК, созданный М. С. Урицким, был направлен Мясников на исправление и перевоспитание.

Г. Е. Зиновьев,
председатель Петроградского
Совета, член Политбюро ЦК
РКП(б), член ВЦИК,
член Исполкома Коминтерна
(1919—1926)

Посмотрим, что из этого вышло.

Из автобиографии Мясникова: «Приехал. В первый же день в I-м Доме Советов, где жили ответственные работники и куда поселили меня, состоялось собрание ответственных работников. В докладе Зиновьев сказал: «К нам приехал страшный оппозиционер, товарищ Мясников, но мы не боимся и не боимся никаких страшных оппозиционеров и не испугаемся товарища Мясникова»... Я не собирался выступать, но вызов сделан, надо отвечать. И я сказал: «Чихнет Зиновьев — вы хором: «Будь здоров». Чихну я — «Ох, как скверно он чихает». В этом все дело».

По существу, Мясников в Петрограде нигде не работал более нескольких недель. Сначала его направили в Наркомвнутторг в качестве «метлы», но там «надо всех выметать», и он ушел, решив: пусть

в этой грязи купаются ее творцы... Затем его направили в Главтоп. «Смилга, кривляющийся интеллигент, начинает с матушки, полагая, что мне, как рабочему и каторжанину, это, понятно, нравится. Такого же тона держался Бухарин...»

Однако Мясников времени не терял. Много бывал на заводах, беседовал с рабочими, написал несколько статей в газеты, приглядывался к петроградской жизни и по результатам своих наблюдений готовил большую работу — Докладную записку в ЦК РКП(б), ставшую одним из его программных документов.

Там же, в Петрограде, у Мясникова зарождается в общих чертах идея создания своей партии, «Рабочей группы», которую он осуществил, хотя и неудачно, в 1923 году в Москве.

Работа над Докладной запиской заняла много времени, размышлений, и, закончив, он направил ее в ЦК РКП(б). Решив, что знакомство с Петроградом закончено и делать ему здесь больше нечего, нарушил срок «командировки» и уехал в Мотовилиху, чтобы познакомить мотовилихинских коммунистов со своей Докладной.

Дверь в приемную секретаря Пермского губкома партии резко распахнулась. Сидящая за столом журналистка (так официально, по штатному расписанию, именовалась должность регистратора, ведущего журналы входящих и исходящих документов) от неожиданности вздрогнула. В комнату не вошел — влетел Мясников.

Это был тридцатидвухлетний смуглый, среднего роста, коренастый человек. Небрежно, даже, можно сказать, неряшливо одет: выдавшая виды кепка, косоворотка не первой свежести, сильно потертая кожаная куртка (тогда говорили «тужурка») — одна пуговица висела на ниточке, брюки, совсем уж в неприличном виде, заправлены в широкие голенища сапог.

Из кабинета в большую приемную, где постоянно толпился народ, вышел Михаил Павлович Туркин. Поздоровался со всеми, внимательно посмотрел на Мясникова и жестом пригласил зайти к нему.

— Послушай, Ганька, ты что себе позволяешь? Ты погляди, какой у тебя вид!

Мясников недовольно осмотрелся, обнаружил неопрятность, тут же привел себя в порядок, ухмыльнулся и с сарказмом буркнул:

— Спасибо за учение... Уж больно вы все тут культурные... ха-ха!

Туркин, одного возраста с Мясниковым, знал его с юношеских лет. Оба работали на Мотовилихинском заводе, участвовали в подпольной революционной работе, были, как тогда говорили, сопроцессниками, т. е. проходили по одному судебному процессу в 1907 году, и даже некоторое время сидели в одной камере Пермской тюрьмы. В 1917—1918 годах постоянно работали рядом. Друзьями не были никогда, но довольно близкими товарищами по работе — несомненно. Два антипода: резкий, шумный горлохват Мясников, которого любили слушать на митингах рабочие, и добрейший, покладистый Туркин, совсем не оратор, но искренне уважаемый человек.

Оба молча разглядывали друг друга. Туркин ждал, когда Мясников, командированный на полгода в Петроград «на исправление и перевоспитание» и вернувшийся раньше срока, скажет,

М. П. Туркин,
ответственный работник
Пермского губкома РКП(б)

с какой целью приехал в Пермь и зачем пришел. «Возмутителя спокойствия» в Перми не ждали, и его приезд оказался неожиданным.

Немая сцена несколько затянулась. Наконец пронцательный Мясников понял, чего ждет Туркин.

— Знаешь, Михаил, я здесь проездом, еду в отпуск на родину, в Чистополь.— Немного помолчал, потом совсем уж примири-тельно, даже просяще, продолжал: — Ребята сказали: сегодня в Мотовилихинском райкоме будет совещание ответственных ра-ботников... Может, дадите мне слово? Расскажу о жизни в Пет-рограде.

Туркин, простая душа, никакого подвоха не узрел, хотя пре-красно знал: от Ганьки всего можно ждать.

— Ну что же, приходи,— с некоторым сомнением пригласил Туркин и тут же раскаялся, подумав, что добром это не кончится. И был прав.

Весной 1921 года на Мотовилихинском заводе сложилась тя-желейшая обстановка. Рабочие голодали. Правда, большинство многодетных семей держали коров, и это спасало, но хлеба совсем не было. С каждым днем уменьшался паек на работающего, а в канун 1 Мая, праздника, любимого мотовилихинцами с дореволю-ционных времен, хлеб и другое нехитрое продовольствие нетру-довому населению вообще прекратили выдавать.

22 апреля завод закрыли на две недели на весенние сельские работы — копку огородов, посадку картофеля и овощей. Так было

Тихая Мотовилиха...

заведено исстари. На заводе оставалось совсем немного рабочих для очистки цехов, мелкого ремонта, заготовки дров. Но даже им выдавался минимальный паек.

Накануне закрытия завода на общезаводском собрании лучшие заводские агитаторы, старые партийцы, секретарь райкома партии Иван Евгеньевич Глухих пытались снять напряжение, призывали спокойно пережить временные трудности. Агитаторы заверяли рабочих, что в губернский продовольственный комитет направлены самые честные, надежные люди для строгого контроля за распределением продуктов, что президиум губисполкома принимает все меры, чтобы изыскать возможности и облегчить положение населения. Собрание прошло организованно, если не считать выкриков женщин и громогласных реплик рабочих.

Однако в первых числах мая резко возросло недовольство среди служащих, работавших без пайка. 10 мая служащие заводоуправления объявили забастовку. К ним присоединились служащие некоторых учреждений. Пришлось прибегнуть к уже испытанному средству. Было объявлено: «Служащие, не приступившие к работе 11 мая, будут переданы в Комитет по борьбе с дезертирством». Это означало, что их будут судить по законам революционного времени. Предупреждение подействовало. Забастовка прекратилась.

К концу мая положение с продовольствием еще ухудшилось. При минимальной потребности 6600 пудов муки на неделю 22 мая было выдано всего 2600 пудов. Встал вопрос о полном закрытии завода.

По этому вопросу и было созвано совещание ответственных работников района, на которое утром в губкоме партии при встрече с Туркиным и напросился Мясников.

Присутствовали 40 человек, в том числе были приглашены представители городских и губернских властей.

Появление Мясникова встретили шумно. Кто приветствовал, кто задавал вопросы о петроградской жизни: «Гавря, надолго ли приехал?», «Ганька, расскажи, как в Петрограде с хлебом, мы тут совсем заголодали».

Мясников остался доволен встречей. Воспользовавшись некоторой суматохой, вызванной его появлением, Гавриил Ильич не стал дожидаться открытия совещания и объявления повестки дня, а по-хозяйски, как прежде, прошел в президиум и, обращаясь к собравшимся, попросил дать ему возможность осветить «текущий момент». И совсем уже по-деловому решительно уточнил тему: «Задачи партийного и хозяйственного строительства».

Никто не возразил. Все понимали, что человек несколько месяцев жил в Петрограде, потом, как выяснилось, две недели провел в Москве — уж ему-то есть о чем рассказать. Никто даже предположить не мог, что это выступление явится началом открытой борьбы Мясникова с генеральной линией партии по многим вопросам, в том числе с решениями X съезда партии, а изложенные им положения войдут в историю партии как «тезисы Мясникова» и станут притчей во языцех партии.

Мясников начал речь так:

— Организационное бюро ЦК РКП(б) командировало меня в Петроград. Как мне удалось установить потом, я был сослан на исправление при содействии, надо полагать, моих пермских «друзей». С этим я согласиться не могу. Однако в ссылке даром времени не терял. Второго мая я направил в Центральный Комитет партии Докладную записку, которую сейчас вам зачитаю...

Чтение с комментариями, дополнениями и разъяснениями заняло около полутора часов, но слушали внимательно, не прерывая.

Докладная записка Мясникова — это литературно-полемическая статья на 16 машинописных страницах, разделенная на небольшие главки, снабженные заголовками: «Возрождение Петрограда», «Красный Петроград», «Военный коммунизм в Петрограде», «Петроградская организация», «Верхи и низы», «Петроградский анекдот», «Почему изверились рабочие», «Кто виноват?», «Что делать?», «Что такое Советы?», «Овладение мелкобуржуазной стихией», «Свобода слова и печати».

Не останавливаясь на детальном разборе каждого раздела, необходимо хотя бы кратко изложить главные мысли этого документа, который во все времена социализма расценивался как пасквиль на социалистическую действительность и считался очернительным документом. Впоследствии Докладную записку даже не цитировали, а лишь использовали основные выводы с последней страницы.

Мясников оказался в Петрограде в канун 3-й годовщины Октябрьского переворота (именно так во всех официальных партийных документах до 1922 года называлась Великая Октябрьская социалистическая революция). Настроение было праздничное. Все газеты писали, что «спящий просыпается», петроградская промышленность опять начинает дышать полной грудью... Мясников не соглашается с такой оценкой и делает вывод: «Это потемкинские деревни. Присматриваясь поближе, я начинал видеть (немало изумляясь) Петроград. Он не такой уж парадно-красный: фабрики, заводы часто бастовали — там не было коммунистического влияния...»

Мясников отмечает, что в Петрограде появился «специальный вид коммуниста. Этот коммунист развязен, толков, все знает, а главное — умеет угодить начальству...»

«...Во всех возникавших забастовках винили меньшевиков и эсеров. Их арестовывали, а забастовки еще более обострялись. И репрессии против неповинных меньшевиков и эсеров превращали их в глазах рабочих в героев, и за них восставали всем заводом. Меньшевики и эсеры говорили об обилии беспорядков, а коммунисты — о возвышенных материях, о будущем земном рае... Коммунист обязан был говорить, что все хорошо».

Особую неприязнь вызывал у Мясникова Г. Е. Зиновьев. Он считал его виновником всех бед в Петрограде. В Докладной записке Зиновьев упомянут девять раз и только с отрицательной стороны. И все же червячок честолюбия не оставлял Мясникова. Несколько раз он подчеркивал, что был «на короткой ноге» с членом Политбюро ЦК РКП(б), председателем Петросовета и председателем Коминтерна. Например: «Тов. Зиновьев как-то возражал мне на мысль о необходимости создания крестьянских союзов... Мне было стыдно, что председатель Коминтерна говорит подобные вещи...»

Оценивая события в Кронштадте, Мясников считает, что виновата руководящая верхушка, у которой нет общего языка не только с беспартийной массой, но и с рядовыми коммунистами. Кто же виноват? И Мясников иронизирует: «...участники оркестра читали басню Крылова, но не до конца, то место, где говорится: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь», этого места они не прочитали. Некоторые думают, что неладно пересаживали. Вот если бы всю верхушку целиком пересадить, оптом, а сюда других — вот тогда бы музыка хоть куда».

Мясников предложил создать основные ячейки государственной власти — Советы рабочих депутатов фабрик и заводов. Советы, первоначально рожденные на заводе и фабрике, став властью, превратились в территориальные органы. «Это и составляет суть потерь в великой битве рабочего класса». И он ратует за восстановление Советов рабочих депутатов предприятий — командиров производства, способных преодолеть разруху.

Много внимания в Докладной записке уделено вопросу овладения мелкобуржуазной стихией. Россия вступила на путь социалистической революции при наличии 90 процентов единоличных хозяйств. «Мы увлекли крестьянина на захват помещичьих земель, но он, крестьянин, остался единоличником, и никакая коммунистическая пропаганда и агитация не может пронять частного собственника». Мясников довольно детально развивает мысль, что

крестьянство пойдет за большевиками «не от речей наших златоустов», а от того, насколько большевики сумеют обеспечить крестьянство новейшими сельскохозяйственными орудиями. «Это будет покорение мелкобуржуазной стихии».

Одним из коренных вопросов в Докладной Мясникова был вопрос о свободе слова и печати. Он утверждает, что Советы рабочих депутатов и крестьянские союзы тогда будут под нашим влиянием, «когда наши партийные ячейки не будут комищеями...» Значит, надо создавать условия свободы мнений внутри партии, и «чтобы весь мир видел, что мы не боимся пропаганды и агитации белогвардейцев всех сортов и оттенков...»

Мясников предложил оздоровить положение в стране тремя кардинальными мерами:

1. Ликвидировать Советы депутатов в том виде, в каком они существуют, и создать Советы рабочих депутатов на фабриках и заводах, передав им управление предприятиями.

2. Формой организации крестьянства должен быть союз, основанный на добровольческом принципе.

3. Провозгласить свободу слова и печати, которую не видел в мире еще никто, от монархистов до анархистов включительно.

Здесь, на совещании ответственных партийных работников Мотовилихи 25 мая 1921 года, Мясников многократно повторял и утверждал мысль: его тезисы — единственное средство для оздоровления страны.

— Рассмотрение выдвигаемых мной трех вопросов, — закончил свое выступление Мясников, — Центральным Комитетом не должно откладываться. Что касается меня, то я, как всегда делалось в рядах нашей партии, буду работать и агитировать внутри партии за их проведение даже в том случае, если ЦК признает их не заслуживающими его внимания или встанет на противоположную точку зрения. Говорю это для того, чтобы ЦК не впал в ошибку при моем назначении. Я получил отпуск и по окончании его поеду в распоряжение ЦК. Питер меня не переваривал.

Последнюю фразу, сказанную утром Туркину, он повторил с болью, вспомнив, как, работая в отделе управления Петросовета, он ссорился со всеми, в том числе и с Г. Е. Зиновьевым. Как ему препятствовали выступать на рабочих митингах и заводских партийных собраниях, где он, Мясников, высказывал решительные протесты против массы недостатков, чаще всего объясняя их плохим руководством.

Затянувшееся выступление Мясникова никто не прерывал. Когда он закончил, какое-то время все молчали. Размышляли. И вдруг заговорили все разом. Поднялся шум. Пришлось Турки-

ну, председателю совещания, открыть прения. Они были бурные, скорее — даже сумбурные. Из 40 присутствующих выступили 15 человек. Значительная часть выступивших поддержала Мясникова. Среди них были такие известные большевики, как П. Ф. Трошев, В. М. Тюрин, Н. Д. Ваганов. Последний в запале выкрикнул: «Нужно легализовать все контрреволюционные партии, вот когда мы завоюем симпатию народа!» Он очень энергично поддерживал Мясникова и, обратившись к Туркину на высокой ноте, закончил выступление: «Нечего работникам губкома партии опекать нас, мотовилихинцев! Мы не маленькие дети!»

С первых минут выступления Мясникова В. Ф. Туркин вспомнил утренний разговор, понял коварный замысел, и ему стало ясно, как Ганька обвел его вокруг пальца. Вот почему Мясников досрочно вернулся из Петрограда! По всей видимости, он и там пытался выступить или опубликовать свой материал, но ему не дали этого сделать. Вот он и примчался в свою родную Мотовилиху, несколько не сомневаясь, что найдет здесь единомышленников.

Слушая Мясникова, Михаил Павлович с тоской думал о том, что не сумеет дать Ганьке достойную отповедь. Не сумеет, и не только потому, что не может тягаться с ним в красноречии. Многие из сказанного Мясниковым было справедливым, только вот уловить грань между правильными мыслями и демагогией было слишком сложно.

Туркин, собрав всю волю, решительно не согласился с выдвинутыми Мясниковым положениями, честно отметив при этом, что первые два положения ему пока не понятны, но третий пункт, о свободе печати, он начисто отвергает, так как рабочим у нас никто не запрещает говорить и печататься. Вопрос этот надо решать на основе постановлений X съезда партии, и никак иначе. Желая успокоить кипевшие страсти, Михаил Павлович, как он позже выразился, «чтобы не травить гусей», предложил подойти к высказы-

Н. Д. Ваганов,
рабочий
Мотовилихинского завода

ным в докладе положениям дипломатически осторожно: «Надо подумать, разобраться».

Доклад Мясникова и прения по нему затянулись до позднего вечера. Главный вопрос совещания, о положении на заводе, были вынуждены обсудить наскоро. Решили завод временно закрыть, в течение трех дней провести перерегистрацию рабочих, «наиболее контрреволюционные элементы удалить с завода».

Последствия доклада Мясникова были серьезными. Участники совещания разделились на две неравные противоборствующие стороны: мясниковцев и его противников. Последних было значительно меньше.

На другой день, 26 мая, состоялся президиум Пермского губкома партии. Здесь впервые присутствовал А. Л. Борчанинов, несколько дней назад вернувшийся из Красной Армии.

Александр Лукич Борчанинов пользовался огромным авторитетом и среди членов партии, и среди беспартийных рабочих Перми и Мотовилихи. Член партии с 1903 года, он в 1905 году был уже признанным партийным вожаком. Пройдя «тюремные университеты», ссылку, в 1917 году он становится одним из руководителей установления советской власти в Перми, был делегатом VI съезда партии и II Всероссийского съезда Советов. Созданный Борчаниновым красногвардейский отряд 30 декабря 1917 года выехал на борьбу с мятежом, организованным казачьим атаманом А. И. Дутовым. При подавлении мятежа Борчанинов проявил незаурядные военные способности и личное мужество.

На заседании президиума губкома партии М. П. Туркин рассказал о вчерашнем многочасовом совещании в Мотовилихе и о предложениях Мясникова. Борчанинов сразу оценил обстановку: предстоит серьезная борьба. Он хорошо знал Мясникова и знал, на что он способен.

Президиум принял решение: так как Мясников не поставил товарищей по партии в известность о своих предложениях, противоречащих решениям X съезда РКП(б) *, то «предложить Мотовилихинскому райкому от выступлений Мясникова перед рабочими воздержаться».

Большая часть губкомовцев знала хватку Мясникова и понимала: предстоит решительная борьба. Но в тот день, 26 мая

* Речь идет о резолюции, принятой X съездом РКП(б) «О единстве партии», согласно которой обсуждение вопросов теории и практики должно вестись на базе марксизма и в рамках политической линии партии.

1921 года, никто и предположить не мог, насколько эта борьба окажется драматичной.

Михаил Павлович Туркин по просьбе редакции газеты «Звезда» подготовил передовую статью, которая называлась «У них и у нас» — по поводу забастовки в Англии. Сопоставляя события, находясь под впечатлением выступления Мясникова и как бы отвечая ему, переживая за свою растерянность на совещании, он писал:

«У нас, советской власти, не страшны подобные мотовилихинские волынки, и, если потребуется, она примет крутые меры против тех, кто шипит из-за угла и злобно радуется каждой нашей неудаче, каждой заминке, хотя эти неудачи и заминки причиняли глубокие страдания всему рабочему классу».

Передовая, опубликованная в «Звезде» 27 мая, была как бы скрытым предупреждением Мясникову и тем, кто его поддерживал.

Вечером того же дня, т. е. 27 мая, в Мотовилихе проходило общезаводское партийное собрание. Оно было знаменательно тем, что на встречу с коммунистами завода пришли Александр Борчанинов, вернувшийся из Красной Армии, и Гавриил Мясников, фактически сбежавший из своей «ссылки» в Петроград, оба известные и даже знаменитые мотовилихинцы. Разумеется, многие уже знали о совещании в райкоме партии, о выступлении Мясникова, но знали понаслышке, и было интересно услышать его самого.

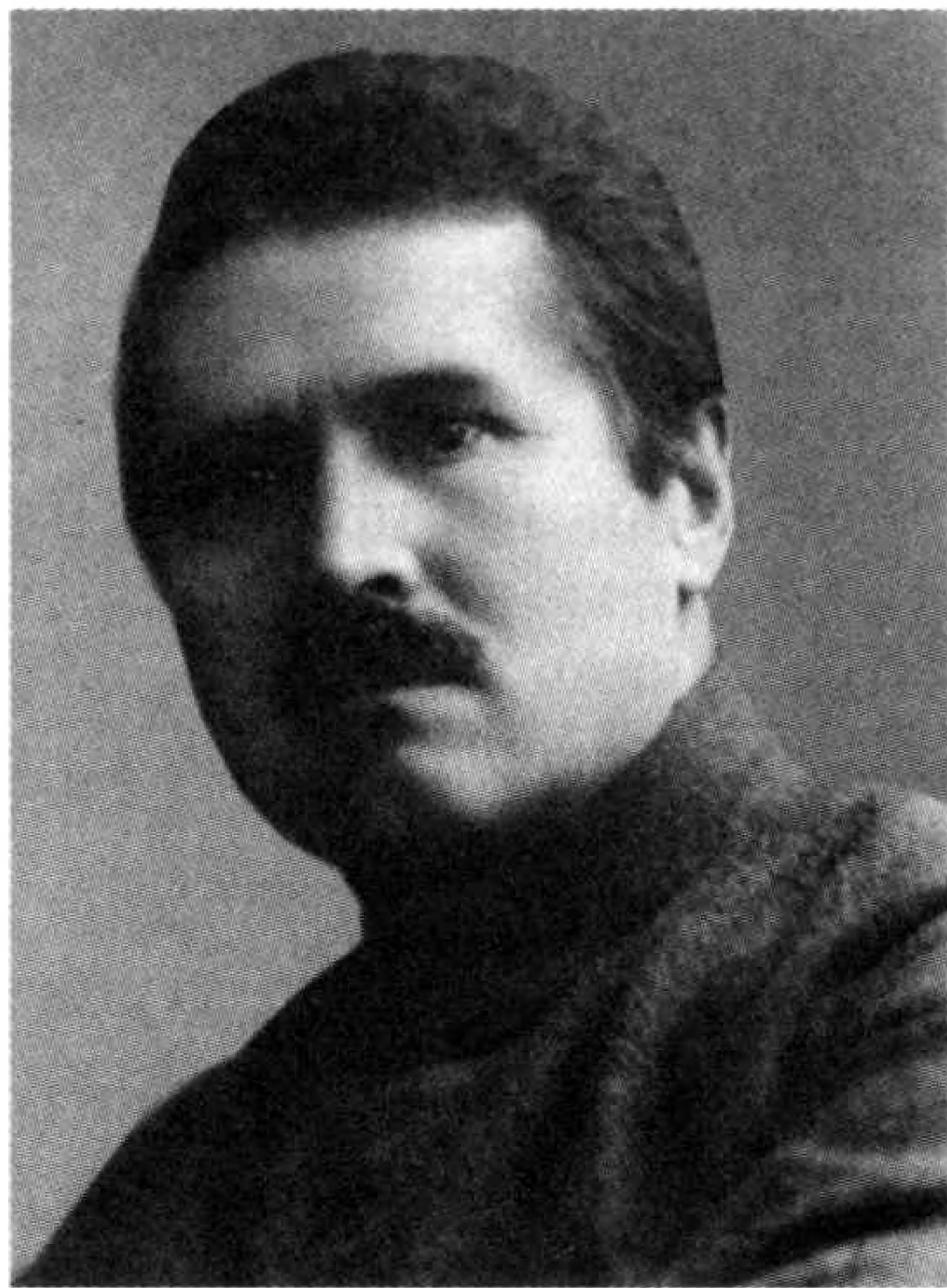
Перед собранием А. Л. Борчанинов встретился с Г. И. Мясниковым, поговорил с ним, сообщил о постановлении губкома партии «воздержаться от выступления» и «по-дружески» попросил подчиниться решению губкома.

Мясников помолчал, подумал, потом, хитро сощурившись, произнес:

— Там видно будет.

И прекратил разговор.

Председателем собрания избрали Мясникова Гавриила Ильича, докладчик — Борчанинов Александр Лукич («всем сестрам по

А. Л. Борчанинов,
председатель Пермского
горисполкома, председатель
Пермской губернской
чрезвычайной комиссии

серьгам»). «Наши задачи» — так назвал Борчанинов свой доклад. Он подытожил четырехлетнюю историю борьбы за советскую власть, говорил о Гражданской войне, ликвидации фронтов, об отношении к крестьянству, о замене продразверстки продналогом. Особое внимание уделил необходимости укрепления партии на основе решений X съезда РКП(б).

Борчанинов прирожденный оратор. Голос у него громкий, четкий и в то же время спокойный, без выкриков. И на этот раз Александр Лукич выступал с большим подъемом. Слушали его около полутора часов. Но в то же время терпеливо ожидали выступления Мясникова.

Председатель собрания вел себя исключительно корректно. Трудно поверить, что он внял просьбе Борчанинова и подчинился постановлению губкома партии. «Скорее всего,— подумал Александр Лукич,— Ганька что-то задумал, и его молчание не иначе, как затишье перед грозой». Но он ошибся.

После второго доклада по вопросу о товарообмене и кооперации Мясников объявил, что выступать не будет, и закрыл собрание. Видя на лицах полное недоумение, разъяснил:

— Я в отпуске, в Перми проездом. Через несколько дней отправляюсь отдыхать на родину, в Чистополь.

Борчанинов и губкомовцы, присутствующие на собрании, облегченно вздохнули. Собрание закончилось мирно.

Глава 5

Июнь—июль 1921 года

Борьба обостряется

Статья Мясникова «Больные вопросы», направленная в ЦК РКП(б).

«Еду в Чистополь отдыхать»,— сказал Мясников мотовилихинцам при последней встрече. Он и в самом деле поехал на родину, чтобы не отвлекаться на повседневные дела и работать над новой статьей. На Докладную записку от 2 мая 1921 года, направленную в ЦК РКП(б), ответа так и не получил. Около месяца Мясников провел в Чистополе, а затем приехал в Пермь, чтобы завершить работу над статьей и проверить, как коммунисты Перми и Мотовилихи отнесутся к его новой работе. В Петроград он решил не возвращаться.

Пермский губком партии готовился к VIII губернской партконференции, назначенной на 21 июня 1921 года. За несколько дней до нее в губком партии к Борчанинову пришел только что приехавший Мясников и потребовал разрешения присутствовать на конференции и выступить.

— С какой стати? — как можно сдержаннее спросил Александр Лукич и добавил: — Ты состоишь на партийном учете в Петроградской парторганизации. Поезжай туда и выступай сколько хочешь.

Мясников побагровел, молча постоял, затем процедил сквозь зубы:

— Ну, бабушка надвое сказала...

И ушел.

Александр Лукич тут же пожалел о резкости своего ответа, да сказанного не вернешь. Посмотрим, что Ганька предпримет дальше.

А дальше было вот что.

На другой день из Мотовилихинского райкома нарочный доставил в губком партии письмо следующего содержания:

«Пермскому губкому партии.

Мотовилихинский райком, согласно постановлению собрания активных работников, просит губком обратиться в ЦК РКП(б)

Мотовилихинский райком РКП(б). 1920-е годы

об отзывании т. Мясникова в свое распоряжение. Учитывая популярность, какой пользуется Мясников среди всей местной организации, райком уверен, что работа т. Мясникова живо скажется на состоянии местной как партийной, так и советской организации. В работниках здесь ощущается острая нужда, в то же время известно, что Мясников в настоящее время находится в отпуске и ни к какой организации для политической работы не прикреплен, а сам Мясников охотно выражает желание приехать сюда для активной партийной и советской работы и даже не использовать своего отпуска.

В получении согласия губкома на отзыв т. Мясникова райком выражает полную уверенность.

Ответственный секретарь райкома И. Глухих».

И в райкоме, и в губкоме партии знали, что Мясников уже десять дней живет в Перми, а все-таки Иван Евгеньевич Глухих пишет: «Охотно выражает желание приехать сюда...»

Пройдет всего лишь два месяца, и секретарь Мотовилихинского райкома И. Е. Глухих «с болью в сердце» будет умолять губком избавить Мотовилиху от Мясникова. А пока просили оставить его в Мотовилихе и были готовы принять с распростертыми объятиями.

В губкоме партии в устной форме разъяснили И. Е. Глухих:

«Мясников состоит на партийном учете в Петрограде, там ему следует находиться».

Ранним утром, в день открытия партконференции, в Пермь прибыл агитационно-пропагандистский поезд «Октябрьская революция», совершающий рейс Москва — Дальний Восток, во главе с председателем ВЦИК Михаилом Ивановичем Калининым. В годы революции возникла такая форма связи с массами: агитпароходы и агитпоезда во главе с соратниками В. И. Ленина помогали местным органам проводить в жизнь политику партии и советского правительства, чтобы, по газетному выражению тех лет, «самые глухие уголки Советской республики осветились лучами знаний и света».

В первой половине дня, перед открытием конференции, губком партии срочно собрал партийный актив, и в присутствии М. И. Калинина были зачитаны тезисы Мясникова. Зачитали, обсудили и приняли решение: признать антипартийный характер тезисов Мясникова, а поэтому запретить ему выступать с докладом по своим тезисам как на партконференции, так и на партийных и рабочих собраниях.

Поддержка М. И. Калинина на партийном активе, затем, несколько часов спустя, на губернской партийной конференции помогла убедить делегатов, что тезисы Мясникова осуждают не только местное партийное руководство, но и представители центральной власти (на активе и партконференции вместе с М. И. Калининым присутствовал заместитель наркома внутренних дел М. Ф. Владимирский).

Здесь важно подчеркнуть: 21 июня 1921 года состоялось первое официальное запрещение Мясникову выступать со своими тезисами.

Это не остановило Мясникова. Напротив, запрещение выступать дало ему в руки новый козырь: «Затыкают рот рабочему классу».

С этого времени (июнь 1921 г.) Мясников создал видимость подчинения партийной дисциплине, перестал выступать на официальных собраниях, в цехах завода. Он сменил тактику и повел широкую индивидуальную работу. Опытный партийный работник, он использовал любую возможность: в рабочем клубе, в комитете комсомола, в штабе ЧОН (часть особого назначения), на улице при встрече с рабочими, с соседями, у себя дома. Возможности у Мясникова оказались самые благоприятные: завод на лето остановлен, те из рабочих, которые не ушли в деревни, сидели по домам, занимались хозяйственными делами, огородами и в поисках общения заглядывали в штаб ЧОНа, ставшего

излюбленным местом встреч, где по вечерам «на огонек» иногда собиралось до 40–50 рабочих.

В ЧОН входили в обязательном порядке все коммунисты, комсомольцы и все желающие. Чоновцы вечерами патрулировали улицы, помогали милиции следить за порядком в заводском поселке, где постоянно случались пьяные драки с поножовщиной, грабежи и масса бытовых происшествий.

В штабе ЧОН Мясников бывал вечерами постоянно, по существу это была его штаб-квартира. Нет, это не были подпольные собрания какой-то определенной группы, как утверждают некоторые исследователи. Это был свободный открытый обмен мнениями: присутствовал кто хотел, высказывался кто желает, но... Как правило, говорил Мясников, остальные слушали, смотрели Ганьке в рот, иногда задавали вопросы, получали исчерпывающие ответы, одобрительно кивали головами. Состав слушателей менялся, но тот, кто уходил, чаще всего уходил в согласии с Мясниковым.

Вот что вспоминали современники.

Михаил Павлович Копысов, член партии с 1917 года, «правая рука Мясникова»:

«Мясников говорил, что надо создать большинство для того, чтобы это большинство созвало в партии чрезвычайный съезд для

перевыборов ЦК, который ведет неправильную политику, приведшую к тому, что нам жрать нечего, нет возможности работать, так как фабрики закрываются, топлива нет. А нет потому, что неправильно распределяют рабочих Мотовилихи, которые были уверены, что Мясников прав».

Иван Иванович Башков, член партии с 1905 года, секретарь Мотовилихинского райкома партии, не мясниковец, но чрезвычайно равнодушный и осторожный человек:

«Об индивидуальной агитации помню то, что, когда Мясников приехал в Мотовилиху, обрабатывал ребят в ЧОНе, давая им свои тезисы и, кажется, отбирая подписи в отдельных беседах, пригла-

И. И. Башков,
ответственный секретарь
Мотовилихинского райкома партии
(1921–1922)

шал к себе на квартиру. Его сторонники говорили: «Почему-то запрещают Мясникову выступать с тезисами, видимо, правду хочет сказать, разоблачить кого-то хочет», — и шли на эту удочку».

Серафима Максимовна Щукина, член партии с 1920 года, комсомолка, в 1921 году секретарь Мотовилихинского райкома РКСМ, тайно разделяла взгляды Мясникова, но никогда не признавалась в этом:

«С Мясниковым я ближе познакомилась, когда забегал в комсомол и в клуб о чем-нибудь поговорить. Он так подходил, что мы не понимали, что он пропагандирует умело и упорно свои взгляды. В то время было принято, что в клубе ответственные работники запросто садились и начинали беседовать на разные темы. Таких бесед в губкоме я помню две-три, главным образом такие обсуждения были по вопросам современной политики. Только позже я узнала, что он приходил систематически беседовать с молодежью, чтобы агитировать за свои взгляды. Таким путем он приходил и в клуб. Например, находишься в клубе, приходит Мясников, тут же в клубе садится на диван и беседует. Темы бесед я не запомнила, но помню, что они были оживленны».

27 июня 1921 года Пермский губком партии получил запрос из Центрального Комитета партии с просьбой сообщить, где в настоящее время работает Мясников.

Официально он нигде не работал, никуда не был избран, упорно вел, как тогда говорили, «разрушительную» работу в Мотовилихе и одновременно готовил большую статью, которую назовет «Больные вопросы». О целях статьи Мясников пишет так: «Я хочу осмыслить основные моменты, основные этапы этой революции, которые часто даже ответственнейшими работниками, до членов ЦК включительно, не осмысливаются, что не может не отражаться вредно на работе всей партии».

Рассказывали, когда однажды Мясникова спросили, где бы он хотел работать, он, не задумываясь, дерзко, хотя и полушутливо, ответил:

— В Политбюро Центрального Комитета партии.

И в глубине души, по-видимому, так думал всерьез и не единожды говаривал: «Ленин — теоретический вождь партии, а я могу стать практическим».

Общее мотовилихинское заводское партсоборание, на котором должны были обсудить вопрос о запрещении Мясникову выступать с его тезисами, было назначено на 5 июля 1921 года. Докладчик — А. Л. Борчанинов.

Обычно Мясников старался не вступать в спор с Александром Лукичом, зная, что тот не полезет за словом в карман. На этот же раз столкновение оказалось неизбежным.

Борчанинов сделал доклад на высоком подъеме, убедительно раскрыл доводы, почему тезисы приносят вред общему делу партии, что они «носят явно эсеровский уклон» и что Мясников не считается с постановлениями X съезда партии.

Гавриил Ильич едва дождался конца выступления Борчанинова. Не стесняясь в выражениях, «крыл чуть ли не площадной бранью» (протокольная запись), обвиняя Борчанинова в извращении его тезисов. Если Александр Лукич говорил убедительно, то Гавриил Ильич ораторствовал хлестко, пересыпая речь солеными шутками и образными сравнениями. То и дело слышишь приглушенные восторженные возгласы: «Во дает! Ну и Ганька!»

По настоянию большинства пришлось открыть прения. Они были обоюдоострыми. Активный приверженец Мясникова П. Н. Некрасов зачитал заявление двух цеховых партячеек за подписью 34 человек против запрета губкома выступать Мясникову с его тезисами. Работники же Мотовилихинского райкома Глухих, Норицин, Шумайлов осудили Мясникова и одобрили решение губкома.

В заключительном слове Борчанинов посоветовал Мясникову обжаловать действия губкома в ЦК РКП(б), а тезисы послать в «Дискуссионный листок», издаваемый ЦК РКП(б). Казалось бы, доводы Борчанинова были убедительны, однако результат голосования был такой: **разрешить Мясникову выступать со своими тезисами** (выделено авт. — Н. А.).

Борьба обострялась. Следующее партсоборание назначили на 15 июля. В эти десять дней Мясников и его сторонники использовали каждый час, чтобы не только пропагандировать тезисы, но, главным образом, дискредитировать в глазах рабочих губкомовцев, особенно Борчанинова, и в значительной степени преуспели в этом.

Пермский губком партии и Мотовилихинский райком в этот период допустили серьезный просчет: занимаясь организацией снабжения рабочих хлебом и другими продуктами питания, проводя в жизнь новую экономическую политику, наконец, изыскивая меры борьбы с Мясниковым, они, по существу, не вели агитационно-пропагандистскую работу в цехах и партячейках. В летние месяцы 1921 года ведущим агитатором стал Мясников. Его активная деятельность сказалась на всех последующих событиях.

Накануне общезаводского партсобрания, 14 июня 1921 года, в райкоме партии состоялось «чрезвычайное совещание» по рассмотрению списка кандидатов в новый состав райкома партии. Срок действия полномочий старого состава истек (выборы проводились каждые три месяца).

Тревогу вызывал Мясников, выставивший свою кандидатуру в ответственные секретари райкома партии. Он по-прежнему нигде не работал и не состоял на учете в Мотовилихинской парторганизации.

Мясникова пригласили в райком партии и попытались его уговорить добровольно отказаться. Как записано в протоколе — «подобному». В действительности же разговор был совсем не добрый.

С. В. Борисов, заведующий оргинструкторским отделом губкома партии, до крайности возмущенный поведением Мясникова, гневно обратился к Гавриилу Ильичу:

— Не бывать этому. Слышишь, Гавря, не бывать!

Его поддержал Борчанинов:

— Если ты, Мясников, не согласишься с мнением губкома партии, мы вынуждены будем за нарушение партийной дисциплины, большую демагогию и политический уклон исключить тебя из партии.

Мясников не только не согласился с мнением губкома партии, он предложил свой список состава райкома партии, полностью состоявший из его сторонников. И при этом заметил:

— На собрании посмотрим, чья возьмет!

В повестку районного отчетно-выборного партийного собрания первым пришлось включить пункт «О т. Мясникове». Этот вопрос оказался главным.

А. В. Филипповых, член президиума губкома партии, дал собранию разъяснение:

— Несколько дней назад и сегодня вторично губком партии запросил ЦК РКП(б) о возможности Мясникову выступать с его Докладной запиской, направленной в Центральный Комитет партии в мае этого года. Губком сделал все возможное по отношению к Мясникову, и, пока не будет получен ответ, райком и губком партии настаивают на запрещении Мясникову выступать.

Не успел Филипповых закончить последнюю фразу, Мясников в крайнем возбуждении оказался на трибуне.

— Это я послал письмо в ЦК! — выкрикнул он. — Это по моему предложению сегодня губком телеграфировал в ЦК! Губком вовсе ничего не предпринял. Эти интеллигенты-губкомовцы приказали

мне не выступать, вопреки параграфу 18, записанному в резолюции X съезда партии по отчету Центрального Комитета.

Мясников не ушел с трибуны, пока не сказал всего, что посчитал нужным: зачитал текст своего письма в ЦК РКП(б) с протестом против «насилия губкома над ним» и предложил от имени собрания, в виде резолюции, послать это письмо в ЦК РКП(б).

Так и стояли рядом Мясников и Филипповых. Последний терпеливо ждал и, когда Мясников выговорился, спокойным тоном пояснил:

— Губком не приказывал, а всего лишь предложил Мясникову не вступать с явно антипартийными тезисами. Он отвлекает своими выступлениями рабочих от важных дел. Мы продискутируем и продналог, и другие народнохозяйственные задания (цитируется по протокольной записи.— Н. А.).

Собрание внимало лишь Мясникову. В результате длительных и бурных споров большинством голосов (109 — «за», 26 — «против», 6 воздержались) приняли резолюцию, предложенную Мясниковым, с твердым намерением направить ее в ЦК РКП(б).

Суть ее состояла в том, что губком партии своим постановлением запретил Мясникову выступать на партийных собраниях с обсуждением вопросов общепартийного и общеполитического характера. Этим запрещением губком нарушил Постановление X съезда РКП(б), в котором указывалось, что рабочая внутрипартийная демократия обеспечивает всем членам широкое обсуждение важнейших вопросов общеполитической и местной жизни.

«Принимая во внимание,— говорится в резолюции,— что губком не только не намеревается проводить это Постановление X съезда в жизнь, но и явно нарушает его, общее собрание членов партии Мотовилихинского райкома постановляет обратиться в ЦК за разъяснением следующих вопросов:

1. Имеет ли право губком запрещать членам партии, согласно Постановлению X съезда, выдвигать вопросы на партийных собраниях общепартийного общеполитического и местного характера.

2. Имеет ли право губком запрещать общему собранию членов партии района обсуждать эти вопросы.

3. Нарушает ли этим самым губком Постановление X съезда по партийному строительству параграфы 18 и 30».

И хотя резолюция была принята, А. Л. Борчанинов еще раз попытался убедить собрание в недопустимости принятия такой резолюции, говорил, что Мясников извращает Постановление X съезда партии, и закончил выступление так:

— Я призываю вас не принимать резолюцию Мясникова, порорящую коммунистов Мотовилихи, известных в партии своей высокой революционной сознательностью. Я предлагаю проголосовать еще раз поименно.

Тут Мясников гневно выкрикнул:

— Не от Чрезвычайной ли комиссии исходит предложение голосовать поименно?!

Предложение Борчанинова отвергли. Наконец добрались до основного вопроса собрания — отчета райкома партии с марта по 15 июля 1921 года. Он ни у кого не вызвал интереса. Едва дослушав доклад, не открывая прений, постановили: «Принять к сведению».

Приступили к выборам райкома партии. В список для тайного голосования внесли и Мясникова. Борчанинов предложил от имени губкома партии кандидатуру Мясникова снять («Не надо идти по скользкому пути за Мясниковым»).

Возмущенный Мясников выкрикнул с места:

— Предлагаю вывести из списка кандидатуру Казановского. Без присланных интеллигентов обойдемся.

Анатолий Никифорович Казановский, двадцати шести лет, рассказал о себе:

— В партии с 1918 года, украинец, дворянин. Окончил учительскую семинарию и Пензенское художественное училище. За распространение нелегальной литературы с 1911 по 1913 год был в Вологодской ссылке. С 1918 года в Красной Армии. После демобилизации по командировке ЦК РКП(б) приехал в Пермь.

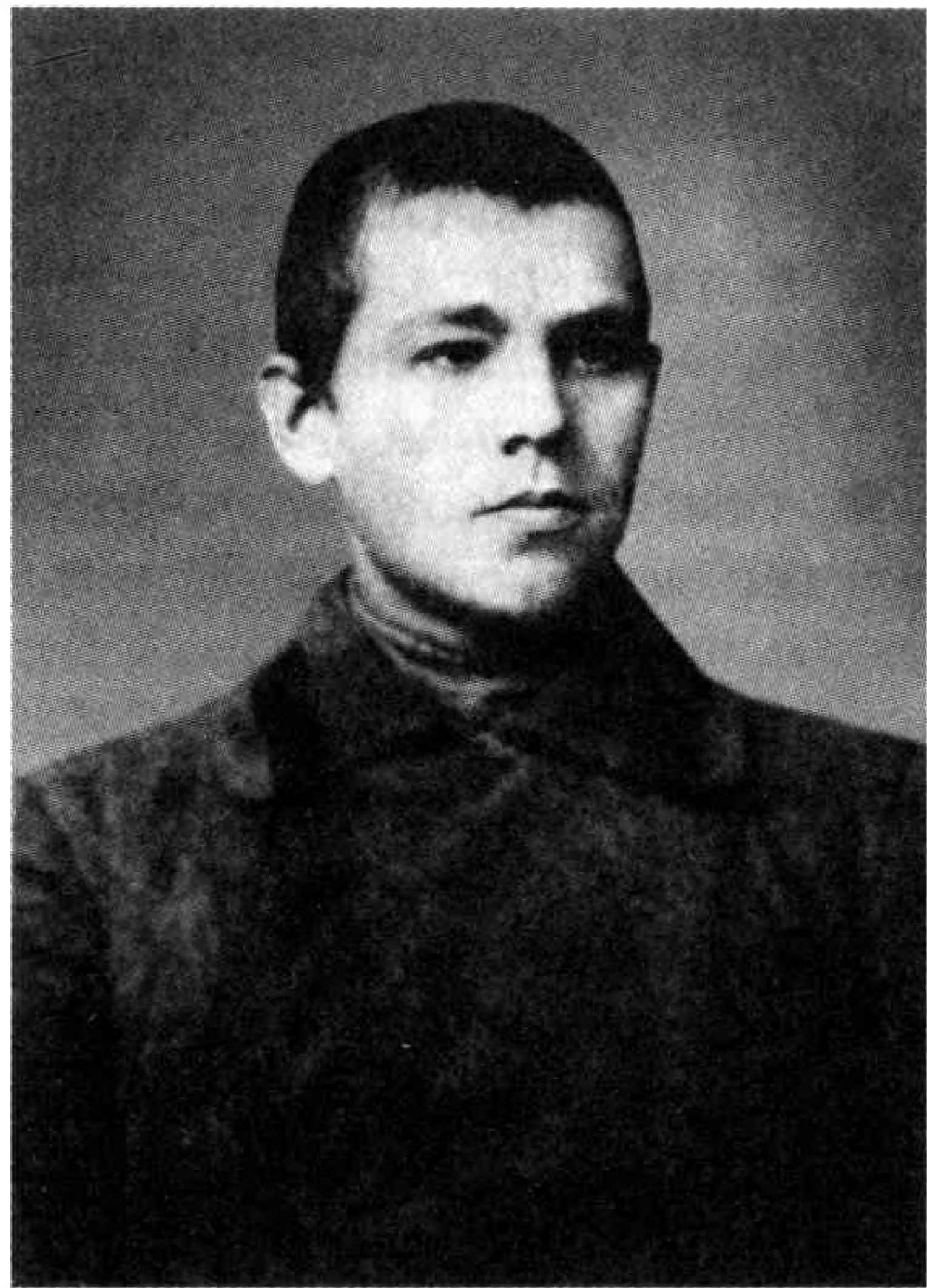
Собрание одобрительно загудело: и биография понравилась, и то, с каким достоинством он говорил о себе. Почувствовав перелом в настроении собрания, Мясников «прекратил использовать приемы своей скверной демагогии» (так в протоколе) и, картинно разведя руками, сказал:

— Вынужден подчиниться насилию. Раз начальство приказывает, надо подчиниться... Будем ходить по интеллигентной веревочке, но, несмотря на насилие губкома, если собрание меня избереет — буду работать!

По результатам голосования Мясников в состав райкома партии не прошел, а Казановского избрали. Более того, губком направил в ЦК РКП(б) большое письмо о том, что Мясников продолжает раскольническую деятельность, направленную главным образом против верхов, и что губком настаивает на немедленном телеграфном отзыве смутьяна из Перми. «В противном случае мы вынуждены поставить вопрос о его исключении из партии».

Последняя фраза в черновике вычеркнута. Сохранилась ли она в подлиннике, направленном в ЦК РКП(б), сказать трудно.

С этого времени (июль 1921 г.) к Мясникову приставили грамотного члена партии Анатолия Альбенского, который всюду сопровождал его, не давая «порочить верхи».

А. А. Альбенский,
член горсекретариата
при Пермском губкоме партии,
ответственный за пропаганду
и агитацию

Из воспоминаний А. А. Альбенского:

«Широкую разъяснительную работу необходимо было вести с ленинских позиций. У меня были острые столкновения с Мясниковым и его друзьями, и не только на словах. Меня дважды стаскивали за ноги с помостов, брали за грудки и т. п. Открывая собрание, как только увидишь Мясникова, или чуб Копысова, или рыжеватую голову Странева — жди какой-нибудь выходки...»

К концу июля 1921 года работа над статьей «Больные вопросы» была завершена. Статья получилась довольно объемной, на 32 машинописных страницах, и явилась дальнейшей разработкой вопросов, поднятых Мясниковым в Докладной записке.

Оба документа воспринимались и тогда, и в последующие десятилетия как крамольные, антипартийные и даже контрреволюционные. И только в конце XX века, чтобы лучше понять современное состояние общества, историки обратились к опыту 1920-х годов и к указанным документам. Они старались заново их переосмыслить, причем высказывали диаметрально противоположные мнения. Но оставим глубокое изучение конкретных вопросов мясниковской программы исследователям. Мы же рассмотрим лишь главные, основополагающие моменты.

Так о чем же статья Мясникова «Больные вопросы»? Она состоит из четырех разделов.

Первый совсем небольшой. Автор ставит задачу осмыслить основные этапы революции, которые, по его мнению, «часто даже

ответственными работниками, до членов ЦК включительно, не осмысливаются, что не может не отразиться на работе всей партии».

Во втором разделе статьи автор рассматривает один из важнейших вопросов своей программы — о гражданском мире, который наступает после гражданской войны. «Время классового боя прошло,— утверждает Мясников,— и гражданский мир есть единственное спасение социалистической России — это чувствует вся страна». В этом вопросе, будем справедливы, Мясников оказался на высоте: «Кто достаточно хорошо понял позицию в вопросе о Брестском мире? В чем его изюминка? В том, что Ильич тогда уже был сторонником гражданского мира, потому что власть находится у пролетариата». С каким сарказмом Мясников обвиняет представителей различных партий, выступавших до революции против классовой борьбы: «Были совсем ручными ребятами — телята, да и только. Но что же мы видим теперь? Не они ли кричат о третьей революции? Не они ли то и дело устраивают вооруженные восстания? Да, да. Они. Те самые божьи коровки».

Позже, в 1922 году, когда Н. И. Бухарин выступил в защиту лозунга гражданского мира, Мясников утверждал, что Николай Иванович взял его идею («стыдно же тов. Бухарину учиться диалектике у рабочего Мясникова»), и, говоря о себе в третьем лице, иронизировал: «Бухарин ошибку сделал, он хотел целовать мощи Маркса, а поцеловал живого Мясникова, который эти мысли высказал в своей запрещенной статье под заглавием «Больные вопросы».

Как увидим дальше, В. И. Ленин одобрительно отнесся к рассуждениям Мясникова о гражданском мире, и Мясников очень гордился этим. Однако в последующие годы его доказательства замирания классовой борьбы шли в полном разрезе со сталинской теорией, по которой классовая борьба обостряется. Отсюда понятно отношение к Мясникову в сталинские времена.

Тема гражданского мира настолько остра и в наши дни, что М. С. Горбачев в докладе по поводу 129-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина использовал письмо Владимира Ильича Мясникову, сказав при этом:

«Если посмотреть свежим взглядом на все то, что делал Ленин в свои последние годы, то можно было бы, наверное, определить так: что были поиски нового понимания социализма и объединения людей, разобщенных жестокостью и ненавистью, вовлечения их в созидательную работу или, как бы мы теперь сказали, консо-

лидации всех, кто готов участвовать, приобщиться или хотя бы содействовать цивилизованному развитию России.

Именно так можно трактовать идею «гражданского мира», о котором Ленин поставил вопрос в 1921 году и который прямо связан не только с перспективой развития страны, но и с мировой политикой».

В третьем разделе статьи рассматривается вопрос о Советах: «Нам нужно восстановить Советы рабочих депутатов, которые должны сменить назначенцев и взять управление хозяйством, заводом в свои руки... это и будет деловой поворот от бюрократии к рабочей демократии».

В этом вопросе Мясников находил немало сторонников.

Гвоздем всей программы Мясникова в статье «Больные вопросы» стал вопрос о свободе слова и печати, об отношении к интеллигенции, к коммунистам. С того момента, как Мясникову не дали возможности не только опубликовать свои тезисы, но и выступать с ними перед рабочими, он стал рассматривать этот вопрос в общероссийском масштабе, требуя коренного пересмотра отношения партии к печати. Если в Докладной записке от 2 мая он требовал «свободу печати от монархистов до анархистов включительно», то теперь он сузил требование до рабочего и крестьянина. Он развивает мысль, что «изголодавшегося, исколодавшегося пролетария» долго ли толкнуть «на гибельный путь свержения советской власти» и не будет ли это толчком для организации крестьянства в контрреволюционную силу, потому как крестьянство тоже не в радости и веселье живет, а мучается и страдает.

И далее: «Если вы докажете, что задачи, стоящие перед нами, рабочими, сумеет решить интеллигенция, ну хотя бы и коммунистическая, то я согласен буду вверить ей в руки свою пролетарскую судьбу, но никто этого доказать не может».

Мясников знал себе цену, считал себя личностью выдающейся и лукавил, говоря в статье: «Я в героев не верю и зову всех коммунистов не верить в них». Правда, слово «герой» он брал в кавычки и называл этим словом «коммунистических чиновников», которые из «массы серого цвета со средними идеалами будут лепить коммунистический рай» (хлестко сказано!).

В заключение статьи Мясников говорит, что пока пролетарию и крестьянину не будет предоставлена свобода слова и печати, влияния коммунистов в их среде не будет. «Я очень хочу, чтоб все коммунисты шевельнули мозгами на сей предмет, и особенно считал бы необходимым этого пожелать интеллигенции, которая на этот счет не особенно дерзка».

В отдельных высказываниях Мясников на многие десятилетия опередил свое время, развивая здравые, даже с точки зрения нашей современности, мысли. Но вместе с тем обнаружил и немало глубоких заблуждений. Не напрасно историки КПСС считали Мясникова «скрытым врагом нового социалистического строя, убежденным проповедником буржуазных взглядов» *.

* *Смирнов В. П.* Утверждение ленинских принципов партийного руководства печатью в первые годы диктатуры пролетариата//Вопросы теории и практики массовых средств пропаганды. Вып. 4. — М.: Издательство «Мысль», 1971. — С. 40—74.

Глава 6

Август 1921 года

«По этой дороге мы не пойдём...»

Переписка Ленина с Мясниковым. Уход мотовилихинской делегации с Пермской городской партконференции в поддержку Мясникова.

Мясников снова в Москве. Привез из Перми свою статью «Больные вопросы» и лично вручил ее члену Политбюро ЦК РКП(б), редактору газеты «Правда» Николаю Ивановичу Бухарину, одному из членов комиссии по расследованию его, Мясникова, деятельности в Перми. Состоялась длительная беседа.

1 августа 1921 года В. И. Ленин пишет Г. И. Мясникову:
«т. Мясников!

Только сегодня прочел — и очень бегло — Вашу статью, переданную мне Бухариным.

Хотел бы поговорить с Вами. Я надеюсь быть в Москве на днях и найти [полчаса] для беседы.

Начало статьи хорошее. Дельное.

А в выводах есть ряд явных неправильностей.

Есть, может быть, и недоразумение: Вы, кажись, в статье не договорили того, что договорили Н. И. Бухарину. Какой «свободы печати» хотите Вы? По закону? И для рабочих-эсеров и меков? Сейчас? В статье неясно.

Черкните мне два слова.

С ком. приветом Ленин».
(Полн. собр. соч. Т. 53. С. 85—86).

Пятого августа Владимир Ильич попросил передать Мясникову следующую телефонограмму:

«Я сел писать Вам ответ. Повидаться, к сожалению, не удастся. Постараюсь доставить Вам мой ответ сегодня или завтра. Хотел бы иметь ответное письмо от Вас.

Ленин».
(Ленин. Сб. XXXVIII. С. 381).

В. И. Ленин много занимался Г. И. Мясниковым (он же Ганька Уральский). Написал ему большое письмо, четыре записки. 15 раз

имя Мясникова упомянуто в Биографической хронике Ленина. А сколько осталось за пределами зафиксированных фактов?

Письмо В. И. Ленина Г. И. Мясникову, написанное 5 августа 1921 года, впервые опубликовано в томе 44 Полного собрания сочинений (1964—1965 гг.).

Ленин попытался помочь Мясникову разобраться в своих ошибках, видя в нем способного человека, имеющего влияние на довольно значительный слой рабочих, который шел за ним.

Ленин отметил в письме, что специальной комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) поручено разобраться в конфликте Мясникова с Пермской организацией. «Моя же задача,— писал Ленин,— иная: оценить Ваши письма как литературные и политические документы.

Интересные документы!

В начале статьи Вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга «гражданская война» лозунгом «гражданский мир» — тот смешон, если не хуже. Да, в этом Вы правы.

В вопросе «гражданский мир или гражданская война», в вопросе о том, как мы завоевали и продолжим «завоевывание» крестьянства (на сторону пролетариата), в этих двух важнейших, коренных, мировых (касающихся сути мировой политики) вопросах (коим посвящены обе Ваши статьи), Вы сумели встать на точку зрения не мещанскую, не сентиментальную, а марксистскую.

Вы сумели там по деловому твердо учесть взаимоотношение всех классов».

Это был единственный вопрос, в котором Ленин выразил согласие с Мясниковым. Опустив анализ поднятых Мясниковым вопросов о Советах и крестьянских союзах, Ленин подверг резкой критике его тезис о свободе печати.

Цитируя статью Мясникова, Ленин пишет:

«...Свободу печати от монархистов до анархистов включительно...

В. И. Ленин,
Председатель Совета
Народных Комиссаров
РСФСР

Мы в «абсолюты» не верим. Мы над «чистой демократией» смеемся. Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров.

Этот факт неопровержимый.

Буржуазия во всем мире еще сильнее нас во много раз. Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации (свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит, облегчать дело врагу, помогать классовому врагу.

Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем.

Мы ясно видим факт: «свобода печати» означает на деле немедленную покупку международной буржуазией сотни и тысячи кадетских, эсеровских и меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас.

Это факт. «Они» богаче нас и купят «силу» вдесятеро бо́льшую против нашей наличной силы.

Нет. Мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем».

Обратив внимание на ту часть письма Мясникова, где он говорит о «куче безобразий и злоупотреблений», Ленин продолжает:

«Вот на чем, насколько я могу судить по двум статьям, Вы сбились. Вы дали себя подавить известному числу печальных и горьких фактов и потеряли способность трезво учесть силы.

Вы шли в комнату, попали в другую.

Вы хотели лечить коммунистическую партию и стали хвататься за лекарство, несущее верную смерть — не от Вас, конечно, а от мировой буржуазии (Милюков, Чернов, Мартов).

Нет. По этой дороге мы не пойдем. Из тысячи сознательных рабочих девятьсот по этой дороге не пойдут...»

Дальше Ленин пишет о наличии болезней и ошибок, которые были допущены партией и правительством, о нужде и бедствиях, о голоде 1921 года, который эти ошибки «усилил дьявольски». И, со свойственными ему верой в будущее и оптимизмом, Ленин решительно утверждает, что, несмотря на все трудности, «вылезаем с трудом», упорно, «поскольку политика у нас в основе правильная». «Вы позволили себя увлечь панике и по этой наклонной плоскости докатились до того, что выходит нечто похожее на основание Вами новой партии или на Ваше самоубийство».

И Ленин предлагает Мясникову взяться за черновую работу,

медленную, трудную и тяжелую, за деловую борьбу со злоупотреблениями и деловую проверку работы партии беспартийными.

В заключение Ленин пишет:

«Где Вы указали Центральному Комитету такое-то злоупотребление и такое-то средство его исправить, искоренить?

Ни разу.

Ни единого разу.

Вы увидали кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия, в объятия буржуазии («свобода печати для буржуазии»). А мой совет — в отчаянии в панику не впадать.

У нас и у сочувствующих нам, у рабочих и крестьян, сил еще бездна. Здоровья еще много.

Мы плохо лечим болезни.

И я надеюсь, что, подумав трезво, Вы не станете из ложного самолюбия настаивать на явной политической ошибке («свобода печати»), а, выправив нервы, поборов в себе панику, Вы возьметесь за деловую работу: помочь связи с беспартийными, помочь проверке беспартийными работы партийных».

Владимир Ильич направил копию этого письма в редакцию «Правды», сделав на конверте надпись: «Спешно. В редакцию «Правды». Бухарину от Ленина», а подлинник — Мясникову.

В те годы Ленин еще не был таким божеством, каким его сделали впоследствии. По-житейски просто написал большое письмо и подлинник послал. Мясников жил в гостинице «Метрополь» и письмо получил в тот же день.

Ленинское письмо не убедило Мясникова. На другой день, 6 августа, он ответил короткой запиской:

«Тов. Ленин, Ваше письмо получил. Писать Вам сейчас ответ — нет времени. Поеду в завод Мотовилиху и оттуда пришлю ответ, но не могу удержаться от следующих вопросов. ...Вы говорите, что я хочу свободы печати для буржуазии? А свободы печати для меня, пролетария... хотя бы внутри партии можно «отпустить» малую толику? Или, как только оказался с Вами не согласен в оценке сил (не паника, а большая вера в свои силы), так «до свидания»? Но что же? Подумаю, а потом напишу Вам обстоятельный на все Ваши рассуждения ответ. Я с партией связан кровью...» И в конце записки: «Считаю своим долгом пролетария, входящего в его партию, все неправильности и основные и маленькие исправлять внутри партии. Я хочу, чтобы моя статья «Больные вопросы» появилась в партийной печати. Я хочу, чтобы мне не запрещали говорить на партийных собраниях.

С коммунистическим приветом Г. Мясников».

Из Биографической хроники В. И. Ленина известно, что Владимир Ильич, прочтя записку Мясникова, дважды подчеркнул указанный адрес и на этой же записке написал текст телеграммы:

«Пермь. Губком РКП(б).

Прошу прочесть на заседании губкома обе статьи Мясникова и мое ответное письмо ему. То же на Мотовилихинском райкоме. Прошу Мясникова снять две копии с моего ответного письма — одну мне, другую губкому.

Ленин.

2 августа 1921 года».

(Полн. собр. соч. Т. 53. С. 115).

Письмо это впервые было опубликовано в 1959 году, в XXXVI Ленинском сборнике.

Ленин дает поручение секретарю послать телеграмму в Пермский губком РКП(б), затем делает на рукописном экземпляре пометку: «Послано по телефону 12 августа». На письме Мясникова Ленин подчеркивает дату письма и пишет: «6 августа 1921 года. В архив. От Мясникова. Пермь. В архив».

Слова «В архив», дважды повторенные — первый раз написаны жирным шрифтом, второй раз обведены рамочкой, — означали, что документ необходимо непременно сохранить. Он, конечно, сохранился до наших дней, но в открытой печати так никогда и не был опубликован.

Тем временем Мясников спешил, рвался в Пермь, хотел во что бы то ни стало успеть на Пермскую городскую партконференцию и там с письмом Ленина в руках доказать свою правоту.

Гордый, радостно возбужденный, появился Мясников в Перми. Всем показывал ленинское подлинное письмо, позволял убедиться в подлинности, обращал внимание на почерк и подпись. Но из рук не выпускал, зачитывал отдельные строки и не мог удержаться от восклицаний:

— Ленин прочел мои письма! Он считает их интересными документами! Вот смотрите! Видите, написано: «интересные документы». Ленин считает, я правильно применил диалектику!

Из воспоминаний С. М. Щукиной, секретаря Мотовилихинского райкома комсомола:

«Я запомнила тот момент, когда на нашем собрании Мясников читал письмо Ленину и ответ Ленина на него. У Мясникова было особое название для ответственных работников — «умники». И я помню, как он говорил: «Умники были во всем не согласны со мной, а Ленин кое в чем со мной согласился». Он как бы противо-

поставлял наших «умников» и Ленина. Говорил: «Я указываю, что у нас есть бюрократизм, и Ленин признает это». На этом Мясников выигрывал».

Мотовилиха по-прежнему переживала тяжелые времена. Завод четвертый месяц бездействовал. Заводские держались в основном за счет огородов и мелких поделок для деревни. Легче сводили концы с концами владельцы коров. Летом, живя на покосах, иногда семьями, делали заготовки на зиму: ягоды, грибы.

Райком партии пытался занять рабочих: в Народном доме устраивали дискуссии, проводили лекции и беседы. В сентябре готовились открыть районный рабочий факультет. Был уже назначен директор, Василий Максимович Сивилев, член партии с 1905 года. Не оставлял без внимания мотовилихинцев Михаил Павлович Туркин. Он часто беседовал с рабочими, старался поднять настроение, убеждал не терять надежды на скорые изменения в лучшую сторону.

В один из таких дней Михаил Павлович узнал о беспорядках в доме отдыха в Верхней Курье и потребовал немедленно закрыть его. Сохранилось письмо Туркина в Мотовилихинский райком партии.

«Как стало известно,— писал Михаил Павлович,— в силу создавшихся тяжелых продовольственных условий дом отдыха стал предметом контрреволюционной пропаганды (раньше же в пользу советской власти). В детских домах нет питания, а в доме отдыха откармливается партийная, советская и иная братия. Заводских рабочих в доме отдыха ни одного. Обслуги: 1 : 1, да армия тетушек, кумушек.

Пока не закрыли — провести ревизию, которая привлечет к ответственности виновных.

С товарищеским приветом М. Туркин».

Дом отдыха был закрыт, но в целом обстановка в районе и в районной парторганизации оставалась напряженной. Шла подготовка к Пермской городской партийной конференции, назначенной на 12 августа 1921 года.

Накануне, 11 августа, должно состояться районное партсобрание по выборам делегатов на городскую партконференцию. Работники райкома партии жили, как на пороховой бочке, беспокоились за поведение мясниковцев, многие из которых в последнее время уж очень были воинственно настроены. Сам Мясников был в Москве, некоторые райкомовцы питали надежды на благополучный исход выборов делегатов (не мясниковцев).

Г. И. Мясников.
1920-е годы

С утра 11 августа пронеслась весть о приезде Мясникова. «Теперь можно ждать чрезвычайных событий», — думали многие. Собрание назначено на 8 часов вечера, но уже с 7 часов около рабочего клуба стали появляться, собираясь маленькими группами, члены партии. Секретарь Мотовилихинского райкома партии Иван Евгеньевич Глухих, коммунист с 1905 года, испытывший царскую тюрьму, кандалы, смертный приговор, не раз побывавший на краю гибели, одним словом, мужественный человек, весь день не находил себе места, а когда узнал о приезде Мясникова, то совсем разволновался.

Из города на собрание приехали Туркин и Альбенский. Михаил

Павлович, взглянув на Ивана Глухих, сразу понял его состояние. Подошел, поздоровался, дружески похлопал по плечу:

— Спокойно, Иван, спокойно. Попробуем его скрутить. Держись.

Мясников появился, как всегда, с шутками-прибаутками и со скрытым торжеством поглядывал на Туркина и Альбенского. В кармане у него лежало письмо В. И. Ленина, которым он решил воспользоваться, чтобы открыть себе дорогу на трибуну.

С первых минут собрания возник спор по поводу выборов президиума. Мясниковец А. Н. Золотилев предложил избрать в президиум одних мясниковцев. После бесконечных споров и голосований был избран президиум, с которым согласились «обе стороны». Понятие «та и другая сторона» на длительное время прочно вошло в обиход.

Обсуждение повестки собрания длилось около полутора часов. Мясников настаивал включить в повестку свой доклад о поездке в Москву. Михаил Павлович Туркин, так и не избранный в президиум, сидел в первом ряду. Он встал, повернулся к собранию, да так почти все время и простоял на ногах, непрерывно что-то доказывая, споря, разъясняя.

— Еще раз объясняю, — Михаил Павлович в упор посмотрел на Мясникова. — 29 июля 1921 года Оргбюро ЦК РКП(б) обсудило выступления Мясникова в Петроградской и Пермских партийных

организациях, его Докладную записку и статью, признало их антипартийными и создало специальную комиссию по делу Мясникова в составе Н. И. Бухарина, П. А. Залуцкого и А. А. Сольца. Комиссии поручено расследовать деятельность Мясникова. Так что, — закончил Туркин, — подождем решения комиссии, а пока доклад Мясникова с повестки дня надо снять.

Поднялся невообразимый шум. Собрание не желало внимать доводам Туркина. В конце концов пришлось уступить. Доклад Мясникова включили в повестку собрания.

Приступили к основному вопросу: обсуждение списка делегатов на городскую партконференцию. Глухих объяснил принцип подбора делегатов: от каждого подрайона по два представителя: коммунист со стажем и молодой. Мясников жестом прервал выступление Глухих, предложив свой список делегатов — «с некоторыми поправками», как он выразился. В действительности же в список, предложенный Мясниковым, вошли только его приверженцы. В нем не нашлось места даже секретарю райкома партии И. Е. Глухих.

До 12 ночи велись ожесточенные споры. В итоге, в список Мясникова включили секретаря райкома И. Е. Глухих и еще троих из списка, предложенного райкомом. Голосовали одни мясниковцы, их было большинство. Изменить было ничего нельзя. Полная победа Мясникова и его сторонников!

Итак, делегатов на городскую партконференцию избрали. Оставался доклад Мясникова, но даже лучшие его приверженцы, не говоря уж об остальных, не в состоянии были слушать своего кумира. И, понимая это, Мясников все же вышел на трибуну.

— Самый интересный момент в моем докладе, — начал он, — это моя переписка с товарищем Лениным, который ответил на мою Докладную записку в ЦК РКП(б) и статью «Больные вопросы». Я прошу разрешения у члена президиума губкома партии товарища Туркина огласить эти документы.

Мясников с полупоклоном повернулся в сторону сидящего в зале Туркина и стал ждать ответа, стоя в театрально-смирной позе. Михаил Павлович давно, на два хода вперед, раскусил действия Мясникова: воспользовавшись именем Ленина, авторитет которого был огромен, Ганька сядет на любимого конька и станет доказывать, как это было уже много раз, о «затыкании рта рабочему классу» и о «гнилых интеллигентах из губкома».

Туркин решительно встал и твердо заявил:

— Нет!

И повторил доводы, сказанные при обсуждении повестки дня собрания. Все почувствовали: на это раз Туркин не уступит. Время

было за полночь, спорить бессмысленно. Приняли предельно лаконичное постановление:

«Так как без разрешения губкома Мясникову доклад сделать нельзя, то его доклад без всякого голосования снимается».

Расходились усталые, голодные и озлобленные. Мясников подошел к Туркину, прищурил глаза и тихо, с гневом произнес:

— Ты, Михаил, наверное, думаешь, твоя взяла? Подождем до завтра, вот тогда посмотрим, чья возьмет!

— Посмотрим, — внешне спокойно ответил Михаил Павлович.

Но в груди похолодело: сорвет паршивец конференцию. Что же делать? Надо что-то придумать.

С этими мыслями добирался до дома. Пока умылся, поел, стало светать. Так и не удалось в эту ночь поспать. Неотступно сверлила одна и та же мысль: «Как остановить Ганьку? Кто сможет дать настоящий отпор? Такие, как Казановский из Мотовилихи да наш Альбенский, спуску ему не дадут. Хорошие ребята, да только Ганька посильнее их будет. Что же предпринять? Надо его остановить, надо. Ганька — наш злой рок. Если бы он с такой же яростью бился за общепартийные интересы! Теперь же наши малые силы на него ухлопаем», — так, шагая утром в губком партии, размышлял Туркин. Неожиданно пришла идея: лишить Ганьку мандата на конференцию. Тогда можно как следует обсудить и внедрение в жизнь новой экономической политики, и доклад об итогах III Конгресса Коминтерна, и отчет о работе горсекретариата. Надо срочно принять решение. Не медля ни часа!

Открытие городской партконференции назначено на 2 часа 12 августа 1921 года. С утра собрали экстренное заседание президиума губкома. Туркин сообщил о результатах выборов на городскую конференцию в Мотовилихе, об угаре, одурманившем головы мотовилихинцев, и об угрозе Мясникова («Посмотрим завтра, чья возьмет!»).

Предложение лишить Мясникова делегатского мандата всем понравилось. Мышиная возня с Ганькой надоела, и превращать конференцию в «сплошной скандал» никому не хотелось. Решение было принято единогласно. «Тем самым будет обеспечен конференции спокойный ход работы», — записано в протоколе. Конечно, это был силовой прием, но другого пути не нашли.

Конференция проводилась в клубе «Профинтерн», в здании бывшего Благородного собрания. У входных дверей рослые рабочие-железнодорожники проверяли мандаты делегатов. Об этом позаботились заранее. В самом деле, если Мясников прорвется в помещение, не станут же его ловить в коридоре. Важное дело сразу станет комедией.

Недалеко от входа Анатолий Альбенский наблюдал за происходящим. Он волновался больше других, и было отчего. Неожиданно тяжело заболел председатель горсекретариата Калашников. Открывать конференцию и делать отчет о работе городской парторганизации поручено ему, а тут еще осложнения с Мясниковым.

Некоторое время спустя к Альбенскому присоединился Казановский, затем подошел Туркин, потом несколько делегатов, и завязался внешне непринужденный разговор. На самом же деле нервы у всех были напряжены.

Время остановилось. Делегаты по одному, двое, а то и целой группой подходили и подходили. Наконец появился Мясников. Спокойно предъявил свой документ. Проверяющий молча повертел мандат в руках, потом решительно отстранил Мясникова, загородил дорогу и твердо произнес:

— Пропустить не могу, вы лишены мандата.

От неожиданности ничего не подозревавший Мясников открыл рот, хотел что-то сказать, потом протянул было руку к постовому, чтобы встряхнуть его. И тут встретился со взглядом Туркина. Еще не осознав, в чем дело, он понял одно: на конференцию его не пускают. Мясников резко толкнул постового и бросился вперед. Несколько человек, стоявших наготове, удержали его.

Михаил Павлович старался быть спокойным:

— Ганька, пойми, наконец, конференция должна работать, делегаты всех четырех районов тебя не поддержат, разве одни мотовилихинцы. Конференция должна работать, а не скандалить с тобой. Сегодня утром президиум губкома постановил лишить тебя мандата. Пойди и поразмысли.

Мясников в сердцах выругался, помолчал, потом кивнул головой своему ближайшему помощнику Павлу Некрасову: «Выйдем!» И ушел с ним на улицу.

Сдаваться Мясников не собирался. Напротив, решил во что бы то ни стало взять реванш.

Конференция открылась вовремя. Слово взял А. Л. Борчанинов и разъяснил делегатам сложившуюся ситуацию. Делегаты четырех районов города: Горки-Разгуляевского, Городского, Заимского и Балашовского — с пониманием восприняли информацию Борчанинова и проголосовали за лишение Мясникова мандата. Мотовилихинская делегация, иными словами, сторонники Мясникова, подняла шум. Павел Некрасов, только что получивший инструкции от Мясникова, вышел на трибуну и заявил официальный протест:

— Если товарищу Мясникову не будет возвращен мандат с правом решающего голоса, мотовилихинская делегация в полном составе покинет конференцию.

Борчанинов ответил:

— Вопрос не обсуждается. Другого решения не будет.

Посоветовавшись, мотовилихинцы один за другим стали выходить из зала. По указанию Мясникова, остались лишь двое, чтобы иметь возможность информировать его о ходе конференции. Вслед уходящим раздалась реплика: «Дошалелись мотовилихинцы!» В ответ бойкий голос с вызовом выкрикнул: «Треску бояться — в лес не ходить!»

На улице делегатов ждал Мясников. Столпились вокруг него в полной растерянности. Никто не ожидал такого оборота дела.

Из воспоминаний Ивана Васильевича Лядова, члена партии с 1919 года, командира Мотовилихинского отряда ЧОН:

«...Когда мы вышли с городской партконференции из клуба «Профинтерн», нас, мотовилихинцев, много было, человек 60 (Лядов ошибся. С конференции ушло 29 делегатов.— Н. А.). Мясников говорит мне: «Давай, Лядов, строй мотовилихинцев». Я построил. Мясников: «Давай, Лядов, веди народ обратно в Мотовилиху». И мы тронулись с песнями, а Мясников остался, но его все равно не пустили...»

Здание клуба «Профинтерн».
Бывшее Благородное собрание, ныне клуб УВД г. Перми

Так, бравируя, не смея послушаться своего вожака, мотовилихинцы ушли с конференции.

Поступок мотовилихинцев конференция назвала непартийным и приняла решение передать дело на рассмотрение губернской контрольной комиссии РКП(б).

Вечером сторонники Мясникова собрались в штабе ЧОН. К этому времени Мясников подготовил текст официального протеста — заявления на имя Пермской городской партийной конференции. Письмо большое, в нем изложена история разногласий, уже известная читателю. В заключительной части протеста говорится:

«Делегация мотовилихинских коммунистов, которые были до сих пор красой и гордостью Урала, с негодованием покидает конференцию, на которой будет фабриковаться общественное мнение партии, и призывает все пролетарские, честные коммунистические элементы последовать их примеру, покинуть этих блестящих адвокатов.

Мы, рабочие коммунисты, создали партию, мы ответственные за каждый ее шаг перед всем рабочим классом, а не попутчики Ходэ * и не гимназисты Альбенские.

Протестуйте, товарищи, как протестуем мы. Довольно опеки адвокатов, студентов и всей этой швали, которые норовят зажимать рот всем и каждому (оптом — общему собранию Мотовилихи и в розницу — осмелившимся не согласиться с ними и погладить их против шерсти).

Все репрессии за инакомыслие к тому или иному члену партии мотовилихинская организация будет рассматривать как репрессии к ней в целом. 13 августа 1921 г.».

Далее следует 36 подписей, из них пять человек не делегаты, просто сторонники Мясникова. Из подписавших протест пять членов партии с 1905 года, восемнадцать — с 1917 года, остальные — члены партии со стажем от одного до трех лет.

Репрессий никаких не последовало. Но документ этот стал серьезным обвинением Мясникова, который продолжал играть первую скрипку, более того, с упоением дирижировал, находя удовлетворение в происходящем.

Утром 13 августа, на другой день после городской партконференции, Альбенский приехал в Мотовилихинский райком партии, и вдвоем с Казановским решили поговорить с Мясниковым начистоту. Прежде чем он появился, прошло два часа.

* Ходэ И. Е. — председатель Пермского губкома РКП(б).

— А, господа интеллигенты,— приветствовал Мясников двух Анатолиев.— Чем могу служить?

Явно паясничая, он низко поклонился.

Пропустив мимо ушей «господ», Альбенский сдержанно начал:

— Мясников, ты разве не видишь, что разлагаешь организацию? Ты подстрекаешь голодных неграмотных коммунистов.

Казановский, горячий по натуре, не сдержался и резко вступил в разговор:

— Я считаю, ты, Мясников, действуешь, как опытный провокатор. Не при твоём ли подстрекательстве рабочий лафетного цеха заявил: «Нам снова, как прежняя жандармерия, затыкают рот»? Как мог ты не одернуть тобой же наэлектризованного коммуниста? А что сделал ты? Взял его под защиту, сказав: «Ему простиительно, рабочие не умеют иначе выражаться». Вот это и есть провокаторство.

— Это я-то провокатор? — с угрозой произнес Мясников.— Я, не раз перенесший голодовку, отбывавший каторгу, видевший в жизни то, что вам, соплякам паршивым, и не снилось? Я — провокатор?!

— Хватит, Мясников,— остановил Альбенский.— Слышал это от тебя много раз. Речь не о прошлом. О том, как ты сегодня ведёшь себя. А поведение твоё именно такое, как сказал Казановский. Ответь прямо: выкрики о выходе из партии, о затыкании рта рабочим, о жандармерии — разве это не твоя работа?

Мясников, все более распаляясь, заорал:

— Нет! Это ваша работа! Но, пока я в Мотовилихе, ни один, слышите, ни один член партии не бросит партбилет! Я удержу!

Немного поостыв, помолчал и вдруг торжествующе улыбнулся:

— Видели, как вчера все послушались меня, поддержали и как дружно ушли с конференции? Что, выкусили? — И Мясников, воинственно вытянув руку пистолетом, показал кукиш.

В комнату вошёл слышавший весь разговор секретарь райкома партии Иван Глухих:

— Ганька, довольно. С тобой возможны только решительные меры. Ты и твои дружки только прикрываетесь, выступая против Альбенского и Казановского. Дело совсем не в том, что они интеллигенты, а в том, если хочешь знать, что они хоть и молодые, да политически развитые, не в пример тебе и твоим дружкам. Вот ты и бесишься. Боишься ты их больше всего! Да что с тобой говорить! Ты и меня, коренного мотовилихинца, которого знаешь с декабрьского вооружённого восстания, готов зачислить в лагерь врагов

рабочих только потому, что я не согласен с тобой. Имей в виду, так продолжаться дальше не может. Буду настаивать на решительных мерах.

— Давай, давай, настаивай. Я тоже дремать не буду...

Мясников круто развернулся и ушел, хлопнув дверью.

— Ну вот, поговорили начистоту. Что будем делать? — вздохнул Альбенский.

— Лично я, — ответил Глухих, — дальше оставаться ответственным секретарем райкома не могу и буду просить снять меня. В создавшемся положении мое пребывание здесь бессмысленно. Я ничего не могу сделать. Пусть кто-нибудь посильнее меня воюет с этим охлагоном.

— А вас, — обратился Глухих к Казановскому и Альбенскому, — прошу обратить внимание на штаб ЧОН. Там почти каждый вечер дежурят по 15—20 человек, и не вы, а Мясников ведет с рабочими «душеспасительные беседы». Мне с ним тягаться не под силу.

Телеграмма В. И. Ленина в Пермский губком партии с просьбой прочесть на заседании губкома и Мотовилихинского райкома обе статьи Мясникова и письмо Владимира Ильича, а также снять копию с последнего была получена в Перми 13 августа 1921 года.

Ни Туркин, ни другие члены губкома партии письма Ленина не читали. Мясников не выпускал его из рук и лишь цитировал отдельные строки. Трудно было надеяться, что он согласится снять копию, даже по личной просьбе Владимира Ильича. Туркин решил сходить к Мясникову и попытаться уговорить его. Но оказалось, что Мясников уже снова уехал в Москву. Имея высоких покровителей из «остатков рабочей оппозиции», он всегда мог рассчитывать на гостиницу и пропитание. Разрешения на выезд в столицу Мясников ни у кого не спрашивал. Официально он нигде не работал, однако пользовался продовольственным пайком, мог взять пролетку в заводской конюшне, входил без доклада к любому начальнику, и все воспринимали это вполне естественно. Такова была сила его влияния на окружающих. К тому же многие ответственные работники тайно разделяли некоторые взгляды Мясникова, особенно его высказывания о «верхах» и «низах». Например, А. П. Белов (короткое время был председателем губкома партии), П. Ф. Трошев (председатель губисполкома), И. Г. Постановова (женорганизатор губкома партии) и другие.

16 августа Пермский губком телеграфировал:

«Москва. Кремль. Тов. Ленину.

Ваша телеграмма нами получена. Докладная записка Мясникова обсуждалась еще ранее губкомом на собрании представите-

лей всех укомов и райкомов и в Мотовилихинском райкоме с участием ответственных работников.

Мясников уже выехал в Москву. Ваше письмо он ни райкому, ни губкому не показывал. Хотел сделать доклад о поездке в Москву на общем собрании Мотовилихинского района, но поставил условие, чтобы ему позволили зачитать свои Докладные записки. Так как запрещение выступать по этому вопросу губкомом не было отменено, Мясников от доклада отказался.

Для характеристики его работы губком послал в ЦК написанный Мясниковым протест против лишения его мандата на общегородскую конференцию.

16 августа

Ответственный секретарь
Пермского губкома М. Туркин».

Из Биографической хроники Владимира Ильича Ленина:

«19 августа 1921 года. Ленин читает телеграмму секретаря Пермского губкома партии от 17 августа 1921 года с сообщением о получении телеграммы Ленина о состоявшемся обсуждении Докладной записки Г. И. Мясникова губкомом партии, собранием представителей всех укомов и райкомов... Ленин пишет на телеграмме распоряжение: «Фотиевой: Мясников в Москве. Прошу взять у него копию. 19 августа. Ленин» (имеется в виду копия письма Ленина Мясникову от 5 августа.— Н. А.)

Не ранее 22 августа 1921 года. Ленин читает копию протеста в адрес Пермской городской конференции РКП(б) от группы делегатов Мотовилихинского района по вопросу о Г. И. Мясникове, делает пометку: «В архив по делу Мясникова (Уральского). Август 1921 г.».

Таким образом, Владимир Ильич был в курсе событий, происходящих в Перми и вошедших в историю КПСС как борьба с мясниковщиной.

Комиссия ЦК РКП(б), занимавшаяся делом Мясникова, представила итоги расследования, и 22 августа 1921 года Оргбюро ЦК РКП(б) признало тезисы Мясникова, изложенные в его статьях, **несовместимыми с интересами партии**, обязало его не выступать на партийных собраниях и отозвало из Пермской организации в распоряжение Центрального Комитета.

Мясников (уже в который раз!) не подчинился решению ЦК РКП(б). Прожив в Москве несколько дней, вернул подлинник ленинского письма в канцелярию ЦК РКП(б) и сел за редактирование текста ответного письма Ленину.

Августовские дни оказались для Гавриила Ильича напряженными: срочный отъезд из Москвы в Пермь на городскую парт-

конференцию (читатель помнит записку Ленину: «Писать сейчас Вам ответ нет времени...»), лишение делегатского мандата, а, следовательно, и возможности выступить на партконференции, на которую возлагал большие надежды.

В Москве Мясников поселился в гостинице «Метрополь» (благодаря влиятельным московским друзьям) и в последних числах августа отправил ответное письмо Ленину. Оно отпечатано на семи машинописных страницах и содержит возражения Ленину о невозможности осуществить в стране главный тезис Мясникова — свободу слова и печати.

Письмо уникально по стилю и характерно для автора: оно полно сарказма, иронии, а подчас отличается отсутствием общепринятого уважения к адресату.

В исследованиях темы о свободе слова и печати ответ Мясникова никогда не цитировался, ему лишь давалась негативная и общая оценка: «враждебные делу партии призывы и установки», «буржуазный лозунг свободы печати», «несет вред делу партии и Советскому государству».

Вот выдержки из этого письма:

«Тов. Ленин. Все никак не мог собраться ответить на Ваше письмо. Теперь я опять в Москве — вызван из Мотовилихи Комиссией...» *

Вы говорите, что я «правильно применил диалектику», даже больше того, «вопрос гражданской войны и гражданского мира» в вопросе о том, как мы завоевали и продолжим завоевание крестьянства (на сторону пролетариата). В этих двух важнейших вопросах, касающихся сути мировой политики, «я сумел стать на марксистскую точку зрения...», а тут вдруг скатился в пропасть сентиментализма.

Объясняете Вы это явление довольно своеобразно: у меня нервы не в порядке, я в панику ударился, захотел лечить коммунистическую партию, я прописал ей ампутацию головы и оказался в объятиях буржуазии.

Неужели это серьезно? Вы говорите, что Вы сделаете все, чтоб меня убедить, но на что это похоже? «Слова, слова», как говаривал Гамлет! Вы сами понимаете, что это не серьезно. Крепко оно, точно, но не убедительно.

Я думаю, что при моей практической выучке, которую я получил в жизни, трудней попасть в объятия буржуазии, чем любому из самых лучших и блестящих мыслителей, в том числе и Вам, не

* Имеется в виду Комиссия Оргбюро ЦК РКП(б).

прошедшем этой практической школы... Но с кем грех да беда не случается...»

Впоследствии Мясников в «Исповеди» вернется к своему ответу Ленину и напишет: «Вместо того чтобы сказать открыто, что никаких свобод ни пролетариату, ни крестьянству он отдать не хочет, и объяснить, почему, нельзя, он пустился в политическую болтовню самого низкого свойства. Вопреки всему, что написано в моих статьях, он подкинул мне мысль, что я хочу свободу слова и печати для буржуазии. Этот бесчестный прием возмутил меня больше всего, он показал, что на честную идейную борьбу Ленин не идет...»

Мясников подробно развивает историю темы о свободе слова и печати до 1917 года. Он дает обоснование каждому периоду в 1917 году и в последующий период.

«Когда дробите скулы мировой буржуазии — это хорошо, но вот беда: Вы замахиваетесь на буржуа, а бьете рабочего. Кто больше всего арестовывается за контрреволюцию теперь везде? Рабочие и крестьяне — это бесспорно. Коммунистического рабочего класса у нас нет. Есть просто рабочий класс, среди которого есть и монархисты, и анархисты, и кадеты, и эсеры (все это не обязательно партийные, а лишь по складу мыслей своих). Какое отношение к нему? Никаких рассуждений с кадетом, буржуа, адвокатом, доктором, профессором, здесь одно лекарство — мордобитие, другое дело с рабочим классом. Нам надо его не в страхе держать, а идейно влиять на него и вести за собой, а потому не принуждение, а убеждение — вот линия, вот закон...

Мы, пролетарии, не церемонились друг с другом, когда это надо было, и тех, которые нам мешали побить буржуазию, мы не совсем по-товарищески «уговаривали», сажали в тюрьмы, а иной раз расстреливали. Но это было время такое...

Теперь насчет «печальных фактов». Вы не будете отрицать того, что гласность их уничтожит. Вы ведь и представить себе не можете, какие размеры принимает взяточничество и иные, не совсем хорошие вещи, потому Вы и говорите, чтоб я травил через ЦКК все эти безобразия, и упрекаете меня за то, что я не писал в ЦКК. Я думаю, что гласность их очень много, больше, чем контрольные комиссии, уничтожит, так, я полагаю, думаете и Вы...

...Закон о свободе слова и печати нам нужен, чтобы ввести усердных не по разуму в рамки. Одну из самых больших государственных ежедневных газет придется сделать дискуссионной для всех оттенков общественной мысли... Это и будет свобода печати при наших российских условиях... Закон должен карать за ложь, за клевету, за призыв к неисполнению того или иного закона, но не

качать за высказывание мысли... Что этот закон будет иметь не только местное российское значение, но и мировое — этого отрицать не будете и Вы. Это будет сильнейшим орудием в руках коммунистов всех стран в борьбе за обладание рабочим классом... Не верите Вы в силу рабочего класса, не верите и в его классовую логику, а верите в чиновников. Это Ваша беда... Вы разве не знаете, что за такой разговор, какой веду я, не одна сотня и тысяча пролетариев сидит в тюрьме и ни одного буржуа не сидит, который так и вопросы ставить не будет?

Возьмите-ка проект постановления Комиссии об исключении меня из партии и посмотрите, что это такое? Дали холую (больше никак не могут назвать) задачу: «Обмотивируй исключение из партии Мясникова», и он обмотивировал. Да так, что совестно мне за ЦК...»

В конце письма Мясников напомнил Ленину, что он не обратил внимания на второй его тезис, о Советах рабочих депутатов на предприятиях, — «основной вопрос социалистического строительства». Мясников предложил в виде «пробы» в Пермской губернии, в ряде заводов, таких как Мотовилиха, Чусовая, Кизел, Лысьва, организовать такие Советы.

«Если я провалюсь? Ну что же? Расстреливайте, если это будет нужно, и на деле высмеете мою идею...»

Мясникова-таки расстреляют по совокупности всех его дел, но четверть века спустя. А пока комиссия за комиссией, создаваемые ЦК РКП(б), изучали его проступки, доказывали несвоевременность и ошибочность его высказываний.

В августе 1921 года его только готовили к исключению из партии, многократно предупреждая о такой возможности. Постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) ему было лишь запрещено выступать со своими, как тогда называли, антипартийными тезисами.

Почему же его не исключали и не подвергали другим репрессиям? По-видимому, опасались взрыва рабочих Мотовилихи, среди которых он пользовался огромным влиянием.

Глава 7

Август 1921 года—начало 1922 года

Противостояние

Дело о пощечине. Партийный актив сдает позиции. Приезд в Пермь посланцев ЦК РКП(б).

Обстановка в Мотовилихе в августе 1921 года оставалась трудной. Партийная дисциплина упала.

О настроении рабочих секретарь Мотовилихинского райкома партии Иван Глухих сообщал: «Настроение хорошее, когда есть паек, среднее, когда паек уменьшен, и плохое, когда пайка совсем нет».

Из письма И. Е. Глухих в губком партии:

«С болью в сердце приходится констатировать, что кучка мясниковцев растет, вместо 45 их на вчерашнем общем собрании оказалось 85. Из 109 собравшихся только 24 члена не заражены угаром тов. Мясникова. Работа райкома становится невыносимой... Трудно усвоить, чего хотят мясниковцы, но из выкриков можно установить: первое — губком состоит из интеллигентов, а не из рабочих; второе — запрещают говорить Мясникову, хотя таковой на каждом собрании, где только присутствует, только и занимается критикой губкома, увлекая за собой большинство собравшихся.

Присутствие в Мотовилихе тов. Мясникова ставит партком в невыносимые условия. Работа срывается только потому, что она исходит от парткома, его авторитет идет насмарку. Дисциплина рушится и вводится своеобразная мясниковская дисциплина, помимо парткома.

Ко мне отношение со стороны мясниковцев терпимое, ибо я мотовилихинский рабочий с большим партстажем, но по первому заявлению тов. Мясникова меня зачислят в лагерь врагов рабочих. Пока же меня считают приверженцем губкома по моему, якобы, заблуждению, избегают мне возражать и обливать грязью, придерживаясь некоторой осторожности. Но так дальше продолжаться не может. Нужны или решительные меры, или уступки.

Под решительными мерами я разумею роспуск всей организации, процеживание и оставление за бортом 40—50 процентов, а под уступками — удаление т. Казановского из Мотовилихинского райкома, введение вместо него Мясникова и разрешения ему, Мясникову, выступать с докладами по своим тезисам.

Вот два варианта, противоположных один другому, каковые могут, по-моему, сохранить организацию от развала.

Если губком не намерен предпринять ни того, ни другого и вообще ничего, то я заявляю, что дальше оставаться ответственным секретарем Мотовилихинского райкома не могу и прошу меня снять, ибо при создавшемся положении мое существование там бессмысленно, я бессилён и, чего доброго, сам сделаюсь мясниковцем.

И. Е. Глухих,
секретарь Мотовилихинского
РК РКП(б)

Секретарь райкома И. Глухих».

Так и написал: «Сам сделаюсь мясниковцем». Это была серьезная сдача позиций. По сути, полная большевистская беспринципность. Опытный, закаленный большевик не выдержал, был согласен на все, даже на избавление от умного, энергичного и политически грамотного Казановского. Почему? Чтобы спокойно жить? А может быть, Иван Глухих не мог не согласиться с некоторыми доводами Ганьки?

В последние дни августа Мясников был в Мотовилихе, вопреки решению Комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) об отзыве его из Пермской парторганизации.

Почему же Мясников так рвался в Мотовилиху? Ответ ясен: здесь его поддерживала значительная часть коммунистов, здесь он надеялся добиться осуществления своей программы, доказать ее реальность.

На другой же день после приезда в Мотовилихинском райкоме снова произошел серьезный конфликт. Около двух часов дня в кабинет Казановского решительно вошел Мясников в крайне возбужденном состоянии. Глаза гневно сверкали, кулаки крепко сжаты. Весь как натянутая струна. Не понимая, что случилось, Каза-

новский вышел из-за стола и сделал шаг навстречу. Мясников, сузив глаза и выпятив грудь, петухом пошел на Казановского:

— Это с каких пор райком стал тайно от меня получать телеграммы из Центрального Комитета? Что это за провокационные действия?

По-видимому, Мясникову успели сообщить, что получена телеграмма Оргбюро ЦК РКП(б) с запрещением антипартийных выступлений и отзыве его из Перми. Никто тайну из этого не собирался делать. Никого еще не успели известить, поскольку телеграмма была получена накануне вечером.

Казановский вспылil. Копируя Мясникова, очень похоже выпятил грудь и пошел на него:

— Сам ты, господин Мясников, провокатор и дебошир. Да, именно так: провокатор и дебошир!

И, вспомнив, как вел себя Мясников на последнем партсобрании, уверенно продолжил:

— Ты разложил партийную организацию. Ты язва на коммунистическом теле, переходящая в агонию, и лечить тебя бесполезно! Ампутировать тебя надо и в подвал губчека упрятать! Там твое место. Понял?!

Столь яркая и яростная речь в присутствии нескольких человек, сбежавшихся на шум, произвела на Мясникова ошеломляющее впечатление. Гавриил впервые получил такой отпор. Задохнувшись от охватившего его гнева и не найдя достойного ответа, он подскочил к Казановскому и со всей силой, наотмашь, ударил его по лицу. Занес было руку и для второго удара, но подбежавшие товарищи удержали его. С большим трудом удалось его унять. Рядом с опрятным, подтянутым Казановским неряшливый Ганька выглядел не лучшим образом. Понимая это, он еще больше испытывал чувство неприязни. Оба пылали негодованием.

Казановский с красной щекой с одной стороны и белой, как мел, с другой, сжав кулаки, с презрением смотрел на Мясникова. Затем, сдерживая гнев и полный достоинства, произнес:

— Я не считаю возможным ответить пощечиной на пощечину. Но я буду бороться с тобой, Мясников, неотступно и беспощадно. Ты знай это!

Ни слова не сказав, Мясников ушел, хлопнув дверью так, что звякнули стекла.

Казановский, поглаживая горевшую щеку, чувствовал себя победителем. Был рад, что сумел распоясавшемуся наглецу сказать то, что никто еще ему так прямо не говорил.

В сущности, выпад Мясникова не имел под собой никакого основания. Телеграмма Оргбюро ЦК РКП(б) была получена рай-

комом, с ней и Мясникова, и других коммунистов предполагали сразу же ознакомить, что и сделали в тот же день. Казановский просто попался Ганьке под руку.

Казановский написал заявление в президиум губкома партии, в котором изложил происходящий инцидент:

«Мясников разлагает всю организацию, ни с чем не считаясь, идет напролом. Его поведение парализовало всю дисциплину среди членов партии. Как может губком равнодушно терпеть такое нахальное и недопустимое надругательство и издевательство над именем губкома РКП(б), в моей голове не укладывается. Не ставить же патруль у дверей или ходить с наганом для защиты от хулиганов. В таких условиях вести партработу невозможно. Но я буду защищать Постановления X съезда партии, высших партийных органов и бороться со всеми, кто «против», неотступно».

Президиум губкома партии 27 августа 1921 года рассмотрел это заявление и постановил:

«Признать всю идейную работу Мясникова антипартийной, поступок его считать несовместимым со званием члена партии. Заявление тов. Казановского передать для рассмотрения в Губернскую контрольную комиссию РКП(б)».

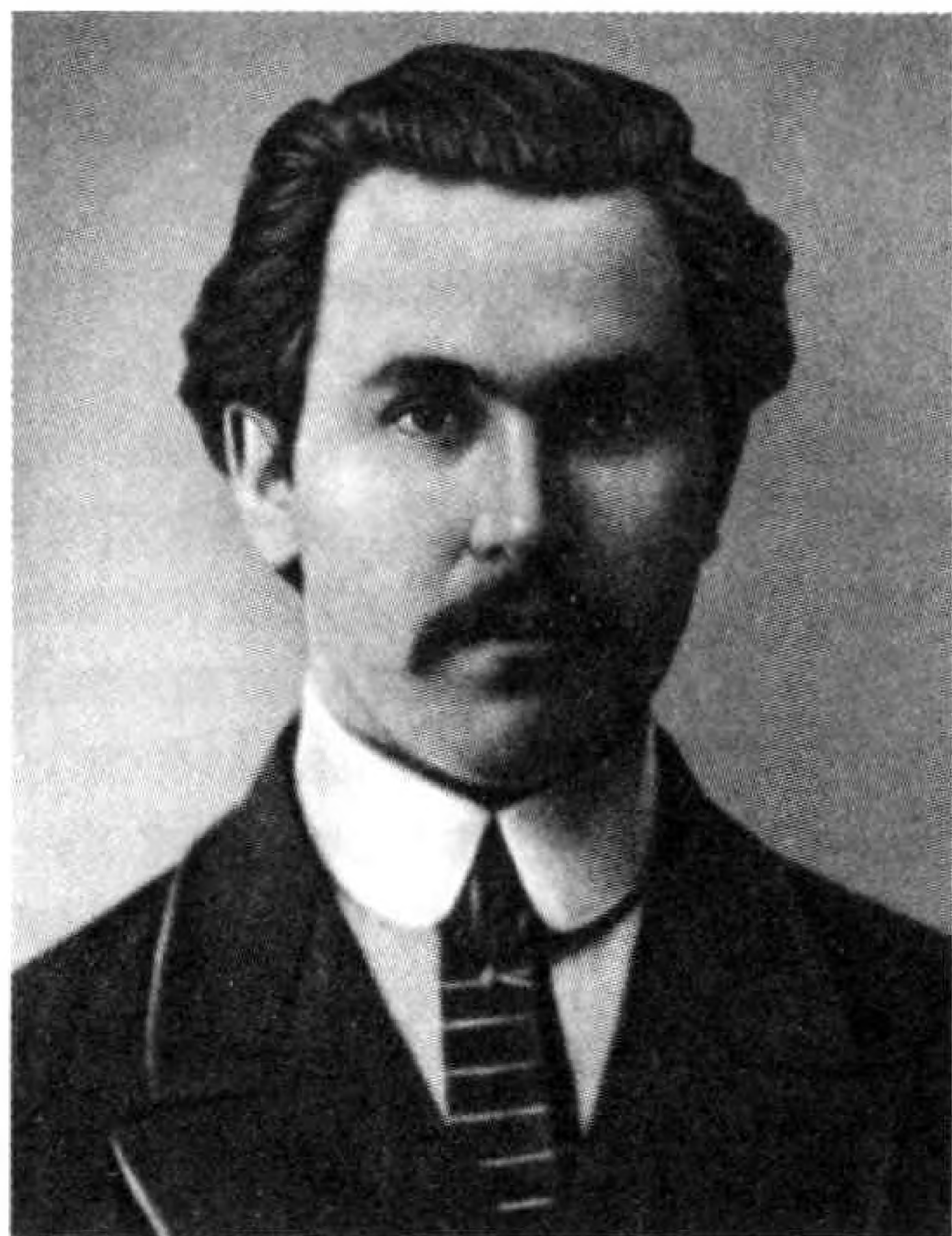
Это не было еще исключением из партии, но формулировку «несовместимо со званием члена партии» можно понимать двояко.

Пермская губернская контрольная комиссия РКП(б), созданная по решению X съезда партии, была подчинена Центральной контрольной комиссии. Члены ее ни от кого не зависели, не имели права входить в состав партийных органов и занимать ответственные административные должности. Возглавлял Пермскую ГубКК РКП(б) авторитетный большевик, член партии с 1905 года Алексей Алексеевич Гребнев.

Желая быть «предельно объективными», члены контрольной комиссии рассматривали не заявление Казановского и не действия Мясникова, а «поступок, сделанный этими товарищами». Далее в решении записано:

«Поступок как Казановского, так и товарища Мясникова ни в коем случае недопустим, тем более они являются передовыми товарищами и всегда должны держать на высоте коммунистическое достоинство».

Может быть, истоки подобного нейтрального решения кроются в позиции А. А. Гребнева? Сам мотовилихинец, Алексей Алексеевич хорошо знал Мясникова, втайне, как и многие, разделял взгляды, но и побаивался Ганьки. Потому-то и возникло такое предвзятое решение конфликтного вопроса, фактически в под-

А. А. Гребнев,
председатель Пермской губернской
контрольной комиссии РКП(б)

держку Мясникова. Притом Казановский назван просто Казановским, а Мясников — товарищем Мясниковым. В пространном постановлении Мясников оправдывается, а Казановский обвиняется: «Конечно, сказанная Казановским фраза «ты сам провокатор» имела под собой почву, но так можно сказать и не только по адресу Мясникова, эта фраза могла примениться каждому товарищу. Тот, кто распространяет ни на чем не обоснованные слухи, может быть заподозрен в провокации... Товарищ Мясников, если видел брошенное ему несправедливое обвинение, должен был обжаловать в парторганы для привлечения Казановского к партответственности...»

И все же, несмотря на явную защиту Мясникова, комиссия вынуждена была признать «поступок и образ действия Мясникова антикоммунистическими».

Мясников написал в контрольную комиссию лаконичное объяснение, состоящее из двух фраз: «Я дал пощечину Казановскому за то, что он назвал меня провокатором и повторил это. Буду давать в зубы всем, кто будет меня называть так. Г. Мясников».

Вся эта история Гавриилу Ильичу была, что укус комара. Казановский же тяжело переживал конфликт и прежде всего, естественно, был неудовлетворен и возмущен несправедливым решением губернской контрольной комиссии РКП(б). Он тщательно собрал все материалы по Мясникову и направил их в Центральную контрольную комиссию РКП(б). Там они были приобщены к довольно объемному к этому времени делу Мясникова.

Жизнь каждодневно ставила сложные политические и экономические задачи, решать которые нередко не хватало опыта, знаний, материальных возможностей. Переход к новой экономической политике шел трудно, медленно, встречал непонимание населения, измученного предыдущими годами. В условиях страшного голода, ежедневно уносившего сотни людей, из-за уменьшенного пайка хлеба работники городского кладбища отказались от рабо-

ты. Горы незахороненных трупов становились добычей собак. Тучи мух распространяли заразу по городу.

Не лучше была обстановка в деревне. Крестьяне, которых в продразверстку начисто избавили от всяких запасов, отказывались платить продналог, заменивший продразверстку по решению X съезда партии. К тому же объем налога исчислялся не по результатам урожая, а по наличию земли, которая далеко не вся могла быть засеяна из-за нехватки семян.

В октябре 1921 года пленум Пермского губкома партии констатировал медлительность действий выездных сессий трибунала, слабость сбора налогов. Было предложено устранить это положение. Приказ губпродкома № 57 предлагал: «Ввести в упорствующие волости отряды и военные дружины для военного поста, впредь до полной уплаты налогов, обеспечив им полный боевой паек за счет упорствующего населения».

Такие иезуитские приказы не привлекали крестьянство на сторону советской власти, но сбор продналога обеспечивали.

Активные действия Мясникова, осужденные ЦК РКП(б), постепенно сказывались на ответственных партийных и советских работниках. Председатель губисполкома Петр Федорович Трошев, рабочий с дореволюционным партстажем, с большими потугами справлялся с должностью. В преклонном возрасте он написал книгу «Годы свершений», где искренне заметил: «...в душе я признавался — и это было верно! — что не готов еще для руководства огромной губернией. Во всяком случае, я подал заявление в губком партии с просьбой освободить меня от обязанностей председателя губисполкома...»

Петр Федорович умолчал в своей книге о Мясникове и о взаимоотношениях с ним, хотя находился в центре событий; не захотел говорить о нем и при многократных личных беседах с автором. По-видимому, даже в конце жизни не хватило смелости быть искренним и признаться в сочувствии, а может быть, и в зависти к столь яркой личности.

Бескомпромиссными борцами с Мясниковым в этот период остаются А. Н. Казановский и А. В. Альбенский. Где бы ни выступал Мясников, вслед за ним слово брали либо Альбенский, либо Казановский. Последний упорно собирал документальные подтверждения антипартийной деятельности своего идейного противника. Открытым врагом Мясникова постоянно выступал и А. Л. Борчанинов, исполнявший обязанности секретаря губкома партии, а вскоре назначенный председателем Пермской губЧК.

А Мясников, несмотря на запреты, занял круговую оборону и продолжал пропагандировать свои тезисы, свое несогласие с Ле-

ниным и генеральной линией партии. Так, 3 октября на собрании коммунистов 2-го Висимского подрайона (собрания проводились по месту жительства, поскольку завод бездействовал) Мясников познакомил собравшихся со своими тезисами, излагая их так, чтобы рабочие поняли его. В итоге — резолюция: «О несерьезном отношении Оргбюро ЦК РКП(б) к тезисам Г. И. Мясникова». «Нам, рабочим, слово нельзя сказать!»

Так было повсюду. Это походило на гипноз. Разумеется, одним гипнозом происходившее не объяснишь. Мясников смело обнажал как местные недостатки, так и просчеты в политике ЦК РКП(б), открыто высказывал потаенные чаяния рабочих, и голодные мотовилихинцы тянулись к Мясникову, готовы были обожествлять его.

Уже давно, наблюдая происходящее, многие ответственные работники подпали под влияние Мясникова, хотя тщательно скрывали это. Как известно, тайное рано или поздно становится явным. Неожиданно это прорвалось в резолюции пленума губкома партии 28 сентября 1921 года. Как по стилю, так и по содержанию в резолюции прослеживаются слова и мысли Мясникова:

«Лозунг «Ближе к массам» до сих пор является худосочной интеллигентской фразой, а потому необходимо головку губкома, оказавшуюся несостоятельной, заглушающую всякую инициативу, вытравливающую душу, в партийной работе сменить, оработчив ее, сконструировав в составе: Туркин, Носов, Смородинов (между строк заметим, что Борчанинов считался интеллигентом, как и Альбенский.— Н. А.). Новому президиуму губкома в своей работе неуклонно проводить внутрипартийную рабочую демократию, отнюдь не стесняя внутрипартийной критики и обсуждения всех вопросов общеполитического, общепартийного и частного характера, кем бы из членов партии они ни возбуждались».

Прав был Иван Глухих, написав в губком: «Если не уберете Мясникова, чего доброго, я сам стану мясниковцем». Похоже, «мясниковская зараза» распространилась на актив губернии.

Дальше — больше. Кому-то из руководства пришла идея: а что, если все повернуть на 180 градусов, подыскать Мясникову хорошую должность, опубликовать его тезисы, и пусть он не на словах, а на деле докажет превосходство своих идей?

Удивительное дело, но все ухватились за это предложение, как утопающий за соломинку. На очередной запрос из ЦК РКП(б) об отзыве Мясникова в Москву немедленно отправлена телеграмма: «Просьба оставить в Перми из-за нехватки руководящих кадров».

Все покатилося по наклонной. Мясников совершенно свободно выступает на общезаводском партсобрании, зачитывает свою

Рабочий президиум (бюро) Пермского губкома РКП(б)

Докладную записку в ЦК РКП(б) и статью «Больные вопросы», письмо Ленина, свой ответ ему, комментирует эти документы без ограничений и критики. Результат — резолюция в защиту Мясникова: «Отзыв Мясникова из Мотовилихи рассматривать как очередную ссылку его за инакомыслие, просим ЦК оставить его здесь в Мотовилихе».

Естественно, категорический протест А. Н. Казановского против принятия резолюции остался просто незамеченным.

Председателем собрания, понятно, был «сам» Мясников.

Это собрание состоялось 3 октября, а 5-го президиум губкома партии принимает решение: «Поручить фракции губисполкома ввести в свой состав Мясникова и рекомендовать его председателем губисполкома». Все перечеркнуто напрочь, будто и не было многомесячной борьбы с ним за строгое выполнение политики партии.

Еще через три дня Мясников избирается в состав Мотовилихинского райкома партии 114 голосами из 155 присутствующих.

И снова запрос из ЦК РКП(б): «Откомандировать Мясникова в Москву». Президиум губкома включает этот вопрос в повестку дня. Ничего не решив, переносит вопрос на 17 октября, на собрание актива, но там о нем и не вспомнили. Более того, 27 октября губком партии постановил издать тезисы Мясникова, распространить их в Мотовилихинском заводе и в городском райкоме партии, а также раздать ответственным работникам. Осуществлялась заветная мечта Ганьки: проверить правильность своих тезисов на Мотовилихинском заводе.

А типография, между тем, полным ходом набирала текст «Дискуссионного материала». В него входили: Докладная записка Мясникова в ЦК РКП(б), его статья «Больные вопросы», письмо В. И. Ленина и ответ ему Мясникова.

Гавриил Ильич едва дождался, когда председатель губисполкома П. Ф. Трошев освободит возжеленную должность и кабинет.

Из воспоминаний А. В. Альбенского:

«Это решение губкома партии было выполнено, и автор был свидетелем, как Мясников в присутствии своего «адъютанта» Копысова разбирал содержимое письменного стола бывшего председателя губисполкома П. Ф. Трошева. Он вынул из стола пару сапог, кожаный портфель и передал их Копысову. Трошев держал эти вещи в столе для выдачи под расписку приезжавшим из уездов ответственным работникам — в разбитых ботинках с обмотками и брезентовыми мешками...»

Но сладостных дней у Мясникова оказалось всего лишь три. Калиф на час!

Центральный Комитет партии, не имея информации о происхождении, срочно направил в Пермь члена Центральной Контрольной Комиссии РКП(б) М. К. Муранова *. Тот прибыл 30 октября, чтобы остановить позорную сдачу принципиальных партийных позиций работниками губкома.

Для Муранова эта поездка в Прикамье была не первой. В 1914 году по заданию партии он уже был командирован на уральские заводы для установления связи с Центром. В Мотовилихе он проводил подпольные собрания, организовал рабочую маевку за Камой. Посланец партии побывал также на Лысьвенском и Чусовском заводах. В Чусовом ему был вручен мандат делегата на Международную социалистическую конференцию.

Присланный в октябре 1921 года в Пермь для нейтрализации

* *Муранов Матвей Константинович* (1873—1959). В партии с 1904 года. Член ЦК РСДРП в 1912—1914 годах. Депутат IV Государственной Думы. После февральской революции 1917 года — член ЦК РКП(б), член ВЦИК.

влияния Мясникова на рабочих, Муранов повел себя как опытный педагог. Без назиданий и выговоров знакомился с обстановкой, беседовал с мотовилихинцами, работниками аппаратами губкома партии и убедился, что «разрушительная работа Мясникова налицо».

Чтобы остановить процесс скатывания в болото беспринципности, специально для Муранова было проведено общезаводское партсобрание в Мотовилихе. Директор завода выступил с неподготовленным докладом о нэпе, секретарь райкома партии рассказал об итогах чистки партии. Ничего нового. Выступавших еле дослушали. Собрание готовилось дать отпор посланцу Центрального Комитета партии. Но все произошло с точностью до наоборот.

М. К. Муранов начал с воспоминаний о приезде в Мотовилиху в 1914 году и о том, как гонялась за ним охранка. Живой, образный рассказ вызвал интерес. Тогда докладчик перешел к главному — рассказал о целях и задачах нэпа. Он нарисовал картину сытого ближайшего будущего и произвел благоприятное впечатление. Он не опустился до упреков и назиданий, ни слова не сказал о Мясникове. И резолюция, предложенная Мурановым, — об активизации партработы, налаживании связи с беспартийными, — была принята большинством голосов.

В губкоме же состоялся разговор по крупному счету. Муранов отметил плохой доклад директора завода на собрании в Мотовилихе:

— От таких выступлений один вред. Почему Мясников пользуется авторитетом? Да потому, что, когда он говорит, у него каждая жилка трепещет. Вам надо активизировать работу, не падать духом.

Правда, на кончике языка и у него вертелась фраза: «Учитесь у Мясникова», но, боясь быть неправильно понятым, не произнес.

М. К. Муранов,
представитель ЦК РКП(б)

На расширенном заседании Пермского губкома партии с приглашением мотовилихинцев Муранов подвел итоги, отметил «пагубное влияние мясниковщины на рабочих», заострил внимание на главной ошибке работников губкома и Мотовилихинского райкома партии: «Занимаясь личностью Мясникова, запустили организационно-партийную работу, ослабили контакты с комсомолом, оторвались от беспартийных масс».

В итоге, принято постановление:

- «1. Исправить организационные ошибки.
2. Личные конфликты устранять с помощью Губернской контрольной комиссии РКП(б).
3. Принципиальные уклоны и оттенки уклонов выявить и устранить в соответствии с решениями X съезда РКП(б).
4. Установить деловой подход и связь с рабочими и крестьянскими массами.
5. Выпуск брошюры Мясникова считать недоразумением.
6. Всем ответственным работникам вменить в обязанность не выступать по тезисам Мясникова. Для решения больных вопросов организовать партийный клуб.
7. Поручить А. А. Шпагину разработать доклад о поднятии ответственности коммунистов».

Все неожиданно почувствовали: они были словно заложниками Мясникова, а принятая резолюция освободила их из тягостного плена.

Михаил Павлович Туркин более других мучался своим отступничеством. Это он более других был виноват в том, что разрешили печатать брошюру Мясникова. И пункт постановления, где было записано: «выпуск брошюры считать недоразумением», — прежде всего относится к нему. Хотя и сказано было мягко.

Едва дождавшись конца заседания, Туркин вызвал охранника, пошел с ним в типографию, явочным порядком конфисковал тираж мясниковского «Дискуссионного материала». Весь тираж, уже готовый, уложенный в пачки, перетаскали в маленькую комнатку. Михаил Павлович, сняв грех с души, опечатал дверь и поставил охранника. А вечером с помощью работников типографии совершено было подлинное аутодафе: в типографских печах брошюра была сожжена. Приговор приведен в исполнение под личным контролем Туркина.

Как выяснилось позже, проницательный Мясников предвидел такой вариант, контролировал ход печатания «Дискуссионного материала» и сумел заполучить часть тиража. Несколько экземпляров этой брошюры сохранилось до наших дней.

Так твердая рука Центрального Комитета партии в лице Муранова остановила «разрушительную работу» Мясникова среди партийного актива, по крайней мере, во внешнем ее проявлении.

Однако среди рабочих подобного не произошло.

Работы на Мотовилихинском заводе возобновились 10 сентября 1921 года. Освобожденный от должности председателя губисполкома, так и не начав ее исполнять, но, оставаясь членом бюро Мотовилихинского райкома партии, Мясников с утра до вечера не уходил из заводских цехов. Его влияние еще более возросло. Теперь он поставил задачу: при выборах на все руководящие должности — в кооперацию, профсоюз, завком, секретарями партячеек — избирать своих сторонников.

Ни губком, ни райком партии не могли изменить обстановку. Значительная часть членов партии и беспартийные рабочие почти поголовно активно помогали Мясникову. Те немногие партийные ячейки в цехах, которые не вставали под знамя Мясникова, с легкой руки Гавриила Ильича, называли комищайками: «Кто хочет сейчас, чтобы наша партия в глазах пролетариата была не комищайкой, а комячейкой, кто хочет, чтоб измученный рабочий шел за нами, тот должен сказать, что кроме свободы слова и печати нет возможности достичь этого».

Получив информацию от Муранова о деятельности Ганьки, Центральный Комитет партии не упускал Мясникова из виду. Политбюро ЦК РКП(б) на заседаниях 18 и 24 ноября в присутствии В. И. Ленина рассматривало вопрос об антипартийной деятельности Мясникова. 28 ноября В. И. Ленин в письме В. М. Молотову наряду с другими вопросами пишет и о нем:

«...Обдумать, нельзя ли Панюшкина (вместе с Мясниковым Уральским) отправить в Донбасс под надзор Пятакова, Квирина, Рухимовича. Нельзя ли вместе их, Панюшкина и Мясникова, погнать в Донбассе?»

Возник и другой вариант. 1 декабря 1921 года Политбюро ЦК РКП(б), на котором присутствует Ленин, обсуждает вопрос о «командировании Г. И. Мясникова в распоряжение Главного лесного комитета (Главлеском)...»

Но... Теперь Мясникова из Мотовилихи можно убрать только насильственно, по доброй воле он никуда не поедет. Да и зачем? Здесь он, верит, сумеет добиться выполнения своей программы и с помощью рабочих завода провести эксперимент — создать заводской Совет рабочих депутатов, который возьмет в свои руки управление заводом. Гавриил Ильич не только не подчиняется постановлениям Политбюро ЦК РКП(б), он сам занимает наступа-

тельную позицию, пишет заявление в ЦК РКП(б) и настоятельно требует переиздать его брошюру «Дискуссионный материал». В. И. Ленин знакомится с этим заявлением 4 декабря и пишет предложение об отклонении заявления.

Мясников же, оставаясь в рядах партии, с ноября 1921 года выступает активным ее противником. 25 ноября он направляет в Петроград письмо инженеру Б. А. Куржнеру, члену партии (познакомился с ним, живя в Петрограде в 1920 году). В письме убеждает его активизировать нелегальную фракционную работу в партии в связи с предстоящим XI съездом и просит принять меры к отпечатыванию и распространению своих статей.

5 декабря 1921 года В. И. Ленин знакомится с копией письма Мясникова Б. А. Куржнеру, делает на нем пометки. Особое внимание обращает на фразу: «...Надо все недовольные элементы в партии объединить под одно знамя». Эту фразу Владимир Ильич подчеркнул и, выделив ее сбоку пятью вертикальными чертами, сделал пометку «NB».

На копии этого письма Ленин записал:

«т. Молотову с просьбой переслать всем членам Политбюро.

(1) Надо узнать, кто Куржнер?

Не Куржнер ли, автор брошюры об электрификации?

(2) Надо усилить внимание к агитации Мясникова и 2 раза в месяц докладывать о нем и о ней в Политбюро.

(3) Надо обсудить специально в Политбюро, как реагировать на это письмо.

5 декабря.

Ленин».

Центральный Комитет партии держит под контролем Мотовилиху и вскоре, после отъезда М. К. Муранова, направляет туда члена ЦК РКП(б) И. П. Румянцева «для усиления партийной работы», как записано в командировочном удостоверении.

Иван Петрович Румянцев (1886—1937) — петроградский рабочий, большевик с 1905 года, «правдист», участник Октябрьского переворота и Гражданской войны, профессиональный партийный работник. В Мотовилихинском заводе он для начала занял небольшую должность секретаря фракции РКП(б) завкома, хотя до этого работал секретарем Рыбинского укома партии и секретарем Ярославского губкома партии.

Худощавый, среднего роста, спокойный и уверенный в себе, Иван Петрович обладал природным даром педагога. Умел ладить с людьми, находил общий язык с рабочими. Однако его низшее образование оказалось непреодолимым препятствием в общении с Мясниковым. Последний сразу понял, что милейший Иван Пет-

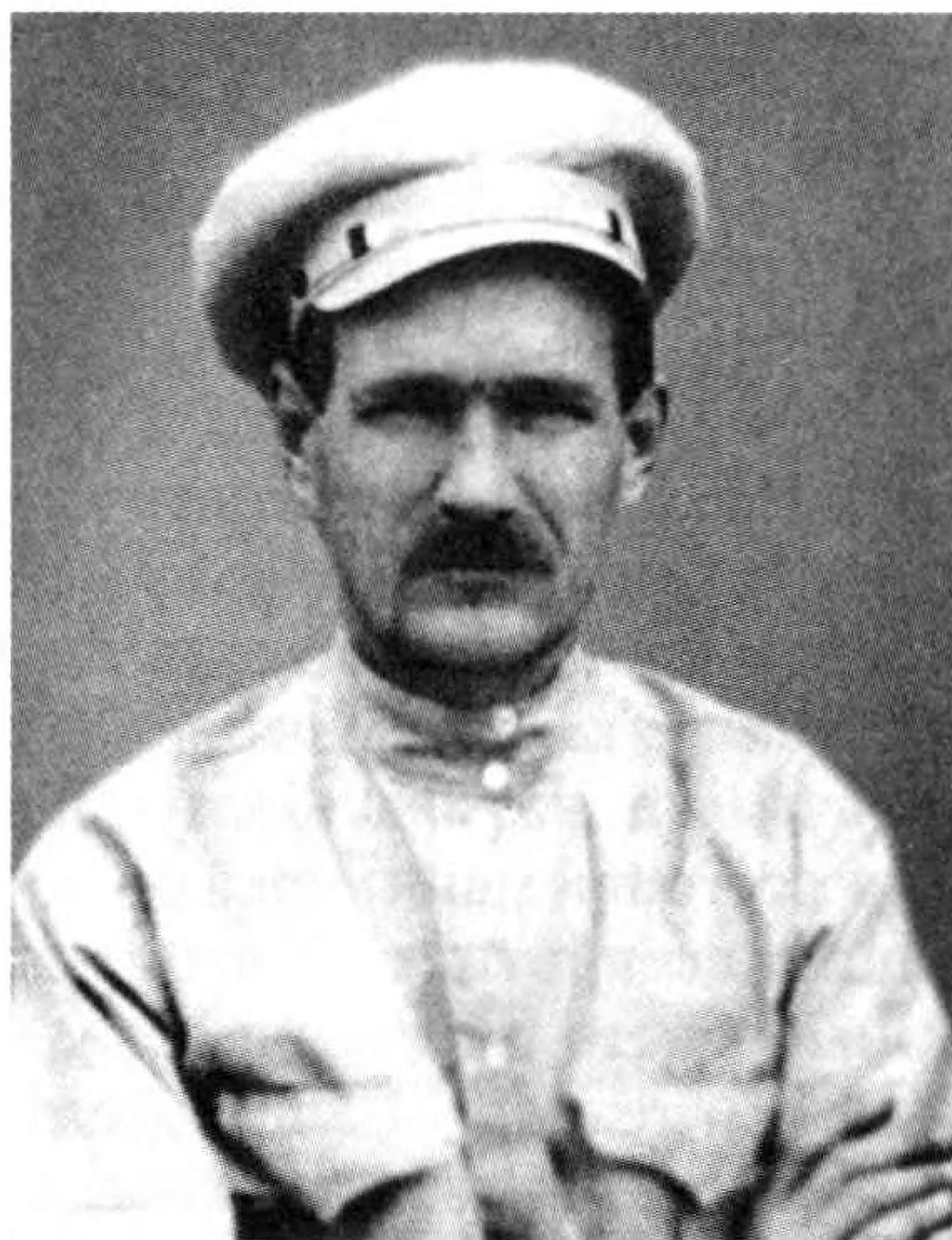
рович прислан для его «обезвреживания», и после первого же разговора перестал обращать на него внимание.

Румянцев как член ЦК РКП(б) провел перевыборы Мотовилихинского райкома. Секретарем избрали И. И. Башкова вместо И. Е. Глухих. А. Н. Казановский отвечал за агитационно-пропагандистскую работу, председателем райисполкома был утвержден твердый ленинец И. И. Колыбалов. Председатель завкома бывший черноморский матрос Павел Андреевич Козлов тоже не разделял взгляды Ганьки.

Но и такой состав руководства Мотовилихи не мог справиться с растущим влиянием Мясникова. Башков, будучи мягким, даже несколько робким человеком, оказался не способен противостоять мясниковцам и занял своеобразную позицию, считая, что «достаточно того, что губком с ним воюет, пройдет время и все само собой успокоится». Такие настроения философского спокойствия разделяли и другие члены райкома. Разумеется, это только способствовало росту авторитета Мясникова.

Румянцев, почувствовав, что Гавриил Ильич ему не по зубам, решил действовать обходным путем. Он поселился у ближайшего приверженца Мясникова, его «правой руки» и «адъютанта» Михаила Копысова и попытался понять, чем же Мясников привлекает рабочих на свою сторону. Кроме того, ему симпатичен был этот кадровый рабочий, член партии с 1917 года, хороший пропагандист, честный, прямой и бескорыстный человек.

Через некоторое время Румянцев понял, как прочно сидят в головах рабочих взгляды Мясникова, насколько глубока их вера в поворот жизни в лучшую сторону, стоит только осуществиться его тезисам. Иногда, устав от споров с Копысовым, Иван Петрович сидел на кровати и, обхватив голову руками, с сожалением думал: «Не хватает знаний, чтобы доказать ошибочность мясниковских взглядов. Умом, сердцем, всей душой понимаю его неправоту, а слов

И. П. Румянцев,
представитель ЦК РКП(б),
секретарь Мотовилихинского
райкома партии, позднее —
секретарь Пермского губкома,
затем окружкома ВКП(б)

для убеждения не хватает. И как много надо приложить усилий, чтобы изменить сложившуюся обстановку на заводе».

В 1923 году, когда «силовое поле» мясниковского влияния выветрилось, Михаил Копысов достаточно объективно и искренне описал события бурных месяцев 1921—1922 годов.

Из воспоминаний М. П. Копысова:

«Румянцев поселился у меня на квартире, мы жили с ним в одной комнате около трех месяцев, причем каждый день занимались перевоспитанием друг друга. Наши споры доходили до того, как говорят, «хоть святых выноси». Придем, обложимся книгами и начнем доказывать, кто прав. Дискуссия у нас шла в продолжении всего времени, пока он жил у меня... все же меня сняли с агитационно-партийной работы райкома и вместо меня назначили Альбенского, а я же ушел на завод работать и начал проводить по ячейкам тезисы Мясникова... Таким образом, мы (т. е. мясниковцы.— Н. А.) углубились в массу рабочих. Некоторые ячейки полностью с нами соглашались, большинство же партийных ячеек разделяло тот или иной взгляд Мясникова...»

С первых же дней работы в Мотовилихе И. П. Румянцев постоянно присутствовал на собраниях цеховых партячеек, иногда брал слово. Говорил четко, кратко и всегда объяснял и обосновывал свои позиции. Выступавших в прениях не прерывал, а если возражал, то в спокойном тоне. За это рабочее его уважали. Бывал Иван Петрович на делегатских собраниях женщин-работниц и домохозяек, умел доверительно говорить и с ними. Любил заходить «на огонек» к рабочим и ночевать оставался.

Первая крупная стычка Румянцева с Мясниковым и мясниковцами произошла в начале декабря при обсуждении предварительного списка делегатов на XI Всероссийский съезд Советов. В этот список по настоянию директора завода И. И. Карякина был внесен Мясников. «Мясников,— утверждал Карякин,— знает местные условия, сумеет высказать свои взгляды на то или иное положение...»

Румянцев не уступал, мясниковцы настаивали. Большинство голосов Мясникова оставили в предварительном списке для утверждения на президиуме губкома партии. Понятно, губком не согласился с кандидатурой Мясникова. Когда об этом узнали мясниковцы, они потребовали собрать районный партактив и большинством голосов приняли постановление:

«Считать мотивы отстранения Мясникова несерьезными, а потому настаивать на посылке его на Всероссийский съезд Советов как человека, имеющего определенные взгляды на исполком рабочих района. Созвать Мотовилихинской Совет, где поставить

вопрос о кандидатуре Мясникова на Всероссийский съезд. День созыва Совета 11 декабря 1921 года».

Огромными усилиями райкома и губкома партии Мясников не был делегирован на съезд. Но и без делегатского мандата, по своей инициативе, Гавриил Ильич уехал в Москву.

Эти поездки требовали денег. Зарплату Мясников не получал. Можно предположить, что за активную общественно-политическую работу ему оказывали материальную поддержку его московские друзья, занимавшие высокие посты. К чести Гавриила Ильича, надо сказать, он умел обходиться минимальным, да и семья, жена и двое малолетних детей, жила, как все, в большой нужде.

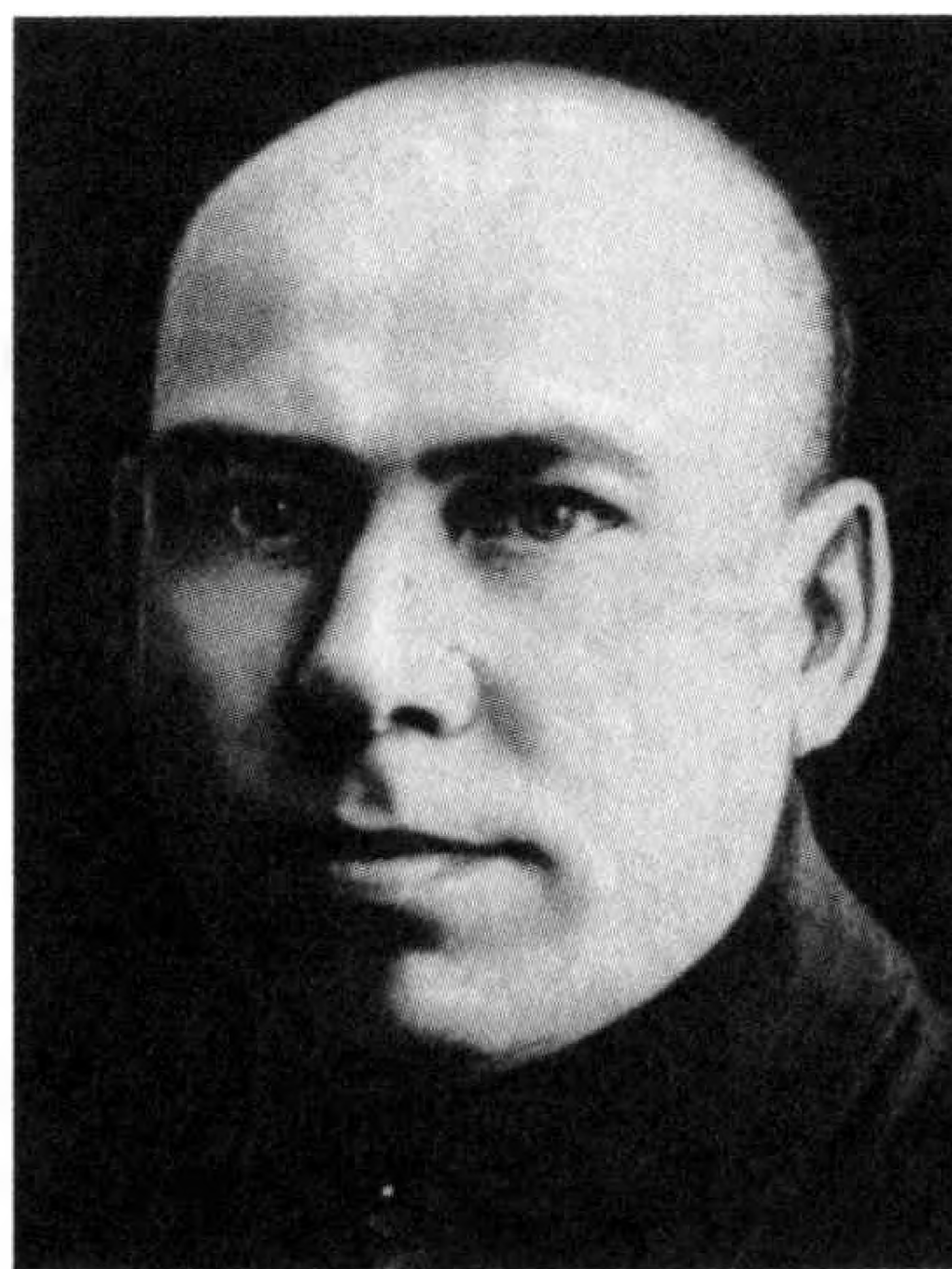
Центральный Комитет партии прислал нового председателя губкома РКП(б) М. М. Харитонов (1887—1938), члена партии с 1905 года. В годы эмиграции он возглавлял Цюрихскую секцию большевиков, многократно выполнял поручения В. И. Ленина.

Тяжелый 1921 год заканчивался. Первые недели после открытия Мотовилихинский завод, получив заказы, работал спокойно. Припасы, заготовленные летом, еще имелись, зарплата выдавалась. Но в декабре обстановка резко ухудшилась. В городском банке денег на счету завода не было. Военные заказы прекратились. Вопрос о мирной продукции хотя и был решен, но заказы еще не поступили.

Как только рабочие узнали о задержке заработной платы, началось глухое брожение.

28 декабря, в канун нового 1922 года, началась забастовка. Директор завода И. И. Карякин позвонил в губком партии М. П. Туркину, просил немедленно помочь.

Через два часа в губкоме состоялось экстренное совещание ответственных работников. Карякин доложил обстановку: для выплаты рабочим нужно 4,5 миллиарда рублей. Их нет. Хлеб за декабрь поступит только в январе. Было решено: фракция губисполкома из своих средств выделит один миллиард; хлеб выдавать не один раз в месяц, а каждые две недели; созвать собрание рабочих и «дипломатически»,

И. И. Карякин,
первый «красный директор»
Мотовилихинского завода

может быть, даже «тактично» (так в протоколе) осветить экономическое, финансовое и продовольственное положение. Послать на собрание И. И. Башкова, А. А. Шпагина и С. А. Окулова. Пользуясь отсутствием Мясникова, надеялись успокоить рабочих.

Решено было вести усиленную политическую работу через райком партии и фракцию коммунистов завкома завода. Последний пункт постановления: «Быть всем начеку».

Вся многомесячная накаленная обстановка в Мотовилихе вынуждала губернские власти уделять Мотовилихинскому заводу большее внимание, хотя на других заводах губернии положение было не менее тяжелым.

Забастовку удалось прекратить, но начали действовать скрытые пружины. Мясниковцы решительно активизировались.

Весь январь 1922 года на цеховых партсобраниях явочным порядком, вопреки запрету, заслушивались и выносились резолюции по тезисам Мясникова. Такие собрания состоялись в снарядном цехе № 2, в электрическом и сталелитейном (объединенное), в лафетном цехе и ячейке РКП(б) охраны завода.

Как правило, выносились заранее заготовленные резолюции: «Разделяя точку зрения Мясникова...» Далее шло перечисление тезисов и концовка: «Оргбюро ЦК всякое инакомыслие считает вредным и несовместимым с интересами партии, запрещение Мясникову выступать с его тезисами не решает тех вопросов, которые

Г. И. Мясников с делегатами I Пермской губернской конференции рабочих и служащих железнодорожного и водного транспорта

он выдвигает. ЦК оберегает членов партии от проникновения к ним этих вредных вопросов, а потому настаиваем на том, чтобы т. Мясникову, так и всем нам, стоящим на его позиции, дали свободу слова и печати внутри партии, свободу внутрипартийной критики. Отзыв т. Мясникова из Мотовилихи рассматривать как очередную ссылку его и просить ЦК РКП(б) оставить его здесь, в заводе Мотовилиха».

В партийной ячейке охраны завода к стандартной резолюции было приписано: «Дискуссионная книжка была прочитана целиком», а Мясников назван «честным пролетарием, единственным борцом за освобождение пролетариата».

На собрании объединенных ячеек ремонтно-слесарного, ремонтно-механического цехов и центральной паровой станции к штампованной резолюции приписали: «Принято единогласно, кроме крестьянских союзов». А собрание снарядного цеха после общей резолюции добавило: «По вопросу свободы слова и печати от монархистов до анархистов единогласно воздержались».

Райком бездействовал. Слабохарактерный и нерешительный секретарь райкома партии Иван Башков по-прежнему надеялся переждать, как он говорил, «заваруху».

Десятого января в Мотовилиху вернулся из очередной поездки в Москву «честный и единственный борец за освобождение пролетариата». Накануне состоялись выборы нового состава райкома партии. Секретарем райкома остался И. И. Башков.

Мясникову не понравилось распределение обязанностей членов райкома партии, и он, не занимая никакой партийной выборной должности, потребовал снова собрать райком партии и сам определил, кому кем быть. Оставил И. И. Башкова ответственным секретарем (он вполне устраивал Мясникова), М. П. Копысова поставил вместо К. Н. Белоусова, В. Н. Козельского на место И. А. Козлова и т. д. Протокольная запись: «Постановили, как сказал Мясников».

При обсуждении кандидатур в состав Мотовилихинского исполкома Мясников предложил ввести Берестнева и Третьякова. На робкое замечание И. И. Башкова о том, что губком не согласится с кандидатурами бывших меньшевиков, Мясников ответил:

— Доводы губкома несостоятельны. Предлагаю оставить их, если не хотят, чтобы мы провели в исполком всех беспартийных.

Добиваясь перевыборов Мотовилихинского исполкома и готовя списки кандидатов только из беспартийных, Мясников действовал вопреки указаниям Центрального комитета партии, постоянно требовавшего избрания коммунистов во все советские, кооперативные и общественные органы и организации. Понятно,

губком партии не согласился и решительно запротестовал. Тогда послушный Мясникову райком партии принимает решение: «Мы хотели как лучше, а так как губком не согласен, то предложить губкому самому сконструировать исполком и руководить деятельностью такового. О создавшихся трудностях послать телеграмму в ЦК РКП(б)». Так и сделали.

Губком не остался безучастным к примиренческой позиции райкома. В начале февраля в состав райкома были введены И. П. Румянцев и А. В. Альбенский, а «правая рука» Мясникова — М. П. Копысов — и И. А. Козлов отправлены рабочими в завод. Замена усилила райком партии — по крайней мере, он перестал быть «сплошь мясниковским».

В конце января 1922 года Мясников подготовил новую большую, на 15 машинописных страницах, статью «О едином социалистическом фронте» с подзаголовком «Внутрипартийная рабочая демократия». Эта статья-памфлет в остром полемическом стиле, характерном для Мясникова, направлена против международной политики партии и Исполкома Коминтерна в рабочем движении и конкретно против тезисов председателя Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева.

Накануне XI Всероссийской партконференции (декабрь 1921 г.) газета «Правда» опубликовала тезисы Зиновьева с длинным заголовком: «О едином рабочем фронте или об отношении к рабочим, входящим во II Амстердамский Интернационал, а также к рабочим, идущим за синдикалистами и анархистами».

Возмущаясь тем, что XI Всероссийская партконференция одобрила эти тезисы, Мясников пишет:

«На конференции тов. Зиновьев из «максима» зажарил по конференции. Тов. Троцкий, Лозовский, Варга и др. поддержали этот огонь из своих «кольтов», и конференция, панически подняв руки кверху, единогласно приняла тезисы тов. Зиновьева — было безгласие и единогласие. Никто не высказался ни за, ни против, а руки подняли. Еще бы не поднять!»

Мясников видел в тезисах не соглашение с рабочими, как указано в названии, а соглашение с руководителями коммунистических партий Носке, Эбергом, Эйдеманом и другими, которым совсем недавно «обещали виселицу на телеграфном столбе, а теперь предлагаем руку и сердце».

Главная идея в тезисах Зиновьева состоит в том, что неизбежность новой империалистической войны очевидна, поэтому «тактика, предлагаемая Исполкомом Коминтерна, поможет коммунистическим партиям Европы и Америки собрать самые широкие рабочие массы под знамя коммунизма и исполь-

зовать опыт русских большевиков — низвергнуть буржуазный строй».

В своей статье Мясников продолжал развивать свои основные тезисы, рассматривая их с разных позиций. При этом, резко критикуя Ленина, который «болтовней считает все эти разговоры об участии рабочих в управлении производством», автор выражает несогласие даже со своими друзьями из бывшей рабочей оппозиции в их взглядах на роль и задачи профсоюзов. Он называет их мнение «не точкой зрения рабочего класса, а точкой зрения профессиональной буржуазии».

Мясников говорит о несостоятельности российского партийного руководства по отношению к внутрипартийной демократии, когда «от демократизации не осталось и следа... основа демократизации — выборность, свобода слова и печати сводится на нет». И делает вывод, что самое главное — отстаивать нужды рабочего класса «в борьбе с Шейдеманами и Носке».

Признавая «гражданский мир» для России, он провозглашает лозунг гражданской войны: «Самый отчаянный и беспощадный, ничем не сглаживаемый, должен носиться над всем буржуазным миром».

Статья Мясникова не была опубликована ни тогда, ни когда бы то ни было после. Но работники Мотовилихинского райкома все же ознакомились с ней. Однако А. В. Альбенский выступил перед мотовилихинцами с докладом о 3-й годовщине Коминтерна. Ни словом не обмолвясь о статье, он просто и доходчиво раскрыл суть ленинской позиции о едином рабочем фронте, и не подозревавшие подвоха политически малограмотные коммунисты Мотовилихи приняли постановление:

«Послать приветственную телеграмму III Коминтерну о своей солидарности с ним».

Мясников в эти дни снова в Москве. На этот раз он был вызван по поводу исключения его из партии.

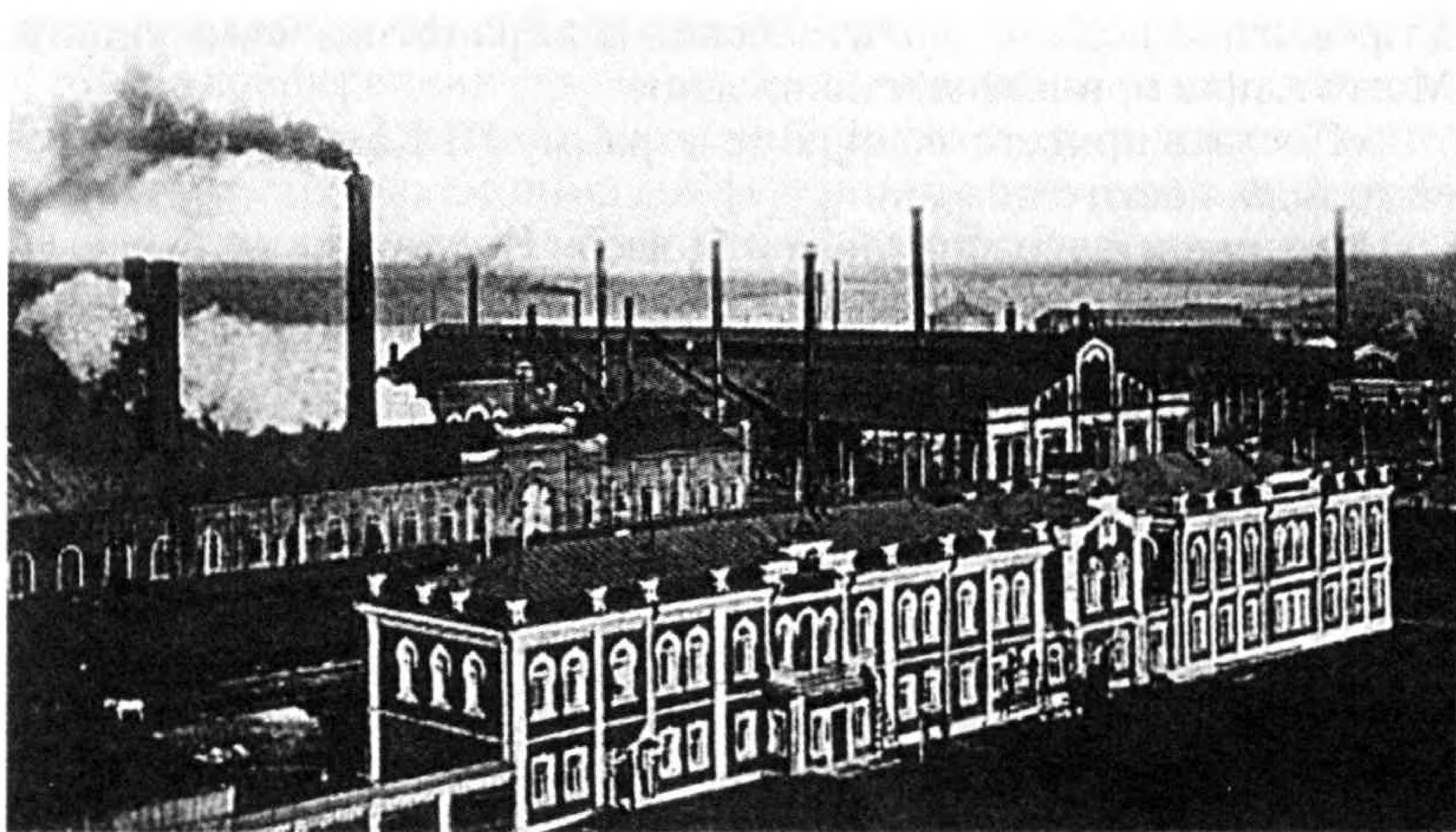
Глава 8

Февраль—март 1922 года От Мотовилихинского райкома РКП(б) до Исполкома Коминтерна

Исключение Мясникова из партии. Поддержка мотовилихинцами «Заявления 22-х». Губернская конференция и XI съезд партии о Мясникове.

Мотовилиху лихорадило. Идеи Мясникова глубоко пустили корни в рабочей среде, наэлектризовав не только членов партии, но и беспартийных. На собраниях докладчику буквально не давали говорить, если он высказывался против Мясникова. Работники райкома партии, не поддерживающие любимца рабочих, просто игнорировались.

В первых числах марта 1922 года в Перми получены материалы по исключению Мясникова из партии. В постановлении Комиссии ЦК РКП(б) от 15 февраля 1922 года, в составе А. А. Солнца, В. М. Молотова и В. М. Михайлова, подробно изложена антипар-

Мотовилиха. Заводоуправление Пермских пушечных заводов

тийная деятельность Мясникова за последний год. Слова «разрушительная работа», «нарушение постановления Оргбюро ЦК» и т. д. употреблены в каждом абзаце.

«Комиссия находит,— говорится в заключение,— что тов. Мясников явно и неоднократно нарушал партийную дисциплину, порвал совершенно с партией и использовал пребывание в партии лишь для облегчения борьбы с ней и ее решениями, пытаюсь организовать в прямое нарушение постановления съезда особую в ней группировку. Исходя из всего вышеуказанного, Комиссия предлагает т. Мясникова из партии исключить».

Следует заметить по поводу вышеизложенной цитаты: Мясников до последних дней пребывания на свободе не пытался «создать особую группировку», планы его были значительно шире: он надеялся перетянуть на свою сторону всю Мотовилихинскую парторганизацию.

20 февраля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) утвердило постановление Комиссии, внося в него поправку: «Через год Мясников имеет право возбудить ходатайство о новом вступлении в партию». Этой же Комиссии было поручено составить краткую докладную записку о том, как проходил вопрос о виновности и наказании Мясникова.

Гавриил Ильич глубоко переживал исключение из партии. За воплощение идей коммунизма он отбыл 11 лет царской каторги, все силы отдавал этой идее и точку ставить не собирался. Заручившись поддержкой мотовилихинцев, он обратился в Исполком Коминтерна с жалобой на Политбюро ЦК РКП(б), указав, что, согласно Уставу партии, «вопрос об исключении коммуниста из партии решается общим собранием партийной организации, Мотовилихинская же организация решительно протестует против этого исключения».

Специально для разбора жалобы Мясникова была создана комиссия Исполкома Коминтерна в составе: Гериле (Германия), Нейрат (Чехословакия), Куусинен (Финляндия). Комиссия рассмотрела материалы дела, побеседовала с Мясниковым и пришла к единодушному решению: «Мясников потерял правильную коммунистическую линию в трудных условиях российской революции и докатился до позиции мелочного критикана из обывательского лагеря».

В решении комиссии отмечалось также, что выдвинутый Мясниковым лозунг о свободе печати был лозунгом «свободы печати не для тех, кто борется за диктатуру пролетариата, ибо они этой свободой пользуются, а для тех, кто борется против этой диктатуры». И далее говорилось, что платформа Мясникова но-

сит такой характер, что «любой тайный агент буржуазии, который хотел бы вызвать раскол РКП, мог бы всецело поддержать внутрипартийную борьбу Мясникова». Исполнительный комитет Коминтерна, присоединившись к решению комиссии, постановил: «Жалобу Мясникова против его исключения из РКП отклонить».

Почти одновременно с известием об исключении Мясникова из партии в Перми стало известно, что он в составе бывшей так называемой рабочей оппозиции подписал заявление в адрес Международной конференции Коминтерна на ЦК РКП(б). Этот документ вошел в историю КПСС как «Заявление 22-х».

О чем этот документ?

В «Заявлении 22-х» утверждалось, что дело с единым фронтом в нашей стране обстоит неблагополучно и что руководящие органы партии игнорируют решения съездов о проведении в жизнь рабочей демократии, подвергают преследованиям и репрессивным мерам инакомыслящих. Рабочие лишаются инициативы, самостоятельности, растут карьеризм и лакейство, рабочие уходят из рядов партии. Соглашаясь с пунктом 23 в тезисах исполкома Коминтерна (тезисы Г. Е. Зиновьева) о едином рабочем фронте, авторы «Заявления 22-х» указывают, что «под единством рабочего фронта следует разумеать единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма, — стало быть, и рабочих, идущих еще за анархистами и синдикалистами... желание покончить со всеми ненормальностями, стоящими на пути единства этого фронта, прежде всего внутри нашей партии, побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии».

Далее следовали 22 подписи членов РКП(б). Пятой значилась фамилия Мясникова.

Заявление датировано 26 февраля 1922 года. Мясникова Центральный Комитет партии исключил еще 15 февраля, но он подписал заявление как член партии с 1906 года. Это ставили ему в вину, но Мясников не желал признавать себя вне рядов партии, тем более что мотовилихинские коммунисты его не исключали.

Мясников подписал заявление не формально. В нем изложены мысли и положения, не просто близкие Мясникову, но являвшиеся стержнем его тезисов. Несомненно, он не только подписал, но и был соавтором документа.

Копия «Заявления 22-х» была направлена в Центральный Комитет партии.

Политбюро ЦК РКП(б) поручило своим представителям

вскрыть «истинный характер этого заявления и допущенные в нем искажения действительности», а также поручило секретариату ЦК РКП(б) разослать всем губкомам текст обращения 22 товарищей в Коминтерн и постановление Политбюро ЦК по этому вопросу. Решено было также опубликовать эти документы совместно с решением Коминтерна.

Первый расширенный Пленум Исполкома Коминтерна рассмотрел жалобу 22 русских товарищей на РКП(б). В комиссию по разбору жалобы вошли: К. Цеткин (Германия), М. Кашен (Франция), В. Коларов (Болгария), К. Крейбих (Чехословакия), У. Террачини (Италия) и А. Мак-Манус (Великобритания).

В принятой резолюции Пленум Коминтерна по всем вопросам, выдвинутым в «Заявлении 22-х», высказал осуждение обратившихся с жалобой и выразил полное согласие с ЦК РКП(б). «Расширенный Пленум Исполкома Коминтерна, — говорилось в резолюции, — не может признать жалобы 22 товарищей правильными». В документе подчеркивается: «Эти товарищи своим поведением резко противоречат обязательным постановлениям X съезда РКП о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне. Исполком серьезно предостерегает этих товарищей и ставит им на вид, что продолжение начатой борьбы должно будет привести к противоречию с РКП, ее задачами, интересами российского пролетариата и, таким образом, поставит их вне рядов III Интернационала...»

Мясников ознакомился с постановлениями Исполкома Коминтерна в Москве. Имея на руках эти документы, он поехал в Пермь. Из столицы он привез свое назначение на должность заместителя директора Мотовилихинского завода, чему поспособствовал один из лидеров рабочей оппозиции, нарком труда А. Г. Шляпников. Должность заместителя директора в то время занимал Андрей Марков, уже известный читателю участник расстрела Михаила Романова. Естественно, Маркову не хотелось уступать своего места, и, вынужденный сделать это, он сразу же перешел в лагерь активных противников Мясникова.

Теперь как заместитель директора завода Гавриил Ильич получил право бывать в цехах завода в любое время и в полной мере использовал эту возможность. Общаясь с рабочими, Мясников откровенно рассказывал об отказе Исполкома Коминтерна восстановить его в партии, об обсуждении «Заявления 22-х». С его точки зрения, все это выглядело в высшей мере несправедливо. После его выступлений рабочие недоумевали: «Он борется всеми силами с бюрократизмом, а его выключили из партии. Неправильно это». И выступали в поддержку.

Из сводки ГПУ. Март 1922 года:

«Авторитет Мясникова абсолютно громаден среди массы рабочих завода. Его слушают, не прерывая, затаив дыхание, его превозносят: «Такого человека, да еще из партии — вон!»

По всей видимости, осведомитель был из рабочих и сам мясниковец.

13 марта 1922 года знаменательно тем, что в этот день состоялись партийные активы в Перми и Мотовилихе по обсуждению «Заявления 22-х» в Коминтерн. М. М. Харитонов, секретарь губкома РКП(б), познакомил актив Мотовилихинской парторганизации с материалами, опубликованными в «Правде» и местной «Звезде», затем зачитал постановление фракции РКП(б) съезда металлистов, осуждающее «Заявление 22-х»: «Заслушав единогласное Постановление комиссии и Пленума Коминтерна, а также объяснения тт. Зиновьева, Шляпникова и К. Цеткин по заявлению 22 коммунистов, фракция Всероссийского Союза металлистов всецело приветствует это решение высшего органа международного коммунизма и считает долгом каждого коммуниста беспрекословно подчиниться этому решению.

Одновременно с этим фракция предостерегает товарищей от повторения подобных явлений, грозящих расколом дисциплинированной в мире компартии — русской.

Принято единогласно при пяти воздержавшихся».

После зачитания резолюции М. М. Харитонов разъяснил собравшимся значение этого документа применительно к местным условиям: «Голод и разруха, нехватка топлива и всего самого необходимого, а у нас в Перми и Мотовилихе вот уже скоро год идут склоки, которые, несомненно, отрицательно сказываются на жизни всего населения...»

Харитонов убедительно, как ему казалось, разъяснил вред и пагубность тезисов Мясникова и «Заявления 22-х», за что их и осудил ЦК РКП(б). В заключение он познакомил собравшихся с резолюцией, принятой днем на собрании актива в Перми и осуждающей «Заявление 22-х», и призвал мотовилихинцев поддержать резолюцию пермяков.

Вот она:

«Собрание резко осуждает поступок 22-х и целиком присоединяется к резолюции фракции съезда металлистов. Перед лицом всей партии заявляем, что член Пермской организации, подписавший заявление Коминтерну, жестко разочаруется, если полагал, что его личные друзья по прошлой работе последуют за ним в этом дезорганизаторском поступке, выгодном только врагам Советской власти.

Мы никому не позволим под флагом свободы критики клеветать на партию. Всякому, кто покусится на ее единство, скажем: «Руки прочь! Помните, у революции есть только два лагеря: кто не с нами, тот по другую сторону баррикады — против нас. Долой интриги, да здравствует единство РКП!»

Харитонов пояснил, что из ста присутствующих на городском активе только один проголосовал «против» и 10 комсомольцев воздержались от голосования. Резолюция была направлена в ЦК РКП(б).

В Мотовилихе все происходило по-другому. Сухие краткие записи протокола красноречиво говорят о враждебном настрое мотовилихинцев. Тон задал директор завода И. И. Карякин:

— В «Заявлении 22-х» нет ничего преступного. Дисциплина и единство партии необходимы, но никакой фракции при рабочей оппозиции не было. Не нужно ставить в вину 22-м, они сделали только предупреждение, за это их не должны ставить в ряды контрреволюционеров. Предлагаю считать «Заявление 22-х» правильным.

Поддержка Карякиным оппозиционеров была не случайна. Впоследствии несколько человек, в том числе М. П. Копысов, И. И. Странев и другие, вспоминали, что Карякин не раз говорил: «Если бы я в то время был в Москве, я бы подписался в заявлении двадцать третьим».

И. П. Румянцев выступил против Карякина и призвал присоединиться к резолюции партийного актива Перми.

П. Ф. Сорвин, комсомольский вожак мотовилихинцев, и Кликанов, рабочий, секретарь партячейки лафетного цеха, решительно поддержали Карякина. Из протокольной записи выступления председателя губернской контрольной комиссии А. А. Гребнева также следует, что «Мясников хороший человек, самый умный, авторитетный и т. д. Вопрос надо обсудить не односторонне, а со всех сторон».

Михаил Туркин, обычно спокойный и уравновешенный, был до крайности возмущен выступлениями в поддержку оппозиционеров и, возражая им, предложил прекратить прения и голосовать.

Харитонов еще раз пытался объяснить, что речь идет не только о Мясникове, речь идет о партии в целом.

Для голосования было предложено две резолюции: первая, принятая на собрании партактива Перми и осуждающая действия 22-х, и вторая, предложенная сторонниками Мясникова. Вот ее текст:

«Ознакомившись с обращением 22 товарищей к конференции Коминтерна и с постановлениями по сему поводу конференции —

фракции съезда металлистов, а также заслушав прения по ним, собрание активных работников Мотовилихинского района считает обращение этих 22 товарищей правильным и целиком присоединяется к этому обращению».

Тридцатью голосами принимается вторая резолюция.

Всего на собрании присутствовало 60 человек; по-видимому, некоторые воздержались от голосования.

Обстановка — бочка с порохом! Мясников, исключенный из партии, не появлялся в райкоме партии и нигде открыто не выступал, но продолжал энергично действовать. Вел беседы со своими сторонниками, давал указания, как распространять свое влияние среди рабочих, писал обращения на заводы Прикамья, написал даже письмо в Самару с изложением своих взглядов, призывая протестовать против РКП(б).

Из воспоминаний А. В. Альбенского:

«Борьба Мясникова и мясниковцев разгорается против его исключения из партии. Мясников обеспечивал своих последователей проектами резолюций, смысл которых таков: «Мы признаем позицию Мясникова правильной — исключение его из партии равносильно нашему исключению».

Такие резолюции приняли фракция коммунистов завкома, ячейки лафетного цеха, оружейные цехи № 1 и 2, ремонтно-механический цех, паровая станция и топливный отдел.

Фракция РКП(б) завкома, обсудив вопрос об исключении из партии Мясникова (докладчик М. Копысов), приняла резолюцию, в которой просили ЦК РКП(б) пересмотреть и восстановить Мясникова в правах члена партии:

«Исключение Мясникова из рядов партии равносильно исключению всех нас. Считаем Мясникова по-прежнему своим лучшим товарищем».

С этой резолюцией Копысов и Странев ходили по цехам завода, знакомили с ней коммунистов, а заодно и беспартийных, и уговаривали рабочих поступать так же.

Слухи по заводу ползли самые невероятные. В орбиту волнения втягивались беспартийные рабочие. Бóльшая часть их воспринимала происходящее так: «Хорошего человека исключили несправедливо, конечно, надо добиваться, чтобы его включили обратно».

В один из этих дней рабочий на заводе задал А. В. Альбенскому вопрос:

— Хочу полюбопытствовать, сколько цеховых ячеек сдали партбилеты из-за Мясникова в райком партии?

Альбенский ответил:

— Пять человек из партячейки электрического цеха. — И честно добавил: — Приходили еще несколько человек, мы их отговорили, и они сказали: «Да, мы поступили опрометчиво», и ушли, не выложив партбилеты.

Из письма рабочего кузнечно-катального цеха:

«Настроение в цехе нормальное. Работают добросовестно. Программа вырабатывается, немного даже лишнего бывает... В общем, все хорошо. Симпатизируют рабочие Мясникову поголовно и удивляются, почему его выключили из партии. Ячейка наша сейчас находится в неопределенном положении: хотят подавать заявление о выходе из партии, как сделала ячейка электрического цеха, но заявление в райком отдельно от всех подал Петр Малютин, слесарь».

В эти дни Иван Румянцев не выходил из завода. Собрания проводить было бесполезно, мясниковское влияние несомненно преобладало. Единственно приемлемой была тактика индивидуальной работы, и на нее не жалели сил.

20 марта состоялось общезаводское партийное собрание. Присутствовали 77 человек. Главным был вопрос о «Заявлении 22-х». Когда после доклада и прений И. П. Румянцев предложил присоединиться к резолюции, принятой Всероссийским съездом металлистов, осуждающей оппозиционеров, М. П. Копысов предложил свою резолюцию: «Присоединиться к «Заявлению 22-х».

Но ситуация изменилась. То ли рабочие устали, то ли Румянцев их переубедил в течение трех месяцев, только большинство голосовало за резолюцию, осуждающую «Заявление». Однако к предложенному тексту решили добавить:

«В принятой же на прошлом собрании резолюции о т. Мясникове исключить слова о том, что «мы стоим на его платформе» и что «исключение его из партии равносильно исключению всех нас». Остаемся лишь при старом решении с просьбой о пересмотре его дела в ЦК РКП(б) при условии, если т. Мясников прекратит свою линию и станет на путь, призывающий Коминтерном [*так в тексте*] об единстве партии».

Губернская партконференция состоялась за неделю до открытия XI съезда партии, 18—20 марта 1922 года. Главные вопросы: организация весеннего сева и выборы делегатов на партийный съезд. Однако половина времени ушла на обсуждение, как тогда говорили, мясниковщины и связанных с ней вопросов, при обсуждении которых четко обозначились две стороны: «они» — поддерживающие Мясникова и «мы» — остальные.

Делегаты Мотовилихи изменили тактику: открыто не поддерживая Мясникова, резко критиковали губком партии, ставили ему в вину «процветание мясниковщины». С обеих сторон было немало фарисейства и двуличия.

Директор Мотовилихинского завода, хитрый И. И. Карякин, отрекся от Мясникова: «Я бы никогда не сделал этого «турка» (т. е. Мясникова. — Н. А.) предметом внимания губернского съезда... надо изыскать, откуда этот «турок» нарастает». И, вместе с тем, повторял мясниковские формулировки, выражал мясниковские мысли: «Если кто позволит себе самостоятельно мыслить, мы его ставим в контрреволюционеры... категорически протестую».

Серафима Щукина, лидер мотовилихинских комсомольцев, более чем кто-либо из комсомольцев смотрела в рот Мясникову, хотя всегда, даже впоследствии, отрицала это. На партконференции она заявила: «Я не принадлежу к мясниковщине, но знаю: как только Мясников приехал в Мотовилиху, рабочие сразу повеселели...»

Остро, взволнованно, но, безусловно, кривя душой, выступил А. Л. Борчанинов, председатель губЧК: «Нужно ли останавливаться на мясниковщине? По-моему, нужно Мясникова исключить не за самостоятельность мышления, а за многократные нарушения партийной дисциплины... **Настала пора положить предел** (выделено авт. — Н. А.). Я говорю о мясниковщине, а не о Мясникове. Нужно иметь гражданское мужество не отрекаться от него, когда его исключили из партии. Верно, из Мотовилихи все годы революции забирали работников, сейчас там осталась чистейшая обывательщина. Шесть с половиной тысяч рабочих — маленькие хозяйчики. Понятно, Мясников нашел там подходящую почву...» Далее Борчанинов рассказал, как заложил фундамент парторганизации в Мотовилихе, которая была гордостью революционных лет, а теперь вот вынужден заниматься обсуждением мясниковщины. «Надо принять самые решительные меры для борьбы с ней. Нужна губкому твердая линия, без всяких колебаний».

Не менее резко осудил Мясникова М. П. Туркин:

«На основании опыта скажу: мясниковщина отразилась на всей практической работе. Устами выступавших мотовилихинцев глаголет сам Мясников. Нам здесь бросали словечки: адвокаты, гимназисты, студенты, интеллигенция — это же излюбленные словечки Мясникова. Было бы странным сегодня не говорить о Мясникове. Нужно твердо сказать: губком — здоров, Мотовилиха — больна. Губернская организация состоит из ряда местных организаций и, если больна одна, отражается на всех».

На конференции делегаты других районов также уделили мясниковщине внимание.

Нефедов (Лысьва): «У нас нет мясниковцев. Мы их тезисы сразу отвергли».

Манохин (Оса): «Мотовилихинские рабочие встали на неверный путь. Они впали в ошибку, за которую должны отвечать».

Назукин (Усолье): «Мясников прислал в Усолье свои тезисы и указал на меня, Назукина. Но я сказал: «Насколько я знаю, Ленин говорил, что ключи революции находятся у вас, матросы, и <...> отказался поддерживать Мясникова».

В результате острой полемики конференция большинством голосов приняла постановление, осуждающее «Заявление 22-х» как антипартийное, фракционное и клеветническое. Была принята резолюция, сходная с принятой на городском партийном активе 13 марта. Но заканчивалась она несколько по-другому: «Долой интриги. Да здравствует авангард пролетарской революции — Российская Коммунистическая партия большевиков!»

Конференция одобрила решение Политбюро ЦК РКП(б) об исключении Мясникова из партии.

В заключительном слове секретарь губкома партии М. М. Харитонов, касаясь Мотовилихи, сказал, что мотовилихинские рабочие снабжаются продовольствием так же, как и другие заводы губернии, и улучшить снабжение можно только за счет других. Рабочие Чусового, Лысьвы, Кизела глубже осознают трудности периода и ведут себя скромнее: «Надо Мотовилихе брать пример с них». Говоря о Мясникове, Харитонов сообщил: «Заявление 22-х» передано по радио. Польская радиостанция с большой радостью по всему миру передавала выдержки из брошюры Мясникова».

Конференция избрала на XI съезд РКП(б) 12 делегатов, среди них: М. М. Харитонов, М. П. Туркин, А. А. Калашников, А. Н. Казановский, А. А. Гребнев.

Мотовилихинская делегация на конференции в целом вела себя спокойно. Ожидали более бурного возмущения по поводу исключения Мясникова из партии. Такое спокойствие было подозрительно. Мясников буквально с утра до позднего вечера не уходил с завода, склоняя рабочих «к решительным действиям». Оставлять Мясникова на заводе было небезопасно, тем более что все губернское руководство уезжало на съезд партии.

Буквально накануне выезда делегатов в Москву в губком пришел директор Мотовилихинского завода И. И. Карякин и демонстративно подал заявление о выходе из партии. В беседе с Харитоновым выяснилось, что он обижен за отвод его кандидатуры из

списка делегатов на XI съезд партии. И. И. Карякин объяснил подачу заявления: «Меня считают поддерживающим группу 22-х, и это способствует разложению Мотовилихинской организации. Я себя не считаю виновным, и личные нападки не дают мне возможности работать в партии».

Карякин хитрил. Видя, как тревожно складывается обстановка на заводе и не желая брать на себя ответственность, решил заранее «выйти из игры». Харитонов именно так его и понял.

После длительной и спокойной беседы договорились: до приезда делегатов из Москвы вопрос о партийности Карякина оставить открытым.

Сам факт подачи заявления о выходе из партии директора завода вызвал серьезное беспокойство. И было отчего. Мотовилиха находилась целиком под влиянием Мясникова, а тот продолжал конфликтовать с губкомом по поводу перевода мясниковцев в городские и губернские организации, стараясь усилить своими сторонниками завком и другие выборные органы.

Из воспоминаний М. П. Копысова:

«...Мы просили для усиления партийной работы ряд работников в городе. Просили И. П. Берестнева, М. В. Шумайлова и А. В. Альбенского. Причем, Берестнев был сочувствующим нам, Шумайлов также придерживался мясниковской стороны. Постановлением губкома нам было отказано. Мы устроили бузу. Я на заседании губкома сказал:

— Вы братаетесь с Носке и Шейдеманом и не хотите пойти навстречу рабочим, которых нужно воспитывать...

И демонстративно ушел с заседания, хлопнув дверью.

Мясников не участвовал в заседании, но был тут, дожидаясь в другой комнате».

Руководство губернии в большой тревоге уезжало на XI съезд партии. Ответственным за обстановку в Мотовилихе оставили председателя губЧК А. Л. Борчанинова.

Съезд открылся 27 марта 1922 года. За два дня до его открытия состоялся Пленум ЦК РКП(б). Пермская делегация обратилась к Пленуму с просьбой еще раз подтвердить исключение Мясникова из партии. Просьба была удовлетворена.

«Заслушав доклад Комиссии и решение Политбюро о Мясникове, — отмечалось в постановлении, — Пленум считает это решение минимальным наказанием и предлагает в аналогичных случаях действовать энергичнее».

В работе съезда, особенно в прениях по докладу председателя Центральной контрольной комиссии РКП(б) А. А. Сольца, много внимания уделено деятельности бывшей рабочей оппозиции, осо-

бенно последнему ее совещанию, в результате которого возникло дело 22-х.

В выступлениях В. М. Молотова, В. В. Косиора, Л. Д. Троцкого говорилось о том, что товарищи, подписавшие заявление 22-х, нередко в доказательствах своей правоты переступали грань дозволенного. Эти упреки целиком относились — может быть, даже в большей мере, чем к другим, — и к Мясникову, имя которого многократно упоминалось на съезде.

Например, В. М. Молотов сказал: «Можно отметить выступление Мясникова, который договорился до «свободы печати и слова от монархистов до анархистов» и который был исключен Центральным Комитетом партии после того, как ЦК в течение примерно шести месяцев пытался вести с ним переговоры, разговоры, убеждения и попытки направить его на общепартийную линию. В настоящее время и этот вопрос, несомненно, не имеет острого значения».

Возможно, делегаты съезда согласились с Вячеславом Михайловичем в том, что с исключением Мясникова из партии все беспокойства по его поводу закончены. По-другому думали пермские делегаты. Они-то знали, что Мясников все еще на коне, с мечом и поднятым забралом.

В заключительном слове по политическому отчету ЦК РКП(б) В. И. Ленин также не обошел вниманием ни бывшую рабочую оппозицию, ни Мясникова.

«Вы знаете, — сказал Владимир Ильич, — что рабочая оппозиция — она уже есть обломок прежней. Сравните подписи «Заявления 22-х» с подписями платформы, которая была перед X съездом. Здесь не все подписи. Надо сказать тем людям, которые законно используют свое право обращения в Коминтерн, что было незаконно ходатайствовать за Мясникова. История с Мясниковым была летом прошлого года. Тогда меня в Москве не было, и я ему написал длинное письмо, которое он поместил в своей брошюрке. Я видел, что способности у человека есть, что с ним стоит перегово-

В. М. Молотов,
секретарь ЦК ВКП(б)
в 1921—1930 годах

ворить, но надо сказать, что если он с такой критикой выступит, то это будет недопустимо.

Он пишет письмо: «Соберите по данному району всех недовольных». Да, собрать в данном районе всех недовольных очень нетрудно... Если этого не прекратить, то мы единства не сохраним, а это едва ли не главное завоевание — беспощадно ошибки наши вскрывать и говорить о них. Если мы это ясно сознаем, а на этом съезде это достигается, тогда нет ни тени сомнения, что мы их преодолеть сумеем».

Михаил Павлович Туркин внимательно слушал всех выступавших и особо обратил внимание на выступление А. Г. Шляпникова, который сказал: «Только желание укрепить, усилить и оживить партию было у всех 22-х».

И еще запомнилась фраза: «Мы хотели только одного: обратить внимание ЦК нашей партии на то состояние, которое переживают ее члены...»

Туркин знал Александра Гавриловича Шляпникова как закаленного партийца, члена партии с 1901 года. В Петрограде в 1917 году не раз слышал о нем как об убежденном ленинце, члене ЦК РКП(б). Наконец, знал его как наркома труда и видел в нем полную противоположность Мясникову. Что же объединило столь разных людей? Понять бы, в чем дело...

Михаил Павлович все услышанное воспринимал в преломлении к пермским событиям, к мотовилихинским рабочим. Это о них сказал Владимир Ильич: «У нас со времени войны на фабрики и заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны...» Да, таких в Мотовилихинском заводе было немало. Когда же Владимир Ильич назвал рабочую оппозицию обломком старой, Туркин про себя добавил: «Как же этот обломок вонзился в политику партии!» И чисто по-человечески, на одну секунду, пожалел, что нет среди пермских делегатов Мясникова — может, здесь бы его вразумили. Но тут же вспомнил, с каким злорадством Ганька называл нэп «новой эксплуатацией пролетариата» и понял: «Горбатого могила исправит».

После обсуждения доклада А. А. Сольца по предложению Г. И. Петровского была создана комиссия «для более точного и объективного обследования дела 22-х». В состав комиссии вошло 19 делегатов съезда, среди них Ф. Дзержинский, Г. Зиновьев, С. Киров, Г. Петровский, А. Сольц, И. Сталин, М. Туркин, Е. Ярославский.

Эта комиссия, изучив материалы, предложила резолюцию, одобренную съездом. В ней записано:

«Относительно последнего совещания членов бывшей группы рабочей оппозиции, в результате которого явилось обращение в Коминтерн, комиссией установлено, что т. Медведевым и т. Шляпниковым созваны были специальные совещания из сторонников бывшей группы рабочей оппозиции. На это совещание привлечен был уже осужденный и исключенный из партии Г. Мясников. И на этом же совещании, на основании совершенно голословных, непроверенных фактов и сообщений, составлен был обвинительный акт против партии. Причем, по признанию некоторых, подписавших это заявление, они даже не знали хорошо содержания документа, а лишь подписывались из групповой солидарности».

Глава 9

Март 1922 года

Последняя схватка

Освобождение Мясникова от должности заместителя директора завода. Несанкционированный заводской митинг. Арест Мясникова.

В то время как в Москве, на XI съезде партии, Мясников, можно сказать, был именинником и его имя многократно упоминалось и в докладах, и в выступлениях делегатов, в Мотовилихе события развивались весьма драматично.

В день отъезда пермской делегации на съезд партии в Мотовилихинском райкоме шло заседание комитета. На повестке стоял один вопрос — о Мясникове. Что с ним делать, как остановить его разрушительную работу?

Иван Башков обрисовал обстановку на заводе: Мясников, став заместителем директора завода, повел широкую пропаганду своих тезисов и, главным образом, защиту «Заявления 22-х». Собрания прошли уже в большинстве цеховых партячек. Есть случаи выхода из партии. Своих прямых обязанностей как заместитель директора завода Мясников совсем не выполняет. В заключение просил товарищей высказать свое мнение.

После ожесточенных споров выработали две резолюции. Первая предложена Румянцевым: «Запретить пропаганду тезисов Мясникова и «Заявления 22-х». Вторую предложил Сивилев: «Поддержать этих 22 товарищей, и мы целиком присоединяемся к тому обращению, но, являясь дисциплинированными членами партии, мы подчиняемся постановлению Коминтерна, осудившего «Заявление 22-х». Кроме того, поддерживаем ходатайство перед ЦК РКП(б) о пересмотре дела Мясникова, если он откажется вести свою линию и станет на путь единства партии». Заканчивалась вторая резолюция так: «Вести идейную борьбу с тезисами Мясникова».

Большинством голосов была принята вторая резолюция, предложенная Сивилевым. Пять членов райкома партии: Альбенский, Белоусов, Козлов, Лебедев, Румянцев — проголосовали против

этой резолюции, но они оказались в меньшинстве. За какую резолюцию голосовал И. Башков, в протоколе не указано, хотя все остальные фамилии указаны поименно. На этом же заседании удалось принять решение об освобождении Мясникова от должности заместителя директора завода и перевести его рабочим-слесарем в лафетный цех.

Как говорится, все смешалось в доме... В принятой резолюции проявилось полное незнание и непонимание разногласий 22-х с партией. Что говорить о рабочих, воспринимавших происходящие споры в соответствии со своей грамотностью? Значительная же часть мотовилихинцев просто не могла разобраться в сути происходящих политических споров и рассуждала так: «Коли запрещают [Мясникова], значит, правду хочет сказать». Можно было услышать и такое: «Мы за Мясникова, но без его тезисов». И смысл принятой резолюции был именно такой.

Заседание райкома партии проходило утром 22 марта. В середине дня Мясников узнал об освобождении его от занимаемой должности. Это известие подтолкнуло его к решительным действиям: не получив пока официального уведомления, он решил воспользоваться своим правом заместителя директора завода и назначил на 4 часа дня общезаводское собрание-митинг. Время было удобное: первая смена заканчивалась, вторая начиналась. Место

Лафетный цех Мотовилихинского завода

тоже подходящее — лафетный цех, тот самый, куда Гавриил Ильич был направлен слесарем.

Остановить это стихийное собрание не было никакой возможности. По заводу помчались гонцы, и после смены народ потянулся в лафетный цех. Сидеть, естественно, было негде, слушали стоя. Повестка дня была объявлена: о текущем моменте, о Всероссийском съезде металлистов и о детском питании. Такая повестка интересна многим рабочим; к тому же сообщалось, что Мясников тоже будет выступать.

Председателем собрания-митинга избран Мясников. По первому вопросу «докладчика не оказалось». Текущий момент попросили осветить Мясникова. Уговаривать не пришлось. Протокола не велось, но сохранилась подробная информация агента ГПУ, автор которой явно был настроен против Мясникова:

«Пространно обосновав международное положение, Мясников незаметно соскользнул на внутреннее положение, т. е. попал на свои рельсы и поехал по любимому пути». По рассказам участников, собрание это запомнилось на долгие годы. Мясников был возбужден и говорил необычайно вдохновенно. Громил забюрократившихся коммунистов, защищал рядовых рабочих-коммунистов, которые, по выражению Мясникова, «изъяты из употребления», и добавил: «Партия далеко ушла от беспартийной массы, которая совершенно на заднем плане». Сказал Мясников и о себе: «Я коммунист 15 лет и буду примернее тех, которые закомиссарились и совершенно ни за что выбросили меня из партии». Рассказал подробно о переписке с Лениным; по его словам, получалось, что он «дал Ленину прикурить!»

Слушавшие стояли не шелохнувшись, некоторые буквально с открытыми ртами. Удивительно, что среди присутствовавших были и те, кто совсем не сочувствовал докладчику и даже решительно осуждал его, но... и такие заслушались со всеми. Наконец член завкома Рудаков, как бы очнувшись, довольно резко остановил оратора:

— Ну хватит, все это мы много раз слышали...

Однако останавливать Мясникова оказалось опасно. Он тут же, без всякого перехода, обрушился на Рудакова и, картинно вытянув руку в его сторону, воскликнул:

— Вот он, агент губчека! — Но, видимо, вспомнил, что ЧК теперь называется ГПУ (Главное политическое управление), и продолжал: — Меня скоро упекут в «Политпуп», но я старый революционер, я ничего не боюсь...

Рудаков еще раз пытался остановить Мясникова, но, как сказано в информации, «это был глас вопиющего в пустыне». До-

кладчик говорил сколько хотел и в конце выступления, вернувшись к международному положению, закончил:

— Генуэзская конференция — это обман, в нее нельзя верить, она ничего не даст.

Раздались оглушительные аплодисменты, на Мясникова были устремлены восхищенные взоры, особенно молодых рабочих. Торжествующий докладчик наконец сел на невесть откуда взявшийся табурет.

Рудаков, а за ним работник райкома партии Козлов пытались объяснить рабочим, что Мясников все искажил, что речь его клеветническая, но ни Рудакову, ни Козлову, ни кому-либо другому, кто пытался возражать кумиру, просто не дали говорить.

Рабочего Дементьева, делегата Всероссийского съезда металлистов, пытавшегося поддержать Мясникова и в тон ему сказавшего несколько фраз о том, что им, беспартийным, на съезде не давали права голоса, и того попросту не слушали. Да и невозможно было после страстного монолога Ганьки слушать вялые, бесцветные речи. Вопрос о детском питании оказался не к месту, и на его обсуждение осталось всего несколько человек.

Рабочие расходились возбужденные и восхищенные. То тут, то там раздавались возгласы: «Ну и Ганька! Во дает!»

Большая часть рабочих совершенно безоглядно верила Мясникову и по первому его слову могла откликнуться на любой призыв.

Александр Лукич Борчанинов, председатель губернского отдела ГПУ и член президиума губкома партии, не стал сидеть сложа руки и взял на себя всю меру ответственности. (В то время руководство губернии в полном составе уехало на XI съезд партии.) Оставалось одно: изолировать Мясникова. Тем более что сам Мясников понимал противозаконность своих действий. Не случайно на последнем собрании несколько раз упоминал: «Меня скоро упрячут в ПУП», словно сам подсказывал, как поступить.

«Что же, так и сделаем, довольно разговоров по душам», — размышлял Александр Лукич, убеждая себя в правильности принятого решения.

24 марта 1922 года состоялось заседание президиума губкома партии. Присутствовали Седых, Горшков, Чернышов, а также были приглашены Румянцев, Клименко, Баландин и Окулов.

Иван Румянцев информировал о положении на Мотовилихинском заводе в последние дни и о поведении Мясникова: после отстранения от должности заместителя директора завода тот повел энергичную кампанию за перевыборы фабзавкома, поставив целью избрать беспартийный завком и этим противопоставить его

коммунистам. Мясников пытается организовать подпольную группу из членов партии и беспартийных. Проводит открытые собрания по своей собственной инициативе, без участия партийной, профсоюзной организаций и заводоуправления. Фактически осуществляет руководство на заводе, и это налагает на райком партии огромную ответственность, поскольку это государственный оружейный завод. Рабочие возбуждены Мясниковым настолько, что вполне возможно восстание.

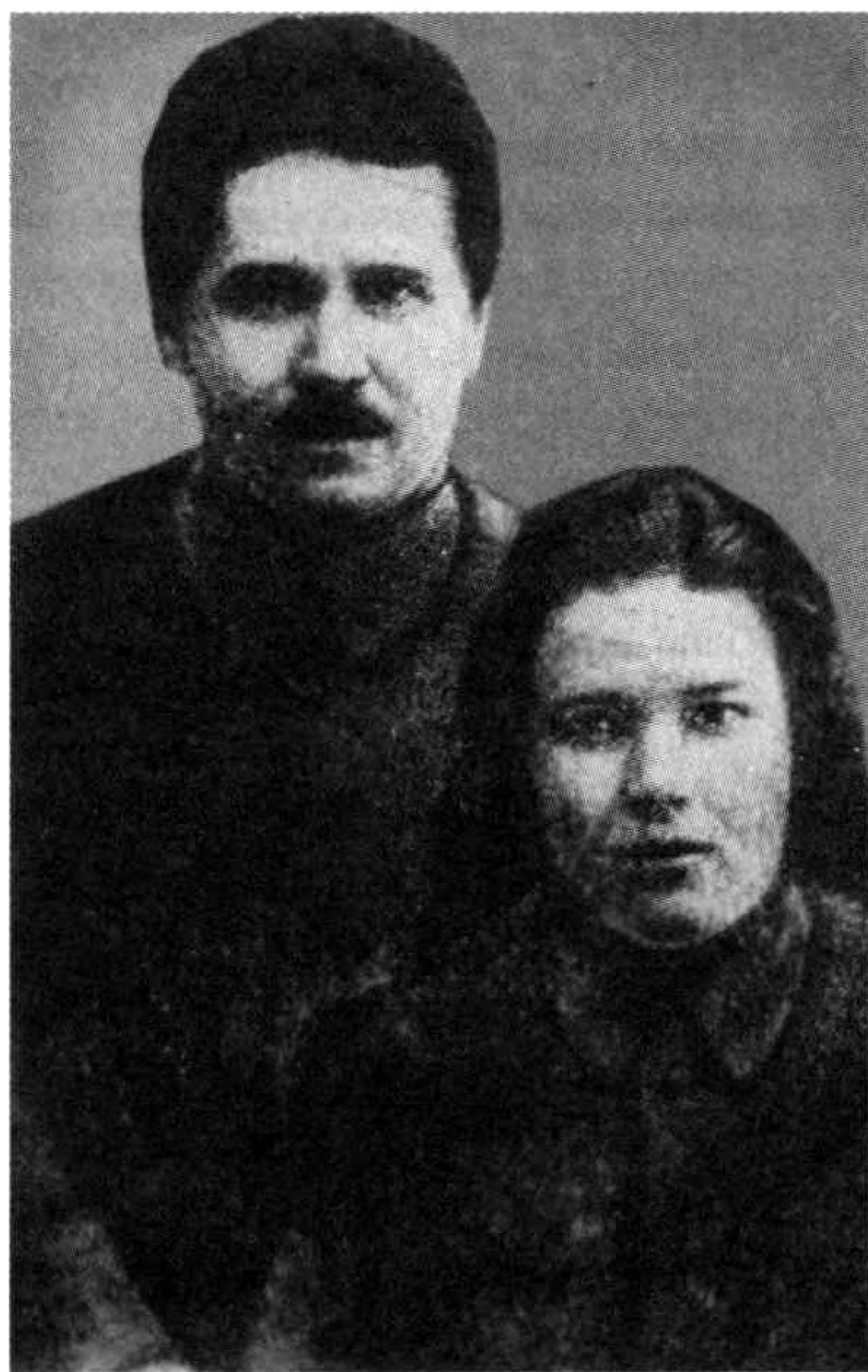
Всесторонне обсудив сообщение Румянцева, президиум губкома партии принял решение об изоляции Мясникова и его ближайших помощников, а также о немедленной смене командира Мотовилихинского ЧОНа. Было решено обратиться с воззванием к мотовилихинским рабочим и провести разъяснительную работу в губернской партийной организации.

Утром следующего дня Борчанинов, понимая исключительную важность принятого решения, собрал узкое заседание «пятерки» губкома. На нем еще раз, более точно, сформулировали вчерашнее решение: «О поведении т. Мясникова, который провел митинг с беспартийными массами против РКП и руководящих

органов Советской власти». Формулировка об изоляции Мясникова осталась без изменений. Постановление утвердили единогласно.

Сохранить в течение суток в тайне факт, известный, по крайней мере, десятерым, чрезвычайно трудно.

Источником распространения информации стала Иустинья Постаногова, вдова зарубленного колчаковцами мотовилихинского рабочего Александра Постаногова, одна из самых образованных женщин-активисток. Тина Постаногова работала заведующей женотделом горсекретариата РКП(б). Она, как и многие, сочувствовала Мясникову и негласно разделяла его идеи. Трудно сказать, от кого она узнала о предполагавшемся аресте Гавриила Ильича и его бли-

А. Л. Борчанинов
с женой И. Постаноговой

жайшего окружения. Вероятнее всего, от самого Борчанинова, который любил Тину, доверял ей и собирался на ней жениться. Их брак состоялся несколько месяцев спустя, и они уже не расставались до конца жизни Александра Лукича.

Но в этот момент Тина Постановова сыграла по отношению к своему будущему мужу неблагоприятную роль. Как только она узнала о надвигающихся арестах, тотчас же взяла извозчика и помчалась в Мотовилиху. Все мясниковцы были предупреждены — без телефонов, по давно действующей системе оповещения.

Из рассказа И. И. Станева, члена партии с 1905 года, одного из первых рабкоров Перми:

«Накануне ареста Мясникова я пришел к нему на квартиру вместе с Копысовым. Позже пришел Ваганов. Мы обсудили создавшееся положение. Говорили о возможности ареста Мясникова. Тут же была написана резолюция под заголовком «Заявление». В этой резолюции указывалось на создание независимой группы РКП(б), также указывалось, что ввиду гонения инакомыслящих такие-то члены выходят из состава РКП(б).

Черновик резолюции был у меня, он был переписан, но все же я хотел его сжечь, чтобы положить конец этому. К этому времени Ваганов ушел, и Мясников попросил Копысова отнести резолюцию Ваганову для ознакомления других. Что с ней было дальше, не знаю. После ареста Мясникова я отказался от поддержки его тезисов. Группировки никакой не было».

По воспоминаниям К. Д. Ваганова, идея создания отдельной самостоятельной группы РКП(б) возникла не у самого Мясникова, а у некоторых его сторонников. «Фамилии их не хочу называть», — сказал Ваганов.

Из воспоминаний М. П. Копысова (1924 г.):

«...Нас арестуют», — сообщила Постановова. Когда мы узнали об этом, то решили убрать подальше все документы, какие есть. У Мясникова спрятали оружие. Были у нас письма от Мясникова, когда он был в Москве, оттуда он нам давал руководящий материал. Я, Станев и Ваганов собрались у Мясникова и составили резолюцию с таким расчетом, чтобы проводить ее после нашего ареста на ячейковых собраниях. Созвать собрания, поставить вопрос об организации рабочей группы и вынести эту резолюцию. Поскольку мы знали, что будем арестованы с Мясниковым, эту резолюцию мы передали Станеву...»

Мясников, уверенный в аресте, усиленно, точнее, всеми силами стремился к тому, чтобы у его не очень грамотных сторонников были нужные резолюции, заявления, обращения... Он писал проекты резолюций о полном несогласии с его арестом, с требовани-

ем немедленного его освобождения и — как ультиматум — о выходе рабочих из партии: «Мы создаем Рабочую группу».

Мысль о создании Рабочей группы в пермских документах появилась в эти напряженные дни накануне ареста Мясникова, а осуществил он эту идею позже, уже будучи в Москве. Из своего ареста Мясников решил сделать много шума и приложил к этому большие старания.

Арестовывать Мясникова поехал начальник оперативного отдела ГПУ Михаил Овчинников. Он, как и многие, тайно сочувствовал мясниковцам. Это сочувствие выражалось в том, что, бывая на собраниях как агент ГПУ, с одобрением слушал Мясникова, случалось, забегал «на огонек» в ЧОН и как-то незаметно для себя подпал под влияние Гавриила Ильича.

А. Л. Борчанинов догадывался об этом и накануне ареста Мясникова пригласил Овчинникова в кабинет. После нескольких наводящих вопросов Александр Лукич убедился, что Овчинников — из числа «сочувствующих» Мясникову. Тогда, не жалея времени, он повел разъяснительную работу, а, кроме того, попросил побеседовать с ним А. А. Шпагина.

«После этих бесед, — писал впоследствии М. Овчинников, — я пошел арестовывать Мясникова. До этого я не знаю, пошел бы на арест или нет. Это был вопрос. Глубоко политических вопросов я тогда не понимал. Меня убедили под честное слово, что Мясников не прав, а права партия, и я взял это просто на веру».

Мясников же, узнав об аресте, решил, что по дороге из Мотовилихи в Пермь его могут «случайно израсходовать», и предпринял необходимые меры.

Была глубокая ночь, когда за ним приехал Овчинников с охранником. Мясников не захотел ехать на их пролетке, а вызвал из заводской конюшни упряжку с кучером и предложил ехать не Горками, а по дороге вдоль железнодорожного полотна. Доехали, вопреки ожиданиям, благополучно.

Поместили Мясникова на втором этаже ОГПУ, в довольно просторной комнате с заправленной кроватью, столом и умывальником — все как в гостинице средней руки.

Заключенный под стражу в ОГПУ, Мясников не сидел сложа руки. С утра 26 марта потребовал ручку, чернила и бумагу. Просьбу выполнили. Прежде всего составил текст телеграммы:

«Москва. Президиуму съезда РКП(б). Ленину. Копия Шляпникову, Белобородову.

Арестован, обвинения нет. Требую освобождения. Объявляю голодовку. Мясников».

Другую телеграмму адресовал только А. Г. Шляпникову:

«Высказавшиеся за одобрение 22-х члены райкома Копысов и Щукина, член партии Лядов арестованы. Примите меры их освобождения. Мясников».

Затем написал несколько писем своим сторонникам и жене. Всю корреспонденцию отправил через охранника, стоящего у его дверей. Сделал это просто: пообещал голодному постовому хлеба, сказав при этом:

— Посадили меня ненадолго, скоро освободят. Я с тобой рассчитаюсь.

И сделал в письме к жене приписку, чтобы она хорошо накормила подателя посланий.

Дарья Григорьевна Мясникова, не принимая прямого участия в политической жизни, преданно выполняла все поручения мужа.

В тот же день телеграммы были отправлены, письма доставлены адресатам. Вот письмо комсомольцам Перми:

«Товарищи спартаковцы. Я никак не могу успокоиться и все думаю, что вы не получили моих записок, не виделись с моей женой, а стало быть, не сделаете что надо. А надо сделать вот что: на общем собрании Мотовилихинской РКП, и общем собрании РКСМ, и равно во всех комсомольских организациях вынести резолюции протеста против ареста члена комитета Щукиной. А в районный комитет — запрос-заявление о том, что арест членов райкома РКП и членов партии указывает на то, что режим партии таков, что не дает ни одному члену партии гарантии в том, что он не будет арестован за инакомыслие и что этот режим уничтожает смысл существования партии. Потом следует заявление, написанное мной.

Жена вам укажет или даст заявление. Читать надо в виде внеочередного заявления, до того как приступят к обсуждению порядка дня. Для этого надо избрать своего председателя, смелого. Фамилию узнаете у жены. Как только избрали, пусть назначенный для прочтения товарищ попросит слово для внеочередного заявления и зачитает. После чего тотчас же собрание покидайте. Председатель к этому присоединится, о чем заявит.

Нужно все силы положить на выборы своего председателя. Надо демонстрацию делать внушительно. Заявление зачитает Сорвин или Башков, если он согласен. Действуйте решительно, быстро, смело. Меньше шатаний и вздохов сентиментальных. Молодежь! На передовую линию!

Заранее столкнитесь, придите на собрание пораньше. Поправки внесите от руки, передайте в губком отпечатанный [текст] целиком, чтобы не было известно и о времени составления документа.

Ну, так мы, сидящие здесь, на вас и только на вас надеемся. Щукина, Копысов и Лядов от меня изолированы. Они сидят в 3-м доме, а я в ПУПе. Ну, до свидания. С комприветом Г. Мясников!»

Обращение «спартаковцы» смутило комсомольцев. Одно дело слышать, как Мясников полушутливо называл их так в последнее время, совсем другое — обращение в письме. Мясников вложил особый смысл в это слово. Союз Спартака, революционная организация в Германии, объединившая левых социал-демократов в 1914—1918 годах, подготовила создание Коммунистической партии Германии. Намек — создание новой партии — комсомольцы поняли и всерьез испугались. С большой тревогой следили за происходящими событиями, но с письмом Мясникова выступить не решились.

Тем временем Мясников продолжал действовать. Он подготовил еще один документ.

«В Президиум губисполкома и губкома РКП(б):
политического заключенного Г. И. Мясникова

Заявление

Я арестован по постановлению совместного заседания Президиума губисполкома, Президиума губкома РКП(б), потому и обращаюсь в этот адрес.

Из объяснения с гражданином Болотовым выяснилось: 1). Что мне никаких обвинений не предъявляется. 2). Но, тем не менее, меня отсюда вышлют (очевидно, за то, что нет никаких обвинений).

Выяснилось потом, что я буду выслан за то, что оказываю вредное влияние на окружающую меня среду — это чрезвычайно тяжелая вина.

Так как я жить могу только в окружающей меня среде и не иначе, то естественно, что или среду уничтожить надо, или меня.

Так как ссылка избавляет от беспокойства только местные власти и будет беспокоить те власти, куда я попаду, они будут рассуждать так же, «по-марксистски», и валить все беды на Мясникова, и так же захотят избавить свою среду от вредоносного влияния, и меня, за неимением обвинения, вышлют. Я и превращусь в вечно-го этапного и нежеланного гостя.

Во избежание этого я требую немедленного предъявления обвинения мне или немедленного освобождения.

Если этого не будет сделано в понедельник, я объявляю голодовку.

Политический заключенный Г. Мясников.

26 марта 1922 г.»

На заявлении резолюция: «ГПУ обвинение предъявлено 27 марта 1922 г.».

А. Л. Борчанинов встречал Мясникова, когда его, арестованного, привезли в ГПУ. Мясников тут же набросился на Александра Лукича с кулаками. Больше они не встречались. Допрашивать Мясникова не было смысла. Вся его деятельность была известна. После получения заявления «от политического заключенного» Борчанинов составил обвинительное заключение, и Михаил Овчинников в сопровождении двух охранников, соблюдая весь положенный в этом случае протокол, пришел к Мясникову. Открыли дверь, Овчинников сделал два-три шага вперед. Охранники вошли следом. Попросил Мясникова встать и торжественно, от волнения громко, произнес:

— Гражданин Мясников, прошу заслушать протокол предъявленного вам обвинения:

«1922 года, марта 27 дня, я, уполномоченный секретного отдела Пермского губернского отдела ГПУ Овчинников Михаил, рассмотрел материал по обвинению гражданина Мясникова Гавриила Ильича в том, что, будучи исключенным из рядов РКП(б), он, имея намерения создать враждебное отношение к руководящим советским и партийным органам, организовал вокруг себя нелегальную группу, через которую, а также личной агитацией, настраивал как партийных, так и беспартийных рабочих Мотовилихинского завода враждебно по отношению к советской власти и ее законодательным актам, выставляя требования, аналогичные с политическими требованиями подпольных контрреволюционных группировок и организаций, чем и содействовал последним.

Постановил: предъявить ему в этом обвинение».

Весь протокол обвинения составлен одной фразой, и Михаил Овчинников прочитал его на одном дыхании, взмокнув от напряжения и ожидаемого эффекта.

Мясников слушал сосредоточенно, невольно проникнувшись ответственностью момента. Немного помолчал и, когда понял, что придраться не к чему, выругался, обозвал Овчинникова «молокососом» и «послал к черту». На предложение Овчинникова поставить подпись под протоколом обвинения категорически отказался.

Предъявленное обвинение было составлено по всей форме. Мясников не ожидал этого и мгновенно пришел в ярость. В сильнейшем возбуждении несколько раз ударил кулаком по столу, схватил и бросил об пол табурет, потом вскочил на подоконник и со всей силой затряс раму. Делал он это в состоянии сильнейшего аффекта, не контролируя своих действий.

На шум сбежались охранники, а стоявший под окном часовой, видя, как заключенный пытается сломать раму, не раздумывая

дважды выстрелил. Была ли у него конкретная инструкция «стрелять при попытке к бегству» — сказать невозможно. Но одна из пуль разбила стекло буквально в нескольких сантиметрах от Мясникова и только по счастливой случайности не попала в него. Все обошлось благополучно, однако даже малейшее ранение могло привести к непредсказуемым последствиям. Мясников же был твердо уверен, что «его хотели бежать». Вот как рассказывает об этом инциденте сам Мясников:

«ГПУ, получив от Сольца (секретаря ЦКК РКП(б) по прямому проводу указ не церемониться со мной, поняло его так, как нужно понимать. И если не удалось по дороге, то они решили довести дело до конца у себя. Очистив предварительно всю внутреннюю тюрьму ГПУ от всех заключенных, переведя их в губернскую тюрьму, они в дощатую стенку коридора (сколоченную из полудюймовых досок) пускают одну пулю за другой — три пули в мою камеру, как раз, где обычно я сидел, и в уровень головы.

Но что-то подняло меня с этого места, за секунду, и не больше, я переместился — и тут раздались выстрелы один за другим. Открыли камеру — и видят меня целым и невредимым. Растерялись и спрашивают: «Что случилось, товарищ Мясников?» Я отвечаю: «Ничего, все в порядке. Только одно плохо, что стрелять не умеете...»

Трудно сказать, какая из двух версий правдивее, но факт стрельбы по Мясникову, несомненно, был.

В ГПУ работало немало мотовилихинцев, и о выстрелах в Мясникова стало известно многим. Один из рабочих сказал жене Мясникова: «Ильича застрелили». Дарья Григорьевна готовилась родить третьего ребенка. Напуганная сообщением, она с трудом добралась до ГПУ, но ей не дали повидаться с мужем, сказав, что его отправили в Москву, хотя отправку еще только согласовали с Центром. Ушла Дарья Григорьевна в большом сомнении и подозрении.

Мясников же, успокоившись, сел за стол и написал еще одно письмо. Повторив часть первого письма «К спартаковцам» о том, что Центральный и губернский комитеты партии арестами и исключением из партии еще раз подтвердили правильность «Заявления 22-х», писал дальше:

«Если вы получите это очень поздно, то вставьте от руки, а для передачи в ЦК, в Коминтерн, губком надо отправлять без помарок.

В связи с арестом надо провести усиленную кампанию среди членов партии, указывая, что где же гарантии, что не арестуют любого из нас, кто посмеет указать на пакости Богом поставлен-

ного начальства. Дайте телеграмму: «Москва. Президиум съезда РКП(б). Шляпникову. За одобрение 22-х арестованы член райкома Мотовилихи Копысов и Щукина и комбат ЧОНа Лядов. Примите меры [к] их освобождению».

Сегодня вечером, если меня не освободят, я пищу не принимаю. Держат меня, как всех спекулянтов, контрреволюционеров, мошенников, воришек. На прогулку не пускают. Хлеба овсяного непросеянного дают полфунта и теплой воды для чая. Кипяченая она или нет — не знаю, едва ли. Вот из чего состоит мой стол. Ну, до свидания, дорогие.

Ваш Г. Мясников».

Про спекулянтов и мошенников — это сказано для красного словца. А вот кормить действительно было нечем. Охранник, и тот с голодухи пошел на должностное преступление, согласившись доставить письма арестованного его жене.

А. Л. Борчанинов связался по телеграфу с Москвой, получил «добро», и Мясникова отправили в столицу. Четыре охранника во главе с оперуполномоченным Шепелиным пришли к Мясникову и объявили об этом. Он ответил:

— Добровольно не поеду, живым не сдамся!

Мясников думал, что с ним хотят покончить «при попытке к бегству». Никакие уговоры не подействовали. Решили его связать. Завязалась борьба. Сильный Мясников подмял троих, однако возможности были неравны. С большим трудом опутали его веревками и доставили на вокзал Пермь II. Везли в отдельном купе, с тремя охранниками. Когда Мясников понял, что его не собираются прикончить по дороге, то дал слово вести себя спокойно. Его развязали и благополучно доставили в Москву.

Глава 10

Март—апрель 1922 года

Перелом

Протокол одного собрания. Самоубийство комсомольца. Восстановление порядка в Мотовилихе.

Молодежь значительно острее и болезненнее реагировала на арест Мясникова. В юном возрасте легко воспринимаются любые новации, и потому идеи Мясникова находили среди юношей и девушек большой отклик.

Ниспровержение кумира, разрушение идеала, обманутые надежды и просто досада на отсутствие проницательности и политической дальновидности — все это оказало отрицательное воздействие на мотовилихинских и пермских комсомольцев.

Идеи Мясникова успели пустить довольно глубокие корни в молодежной среде. Сам Мясников постоянно общался с комсомольцами в Мотовилихинском райкоме и Пермском губкоме комсомола, пользовался симпатиями комитетчиков. Обычно его встречали бурными приветствиями, шумными возгласами, заранее готовясь услышать от него веселую шутку или что-либо интересное. Как говорила С. Щукина, «он был маленьким божком у молодежи». Между тем, чередуя смешинки и анекдотики, Мясников вел серьезную работу, исподволь, по выражению тех лет, «гнул свою линию», пытаясь доходчиво разъяснять свои идеи, идущие вразрез с генеральной линией партии.

Серафима Щукина: «Я должна еще добавить, что Мясников для меня авторитет имел больше, чем кто-либо из других партийных работников... Я видела в Мясникове деятельного, активного коммуниста... Ганька Мясников всегда и всюду был, и доверие у меня к нему было».

Михаил Копысов: «Я считаю, что большинство молодежи было на стороне Мясникова, и даже в губкоме комсомола были его сторонники. При мне в защиту 22-х выступил почти целиком губернский комитет молодежи, за исключением Гильдиной и Грачевой».

После ареста Мясникова у членов Губернской контрольной комиссии РКП(б) нашлось время вникнуть в работу комсомола,

Комсомольцы Мотовилихи

и было установлено, что некоторые коммунисты, руководящие комсомольские работники, «подпали под влияние бывшего члена РКП(б) Мясникова, установили тесные контакты с последним и, находясь в рядах РКП(б), пытались создать особую группу под именем спартаковцев... Члены этой группы, объединившись вокруг Мясникова, вели пропаганду его тезисов среди беспартийных и членов РКП(б). Собирались они в частных квартирах, у Гиршковича, в Первом доме Советов».

В этом обвинительном установлении, однако, сгущены краски. Не ребята пытались создать группу, а Мясников, и к тому же дальше попытки дело не пошло. Тем не менее к партийной ответственности привлекли Павла Мошонкина, работника губкома комсомола, члена партии с 1920 года; Илью Гиршковича, заместителя редактора молодежной газеты, члена партии с 1920 года; и Петра Сорвина, секретаря Мотовилихинского райкома комсомола, члена партии с 1919 года.

Из беседы с Ильей Гиршковичем:

«Я встречался с Мясниковым несколько раз, я его несколько раз поддерживал, поэтому он меня считал своим сторонником. Мясников довольно часто приходил на комсомольские собрания, называл нас «спартаковцами», он как бы хотел подчеркнуть революционность молодежи... Сторонником Мясникова себя не считаю, но присоединяюсь к нему по вопросам рабочих советов, свободе печати и точку зрения 22-х я вполне разделяю...»

Губернская контрольная комиссия РКП(б) сочла ответы Ильи Гиршковича неискренними, и 29 апреля 1922 года его исключили из партии. Одновременно были исключены Петр Сорвин и Павел Мошонкин.

Для двадцатилетних ребят это было большим потрясением. Илья Гиршкович воспринял исключение из партии трагически. Как выяснилось позже, он вступил в комсомол вопреки запрету родителей, вынужден был даже порвать с ними отношения и болезненно этот разрыв переживал. В Пермь приехал по путевке комсомола в 1921 году. Имел среднее техническое образование. Подружился с Петром Сорвиным. Ему очень нравился этот решительный рабочий парень. Рядом с ним Илья выглядел слишком застенчивым, даже робким, он чаще бывал в компании губкомовских девчат. Его вежливость и внимательность к девушкам вызывали насмешки заводских, но Илья внешне никак не реагировал, хотя тяжело переживал обиды. Возможно, поэтому предпочитал общество девчат, которые берегли его, чувствуя его незащищенность.

Из рассказа Любы Грачевой, любимой девушки Ильи, члена губкома РКСМ:

«Весь день Илья был возбужден. Вечером мы долго гуляли с ним по железнодорожным путям в районе станции Пермь I. Я уговаривала его, успокаивала, а он твердил, что покончит собой. В конце концов, я замерзла, ушла от него и побежала в губком. Оттуда позвонила домой секретарю губкома партии Харитонову и сказала, что Гиршкович хочет застрелиться. Харитонов очень просил меня побыть около Гиршковича, постараться успокоить его... Поздно. Он застрелился в товарном вагоне, там, где я оставила его».

Дома у Ильи Гиршковича нашли заявление в Пермский губернский комитет РКП(б). Он писал:

«Сегодня днем вы подписали приговор моей гражданской смерти, а вечером я завершу дело — покончу с собой. Я не знаю, насколько вы поверите, но я все-таки считаю долгом написать пару строк... Дело вот в чем: даже если мои товарищи вас убедят в этом (по-видимому, в их невиновности.— Н. А.), то вы, приняв обратно Сорвина и Носкова как рабочих, меня не примете как мещанина. Вот почему я решил сделать логический вывод из вашего постановления... Не желая вредить партии, в рядах которой я пробыл более двух лет, поверьте, честно проработав в ней, я решил покончить с собой. Моя просьба к вам, дорогие товарищи, заключается вот в чем: когда мои товарищи представят материал невиновности

и меня, и Сорвина, и Носкова — реабилитируйте их. Поверьте, что они теперь тоже сознательно подчинятся постановлениям партсъезда и будут проводить их. Я думаю, партии нужны молодые силы, так не гоните их из партии.

Ну, пока, прощайте. Я умру с именем моей партии, с именем любимой мной девушки на устах. И. Гиршкович».

Кого может оставить равнодушным крик души честного человека? А тогда? Тогда часть партийных работников пыталась представить смерть Гиршковича как жертву мясниковщины. Анализ происходящего приводит к мысли, что только невнимательное, нечуткое отношение партийных работников к молодежи привело к трагедии. Исключили из партии ребят, не сумевших разобраться в идейном споре, но не сделали даже попытки разубедить их, побеседовать, доказать. Ничего сделано не было.

Сложившаяся обстановка легко сломала молодого человека.

На похороны Ильи Гиршковича пришла одна молодежь. Губком партии оставил комсомольцев в столь острой ситуации без всякой поддержки. Более того, случайно оказавшийся на похоронах С. Г. Дурасов, член партии с 1904 года, заведующий совпартшколой, подлил масла в огонь, сказав: «Мы, старая гвардия, не понимаем вас, молодежь...», и в таком духе долго и нудно назидал. Панихида превратилась в демонстрацию протеста — и против партийного руководства, и против коммунистов. По своей инициативе присутствующие на похоронах Конкордия Ольховская, заведующая историко-партийным отделом губкома партии, и ее муж Павел Черкасов, работник редакции газеты «Звезда», разделяли возмущение молодежи, но ограничились молчаливым сочувствием.

Резкие выступления ребят не остались без внимания. В мае губком партии рассмотрел вопрос о работе среди молодежи и принял решение «уделить самое серьезное внимание работе Союза молодежи, выделить для руководства работой сильных выдержанных товарищей». Выбор пал на М. П. Туркина и И. П. Румянцева. Но трагедия Ильи Гиршковича надолго оставила душевную травму у молодежи.

В тот же день весь завод знал об аресте Мясникова и его ближайших помощников. Опасаясь стихийных выступлений, в завод был введен отряд красноармейцев. Весть эта произвела ошеломляющее впечатление. Состоялось экстренное заседание райкома партии. Секретарь райкома И. И. Башков, видя, что дело принимает серьезный оборот, совсем растерялся. Инициативу взял на себя Иван Румянцев. Он предложил: во-первых, действовать со-

обща, в полном единении; во-вторых, немедленно созвать совещание всех секретарей цеховых партийных ячеек.

К концу дня совещание состоялось. Обсуждался вопрос о положении на заводе в связи с арестом Мясникова. Башков внес предложение о недопустимости каких-либо собраний в защиту Мясникова.

Более обстоятельно выступил И. П. Румянцев:

«Положение в Республике, как в центре, так и на местах, признано серьезным. Это видно хотя бы из речи Троцкого на заседании Моссовета. На Советскую республику надвигается большая опасность, контрреволюционеры организуются. Врангель и другие при поддержке мировой буржуазии заключают против нас договора. Впереди голод, в воздухе пахнет войной, нам нужно быть ко всему готовыми. Между нами не должно быть никаких раздоров, мы должны быть спаяны единой волей. На некоторых заводах Урала выявлены эсерово-меньшевистские организации. И в этот момент Мясников выступает на беспартийных собраниях и агитирует против партии! За это он и был арестован».

Сдержанная, гневная речь Румянцева произвела сильное впечатление. Слушали не шелохнувшись, внимательно, кто-то прошептал любимое мотовилихинское словечко «дошалелись» (в смысле доигрались). Даже ярый мясниковец Кликанов сидел молча. Собравшиеся единогласно (кроме Кликанова) одобрили постановление ЦК РКП(б) об исключении Мясникова из партии, о необходимости соблюдать полный порядок на заводе. В постановлении было записано также, что ответственность за последствия ляжет на секретарей партийных ячеек. Самым же решительным звучал последний пункт: «Колебаний никаких быть не может. Кто не согласен с этим постановлением, пусть не считает себя членом РКП(б) и сдаст партбилет».

Впервые за многие месяцы рабочие почувствовали бессмысленность сопротивления. Арестовали Мясникова, его ближайших помощников, активных рабочих. Все пойдет прахом. Они легко поддались на уговоры Румянцева, и в результате ни один партбилет не был выложен на стол.

Исключение составил секретарь партячейки лафетного цеха Кликанов. Он собрал коммунистов цеха — 12 человек — и уговорил принять резолюцию, написанную Мясниковым, с некоторыми вариациями: «Предлагаем освободить Мясникова к 12 часам, если только он не будет освобожден, то в конце смены будет цеховое собрание».

Кликанова вызвали в райком партии для беседы. Узнав, что в других цехах секретари партячеек его не поддержали, Кликанов пришел в райком, бросил на стол партбилет и, не дождавшись развязки событий, уехал из Мотовилихи. Через год вернулся, но в партию больше не вступал.

Последний бой состоялся на общезаводском партийном собрании в кинотеатре «Луч» 27 марта, в день открытия XI съезда РКП(б). Это собрание надолго запомнилось мотовилихинцам. Для его проведения мобилизовали лучшие силы райкома и губкома партии.

Подготовились к собранию и мясниковцы. У них была резолюция, написанная Мясниковым.

Кинотеатр «Луч» в Мотовилихе

Пришли 238 человек — по тем временам большой сбор, обычно собрания посещали 150—170 членов партий. Председателем собрания избрали М. В. Шумайлова, товарищем председателя — В. М. Сивилева, секретарем — И. И. Башкова.

Формально повестка дня собрания включила три вопроса: 1. Доклад о внешнем положении республики и задачах РКП(б). 2. Доклад с губернской партконференции. 3. Текущие дела.

Но все вопросы сводились к одному: задаче доказать несостоятельность взглядов Мясникова, антипартийность его поведения и методов воздействия на рабочих, объяснить причину ареста. Другая сторона рассчитывала защитить взгляды Мясникова и по всем вопросам занимала противоположную позицию.

Докладчик Михаил Чернышов, член партии с 1917 года, председатель Пермского горисполкома, вскрыл причины конфликтных ситуаций на заводе, четко разъяснил антипартийный характер «Заявления 22-х», дал оценку разрушительной деятельности Мясникова, его открытой агитации против советской власти. Объяснил собранию, что арест Мясникова мера вынужденная, необходимая для предупреждения возможных недоразумений на заводе. Остальные же арестованы временно и не сегодня-завтра будут освобождены.

Секретарь райкома партии И. И. Башков не успевал записывать за выступающими, поэтому в протоколе сделал обобщение:

«Одни — необходимо найти общий язык, одернуть, кто далеко зайдет. Губкому строго руководствоваться решениями X съезда партии.

Другие — старались вину свалить на Мотовилихинский райком, указывая на слабость его работы, говорили о вреде политики Мясникова и гнусной политике эсеров и меньшевиков».

Субъективность протокольной записи очевидна. Противоестественно, что секретаря райкома партии, который подвергся резкой критике, избрали секретарем собрания. Хорошо, что об этом собрании сохранились воспоминания его участников.

После прочтения обвинительных материалов по делу Мясникова, в том числе материалов общезаводского собрания-митинга, проведенного Мясниковым, была предложена резолюция, осуждающая Мясникова и его сторонников.

Тотчас К. Д. Ваганов предложил мясниковскую резолюцию, в которой, помимо пяти пунктов, направленных против губкома партии и «затыкания рта рабочему», появился новый, с четким антипартийным характером:

«Общее собрание отмечает также, что Мотовилихинская организация ставит губком в известность: дело дошло до того, что не исключена возможность выхода из организации наиболее развитой части членов с тем, чтобы организовать самостоятельную «Рабочую группу».

Так мясниковцы открыто высказались за создание «Рабочей группы», когда «глава нашей организации сидит в подвале...» До сих пор Мясников надеялся привлечь на свою сторону всю Мотовилихинскую организацию, а если удастся, и другие районы губернии, теперь же речь шла о группе, состоящей из «наиболее развитой части».

Этот последний пункт резолюции на многих присутствующих подействовал отрезвляюще.

Голоса разделились примерно поровну. В решении столь принципиального вопроса «примерно» не устраивало обе стороны. Начался спор. Неожиданно поступило интересное предложение: пусть те, кто «за» мясниковскую резолюцию, сядут на левую половину зала, а те, кто «против», пересядут направо, и тогда подсчет голосов будет точным.

Предложение принято. Пересели. Проголосовали снова. Результат: за резолюцию, предложенную Чернышовым, — 92 голоса, за ваганово-мясниковскую — 101 голос.

Заканчивать собрание принятием мясниковской резолюции было просто невозможно. Поступило предложение дать разъяснения и после этого еще раз проголосовать. Согласились. Один за другим выступили Борчанинов, Румянцев, снова Чернышов. По мере их выступлений на правую половину зала по одному, по двое пересаживались сторонники мясниковской резолюции. Это походило на детскую игру, но такое сравнение никому не приходило в голову. Собрание шло чрезвычайно напряженно, взволнованно, все прониклось пониманием важности момента, и никто не замечал некоторую комедийность ситуации.

В настроении собрания почувствовался перелом. Со всех сторон вносили дополнительные предложения в резолюцию Чернышова. Шел подлинно демократический, коллективный, творческий процесс. Формулировки выступавших записывали и секретарь, и председатель, и члены президиума. Из предложений, из отдельных фраз и выкриков наконец составили пять новых пунктов резолюции:

«1. Необходимо, чтобы губком доверял райкому на деле, как подобает доверять пролетарско-коммунистическому руководящему органу.

2. Незаслуженно не ронять авторитет райкома ради того, чтобы самому скрыть свою слабость.

3. Не смеяться над постигшими райком теми или иными бедами и не шельмовать его за эти беды, а помогать ему изживать таковые.

4. Разрешить райкому помогать вести идейную борьбу в рядах организации с инакомыслящими, воспитывать их, добиваться единства цели, единства свободы, единства мысли и пр. Одним словом, необходимо губкому печалиться печальями райкома и радоваться его радостям.

5. Прекратить нападки на Мотовилихинскую организацию и душа в душу, нога в ногу вместе с ней идти по трудному пути».

Наконец эти замечательные пункты были отредактированы и при полном внимании прочтены. Они произвели впечатление на многих. Ряды левой половины зала сильно поредели, на правой же половине и сесть было некуда. Проголосовали заново. За резолюцию Чернышова с дополнениями — 150 голосов, за ваганово-мясниковскую — 78.

С собрания уходили в приподнятом настроении, и это было главной победой. Чувствовалось, что еще чуть-чуть — и многие из 78, проголосовавших за антипартийную резолюцию, присоединились бы к большинству.

Арест Мясникова, его ближайших сторонников и состоявшееся без них столь благоприятно закончившееся общезаводское партийное собрание оказали положительное воздействие на обстановку в заводе. Серьезные выводы сделали и работники губкома партии.

На другой день после собрания были освобождены Копысов и Лядов. Щукину освободили еще раньше. Она болезненно перенесла этот арест. И это понятно — революционная законность была нарушена.

Из воспоминаний Симы Щукиной:

«Я сидела два-три дня, остальные дольше... После освобождения я поставила перед Туркиным вопрос прямо: если я, выступая на конференции, поддерживала Мясникова в том, что он прав, когда борется против бюрократизма, то это не говорит о том, что я сторонница Мясникова во всех отношениях. Дайте мне самой убедиться, что я заслуживаю, чтобы со мной поступили как с врагом рабочих и партии. Туркин мне тогда говорил: «Мы тебя в спешке арестовали, по ошибке, тебе эту боль надо пережить». Помню, он приводил слова Ленина о том, что лучше одного погубить, чем десять невинных пострадает (что-то в этом роде). Я эту фразу за-

помнила, и она как будто бы меня облегчила. Я была молодой девчонкой, и авторитет Ленина для меня был беспределен и глубок. И я подумала: правильно, чтобы прекратить действия мясниковщины, и меня нужно было арестовать... После этого меня сразу же выбрали в райком Мотовилихи членом бюро по работе среди женщин. Ко мне внимательно относился Румянцев. Но все это на мне глубоко отразилось, мне было только 19 лет...»

Итак, возмутитель спокойствия Мясников навсегда покинул Пермь. После почти года «лихорадки» партийная жизнь в Мотовилихе и Перми медленно нормализовалась. На общезаводских партсобраниях верные мясниковцы еще продолжали шуметь, но без поддержки Ганьки этот шум нередко переходил в шепот.

В конце апреля истек срок полномочий очередного состава Мотовилихинского райкома партии, и вместо слабовольного И. И. Башкова секретарем избрали И. П. Румянцева. Продолжал оставаться пропагандистом райкома А. В. Альбенский. Женработой была поручена Серафиме Щукиной, это лечило ее душу и благотворно влияло на беспартийных. Таким тактическим шагом как бы подчеркивалось: кто старое помянет... И вообще, давайте работать вместе.

В апреле 1922 года в Мотовилихинской организации числилось 475 членов партии, но партийную перепись прошли 370 человек, остальные считались «в командировках» и «больными». На самом же деле это были «мертвые души», выбывшие из партии по разным причинам.

Одним из важных моментов в жизни парторганизации было то, что прекратили бросать на стол партбилеты и выдвигать ультиматумы с угрозой выйти из партии. Это явление процветало в течение всего года. Чаще всего райком партии вызывал такого «бросателя», долго беседовал с ним по душам, уговаривал. Считалось победой, если удавалось уговорить взять партийный билет обратно. Такая позиция укрепляла у членов партии мысль: «Стоит надавить на «верхи», и можно добиться чего хочешь». Этим модным приемом увлекались не только отсталые члены партии, но и коммунисты с подпольным стажем, вплоть до директора завода И. И. Карякина, которого тоже «уговорили» и, довольные его согласием, с радостью вернули партбилет.

И. П. Румянцев и в этом вопросе занял непримиримую позицию. Так, 12 апреля на общезаводском собрании Н. Д. Ваганов был рассержен принятой резолюцией и заявил о своем выходе из партии, а на другой день принес в райком письменное заяв-

ление. Бюро райкома рассмотрело заявление Ваганова и, вопреки его ожиданию, не стало его уговаривать, а приняло постановление:

«Рассмотрев заявление Ваганова о выходе его из партии и принимая во внимание [то], что он и раньше делал такие заявления о несогласии, по его словам, с тактикой, Уставом и режимом РКП, считать Ваганова из партии выбывшим».

Добровольный или, лучше сказать, демонстративный выход из партии полностью прекратился.

В этот период «выздоровления» в руки И. П. Румянцева попал интересный документ неизвестного автора. Поработав над ним и придав ему остросатирический, шаржированный вид, Румянцев и Альбенский сделали его содержание достоянием всех членов Мотовилихинской парторганизации.

Вот этот документ-листовка:

«К поднятию партдисциплины.

10 заповедей, как «убить» свою организацию.

Чтобы «убить» свою организацию, проделывайте следующее:

1. Не посещайте общих собраний.
2. Если и посетите, то непременно с большим опозданием.
3. Если погода вам не улыбается — не приходите вовсе.
4. Если вы, наконец, и удостоите собрание своим присутствием, намыльте шею президиуму за якобы неправильное ведение собрания.
5. Никогда не соглашайтесь на свое избрание в президиум, так легче критиковать, нежели что-либо полезное сделать.
6. Тем не менее затаите обиду, если вас никуда не выберут, а если и выберут в одну из комиссий, то не посещайте заседаний последней.
7. Если вас попросят высказать свое мнение по вопросу, отвечайте: «Вопрос ясен и сказать нечего», но после собрания укоряйте всех, что дело решено неправильно.
8. Делайте не больше, чем это нужно для удержания партийного билета. И когда другие засучив рукава употребляют все усилия для поддержания организации, возмущайтесь и говорите, что последняя управляется группой «назначенцев».
9. Затягивайте уплату членских взносов или вовсе не платите.
10. Не заботьтесь о вовлечении новых членов. Это дело «назначенцев».

Если партком за соблюдение членами организации всех этих правил исключит их из партии, возмущайтесь и заявляйте: исключение их равносильно исключению нашему.

Кто хочет укреплять организацию — делайте противоположное.

Мотовилихинский РК РКП(б)».

Копия этой листовки, направленная в губком партии, была снабжена сопроводительным письмом:

«Это изобретение не наше. Мы его нашли, переработали и в конце апреля, во время самой склоки, разослали каждому члену нашей организации. Результат был поразительным.

Неисправимые склочники тут же бросили билеты, а честные, не колеблющиеся, говорили мне: им стало стыдно, но, говорят, все это правда. Часть ответственных работников пообиделась, но, в общем, был замечен психологический перелом.

И. Румянцев».

8 июля 1922 года губком заслушал отчет Мотовилихинского райкома партии о состоянии районной парторганизации и завода. Докладывал И. П. Румянцев. Он рассказал, что в первые месяцы года, до XI съезда партии, никакой работы не велось, занимались только вопросами, связанными с Мясниковым. В настоящее время, сказал Иван Румянцев, райком добился переломного настроения в сторону выздоровления организации.

В постановлении губкома по этому вопросу записано:

«Перелом в организации налицо, она на пути к выздоровлению... Также укрепляется работа среди молодежи, изживается антагонизм между Мотовилихой и городом, бывший очень острым. Политическое состояние и настроение завода соответственно жизни парторганизации».

В конце 1922 года на очередной губернской партконференции Иван Петрович Румянцев избран секретарем губкома, но и в новой должности не забывал Мотовилиху.

Многие сторонники Г. И. Мясникова снова были приняты в партию. М. П. Копысов и И. И. Странев, первые его помощники, некоторое время жили за пределами губернии, потом вновь работали в Мотовилихе.

В 1937 году почти все сторонники Мясникова и его противники, в том числе И. П. Румянцев, были репрессированы и после XX съезда КПСС восстановлены в партии посмертно.

А как жила в последующие годы Мотовилиха?

«Мясниковский кошмар» никогда не повторился. Центральный Комитет партии постоянно держал в поле зрения Мотовилихинскую партийную организацию. В 1926—1927 годах, во время обострения политических событий в партии и борьбы с новой оппозицией, ЦК ВКП(б) направил в Мотовилиху стойкого большевика-ленинца Розалию Самойловну Землячку. В одном из

писем-информации в Пермский окружной комитет партии она писала:

«В Мотовилихе шевеления бывших мясниковцев не наблюдается... Выступили два бывших мясниковца с вполне выдержанными речами, призывали к единству, ссылаясь на тяжелый урок с мясниковщиной... До нас дошли слухи о том, что Мясников рассчитывает на Мотовилиху. Думаем, что в расчетах своих ошибается».

В июне 1926 года ЦК ВКП(б) заслушал отчет о работе Мотовилихинской партийной организации и отметил ее здоровое состояние.

Так мотовилихинцы вернули себе доброе имя «красы и гордости Урала».

Эпилог

1922—1945 годы

Жизнь Мясникова условно можно разделить на два периода: мотовилихинско-пермский, с 1905 по 1922 год, всего 17 лет, из них 7 лет активной деятельности и 10 лет репрессивных (при самодержавии); и не пермский, с 1922 по 1945 год, всего 23 года, из них 1 год активной деятельности в Москве и 22 года репрессивных (при советской власти).

Таким образом, из 40 лет сознательной жизни он всего 8 лет находился на свободе и 32 года сидел в тюрьмах, был в ссылке, на каторге, в бегах, вынужденной эмиграции; голодал в виде протеста в общей сложности 110 дней.

Прямо скажем, есть от чего сойти с ума. Но Ганька не свихнулся, хотя некий фанатизм, донкихотство и маниакальное упорство в достижении поставленной им цели в его действиях и жизни, несомненно, присутствовали.

В начале апреля 1922 года работники ОГПУ привезли Мясникова из Перми в Москву. Из воспоминаний М. П. Копысова:

«...В Москве Мясников проголодал 11 дней и на 12-й под поручительство Белобородова был выпущен. В это время он жил в номерах Второго Дома Советов, я заходил к нему неоднократно и в это время наблюдал за ним. Можно было видеть, что к нему часто обращались за составлением резолюций...»

Гавриил Ильич прожил в Москве с апреля 1922 года до мая 1923 года. Некоторое время он приходил в себя после ареста и голодовки, а затем вновь бросился в бурную политическую жизнь. Теперь планы Мясникова изменились. В Мотовилихе он пытался увлечь своими идеями всю партийную организацию и на примере одного завода показать действенность своих тезисов и убеждений. Об этом он писал Ленину.

В Москве Мясников создал свою нелегальную партию РКПС — Рабочую коммунистическую партию Союза (чаще ее называли РГ, Рабочая группа). Кроме Мясникова, в руководящее ядро группы входили Н. Кузнецов, А. Медведев. В ее составе насчитывалось около 200 человек. Попытки привлечь к участию в партии членов рабочей оппозиции оказались тщетными.

Опираясь на свои предыдущие работы, Мясников разработал «Манифест», довольно объемный документ на 70 машинописных страницах, с введением, 13 главами и заключением. «Манифест» обосновывал неизбежное образование Рабочей группы с учетом программы и Устава РКП(б) «для решительного давления на господствующую группу в РКП(б)».

Мясников по-прежнему абсолютно идеализировал пролетариат, придавал избыточное значение рабочему классу и, создав в голове некую модель партии, соответствующую его идеалу, вступил в глубокое противоречие с реальностью. «Историческая миссия пролетариата, — утверждал он, — состоит в том, чтобы спасти человечество от варварства, в которое ввергает его капитализм», и звал «все честные элементы» объединиться под свое знамя на основах Манифеста Рабочей группы РК(б)».

Любопытна цитата из «Манифеста»:

«Коммунисты идут в Парламент не для положительной законодательной работы, а для агитации и пропаганды, для взрыва этого Парламента...»

Практическое осуществление своих идей Мясников начал с организации подготовки к всеобщей политической забастовке в стране. 9 января 1923 года прошла первая демонстрация в Нижнем Новгороде. Демонстранты несли портреты Ленина и требовали увеличения заработной платы.

В конце мая Мясникова арестовали. Вскоре после ареста появилось воззвание «К пролетарской части РКП(б)», призывающее «добиваться проведения в жизнь принципов пролетарской демократии». Автор воззвания — Г. И. Мясников. Это несложно установить по стилю изложения, по включению в текст целых абзацев из его прошлых документов и конкретных фактов из биографии, правда, изложенных в третьем лице, что тоже характерно для него в последующие годы:

«Недавно, 24 мая, был арестован Мясников. Никого столь не клеветали и ни на кого столь не плевали, как на т. Мясникова. В 1921 году т. Мясников пытался поднять голос в защиту рабочего класса, так на него обрушились градом репрессий — исключили из партии, затем посадили в ГПУ... Ходят слухи — высылают за границу, но что-то не верится. Уж не пошлют ли за границу его паспорт, а труп его в ночной тиши не зароят ли где-нибудь во дворе в одной из тюрем...» *.

* Мотовилихинцы хорошо помнили широко известный факт расстрела в камере четырех революционеров (1907 г.) и захоронения их в свинарнике тюрьмы. В 1918 году останки казненных были извлечены и похоронены в братской могиле на Вышке. Мясников был свидетелем и расправы в 1907 году, и захоронения в 1918 году. Отсюда последняя фраза в приведенной цитате.

Опасения Мясникова оказались напрасными. Его действительно направили в Германию в качестве сотрудника советского постпредства. Почему? Можно предположить: время открытых репрессий к таким известным людям, как Мясников, еще не пришло; кроме того, он был под защитой руководителей рабочей оппозиции. Мясникова надо было отправить подальше от Москвы, чтобы расправиться с его Рабочей группой.

В следственном деле Мясникова (1945 г.) хранится рапорт * начальника секретного отдела ГПУ Дерибаса от 15 июня 1923 года, где описаны детали отправки Мясникова в Германию:

«В 8 часов 30 минут 15 июня Мясникова посадили в аэроплан марки RR-8 на Ходынском аэродроме. Кроме пилота и механика летели три пассажира. Мясников продолжал не доверять и демонстративно подчеркивал, что «не он летит, а его летят», и категорически отказывался садиться в аэроплан, пока ему лично не вручат загранпаспорт, который находился у дипкурьера. Паспорт отдали, и аэроплан благополучно поднялся в воздух, взяв курс на Кенигсберг. С Мясникова взяли расписку за врученные ему 100 долларов, 1064 рубля за оформление паспорта и 5 долларов для немецкого врача.

В Германии, по сообщению ГПУ, Мясников был встречен ликованием всей «белой печати», а он все никак не мог поверить в уже свершившийся факт. Мясников поселился в Берлине, работы у него, по придуманной для него должности «сотрудник советского постпредства», никакой не было, и он занялся своими делами: переиздал «Манифест»; опубликовал статью в «Социалистическом вестнике» № 19 за 18 октября 1923 года. В ней он рассказывал о своей партии: «В лице Рабочей группы мы имеем честные элементы, которые находят в себе мужество поднять знамя критики».

Мясникову хотелось вернуться в Россию. В Москве у него остались жена и три малолетних сына. В письме Н. Н. Кузнецову 21 сентября 1923 года он пишет:

«Выручить меня можно или путем вынесения резолюций на заводах, или путем избрания меня в Совет. Я написал письмо Белобородову, где просил его применить ко мне амнистию... амнистируют всякую сволочь — белогвардейцев, а меня — нет».

В этом же письме он дает руководящие указания о необходимости принять участие в выборах в Советы и, если не удастся выступать открыто, вести нелегальную агитацию за свои списки. Мясников сообщал Кузнецову, что весь в долгах, задолжал 100 дол-

* Рапорт опубликован в кн.: Минувшее: Исторический альманах.— М.; СПб, 1995. С. 159.

ларов за издание 5000 экземпляров «Манифеста» на русском языке и теперь имеет различные возможности пересылать в Россию по одному-два экземпляра.

Сохранилось и опубликовано письмо Мясникова к жене Дарье Григорьевне Мясниковой с теми же просьбами, что и в письме к Кузнецову. Письмо наполнено тоской и по политической работе в России, и по семье: «Так ты, Даничек, постарайся выручить меня. Мне уж очень не хочется здесь быть... Юрочка, скажи мамочке, пусть она меня пустит в Россию, к вам, проси. Братишкам, моим сынишкам, я привезу игрушки. Ну, так вот, целую вас всех, а вы поцелуйте друг друга. Остаюсь скучающим по всем моим ребятам. Ваш все тот же Г. Мясников».

Трудно представить сурового, бескомпромиссного политика нежным семьянином, но письмо — свидетельство тому.

Из автобиографии Мясникова:

«В 1923 году широкая волна стачек. За год бастует не меньше 400—500 тысяч рабочих. Самые крупные стачки — в Москве, Иваново-Вознесенске, Сормово, Донбассе и на Урале — проходят под влиянием этой группы» (т. е. его «Группы», но это явное преувеличение. — Н. А.).

Пока Мясников тосковал в Германии, многих членов его Рабочей группы арестовали, но, подержав некоторое время (до нескольких месяцев) в тюрьме, выпустили. Впрочем, в 1937 году все они были репрессированы.

Теперь ГПУ пошло навстречу стремящемуся в Россию Мясникову. Ему разрешили вернуться, повидаться с семьей, а в конце сентября или начале октября 1923 года арестовали.

Из воспоминаний чекиста Михаила Шрейдера *:

«...Вспоминаю случай, когда мне было поручено арестовать бывшего члена партии, одного из руководителей рабочей оппозиции, предателя Мясникова... После полного и подробного инструктажа Феликс Эдмундович и Вячеслав Рудольфович ** пожелали нам успеха...

На наш звонок дверь открыла женщина, оказавшаяся женой Мясникова. На вопрос: «Где сам Мясников?» — она, глядя на нас с неприязнью, процедила: «В столовой», — кивнув на соседнюю дверь. Оставив у входа в квартиру бойца, мы с Сыроежкиным и вторым красноармейцем направились в столовую.

Мясников сидел за столом и пил чай. Это был плотный мужчина лет сорока. Увидев нас, он грубо спросил: «Что вам тут надо?»

* См.: *Беленкин Б. Ганька* // Журнал «Огонек». — 1990. — № 21.

** Феликс Эдмундович Дзержинский и Вячеслав Рудольфович Менжинский.

Я выступил вперед, подошел к нему и предъявил ордер на арест и обыск. Но не успел я опомниться, как Мясников, откинувшись на спинку стула, изо всех сил ударил меня сапогом в пах, и я тут же потерял сознание.

Когда я очнулся, то увидел находившегося возле меня фельдшера внутренней тюрьмы и заместителя начальника санчасти ГПУ Зеленского. В квартире уже находились Дзержинский, начальник Оперода Паукер, помощник начальника секретного отдела Сульта и еще два или три человека, фамилии которых не помню. Кажется, был еще А. Беленький. Оказалось, когда я потерял сознание, Сыроежкин вместе с красноармейцем схватили Мясникова, оказавшего бешеное сопротивление, и связали ему руки.

Феликс Эдмундович предложил Мясникову следовать за конвоем, но тот не подчинился и начал грубить и оскорблять Дзержинского...

Дзержинский приказал сделать из одеял носилки и вынести Мясникова насильно, что тут же было выполнено, и Мясникова водворили в стоящую у подъезда машину. Мы с Сыроежкиным остались в квартире, в засаде.

Утром раздался звонок, и в квартиру вошли двое в штатском. Увидев нас, они растерялись, но отступить было некуда. При проверке документов оказалось, что это были известные оппозиционеры Шляпников и Сапронов. Оба они тогда еще были членами ВЦИК'а. Мы доложили по телефону нашему начальству об их приходе, и нам было предложено их отпустить...»

С этого времени, т. е. с октября 1923 года, до конца жизни Мясников находился в тюрьмах, ссылке и вынужденной эмиграции. Сначала сидел в Вятской (Орловской) тюрьме, затем его перевели в Томскую, а весной 1927 года отправили в ссылку в город Эривань (Ереван), откуда он сбежал через полтора года в Персию (Иран).

Из автобиографии Мясникова:

«...7 ноября 1928 года, вышедши на демонстрацию, домой не вернулся, а где-то по дороге сбрил усы, волосы, одел другой костюм и с портфелем, туго набитым рукописями, сел на извозчика и поехал на вокзал, а там купил билет до г. Джульфа...»

Спрыгнув на ходу с поезда, Мясников добежал до реки, являющейся государственной границей, и под покровом ночи и при ненастной погоде переплыл ледяную реку с портфелем на голове.

Так началась жизнь в эмиграции, полная лишений и невзгод. Агенты ГПУ не упускали Мясникова из виду. Их коварство было изощренным. Стоило Мясникову где-либо появиться, как в газетах сообщалось «о прибытии известного цареубийцы». Делалось

это для того, чтобы, с одной стороны, испугать полицию — якобы шаху персидскому грозит опасность, а с другой стороны, — натравить на Мясникова белогвардейцев для расправы над ним.

В Турции Мясникова приговорили к 4 годам тюрьмы, но он сбежал.

В немецком консульстве его обвиняли как английского шпиона, в английском — как немецкого, и везде отказывали в визе.

Агенты ГПУ пытались вернуть Мясникова в Россию и повсюду преследовали его, охотясь за портфелем с новыми рукописями, написанными в эмиграции. В указанной выше статье «Ганька», опубликованной в журнале «Огонек», Б. Беленкин сообщает об издании в 1931 году Мясниковым брошюры «Очередной обман» и приводит цитату из нее, которая в наше время звучит весьма современно:

«Господство бюрократизма наиболее полно обеспечивается при однопартийной форме управления, когда существует только одна партия — партия бюрократии. Поэтому бюрократия употребит все силы, чтобы не допустить возникновения других легальных партий... и всякую критику линии ее партия бюрократии будет изображать как контрреволюцию, меньшевизм, пугая всех и вся адом кромешным и муками за всякое инакомыслие, ересь, неверие. А если не поможет и это, тогда на помощь придет ГПУ и будет внушать пролетариям, крестьянам и интеллигенции правильность аргументации ЦК ВКП(б) уже по-своему».

Как видим, Мясников по-прежнему исступленно нападает на ЦК ВКП(б), хотя есть и нечто новое — его отношение к интеллигенции изменилось в положительную сторону. Потом Мясников переезжает во Францию, в Париж, и здесь у него ГПУ выкрало, наконец, портфель с драгоценными для него рукописями. Гавриил Ильич тяжело переживал эту кражу.

С 1929 по 1936 год Мясников неоднократно обращался к Советскому правительству с просьбой разрешить ему вернуться в СССР.

Из рассказа В. Ф. Сивкова:

«В 1930 или 1931 году, будучи в Москве, я заходил к Е. М. Ярославскому, и он рассказал, что получил письмо от Мясникова с просьбой похлопотать о возможности возвращения в Россию. Но при этом просил совсем не униженно, напротив, ставил условия: свободного проживания, свободного выбора работы и политической независимости. Письмо было оставлено без ответа».

Мясников плохо представлял, а лучше сказать — совсем не представлял политическую обстановку в Советском Союзе, если считал возможным просить о политической независимости.

Сторонники Мясникова в Москве на протяжении нескольких лет продолжали действовать подпольно, пока их всех не репрессировали.

В 1930 году была подготовлена рукопись Г. Писманника «О Рабочей группе (мясниковщина)» для журнала «Пролетарская революция». Рукопись публиковалась *. Написана она в махровом верноподданическом духе: «Мясниковщина — это контрреволюционное течение... в теоретических положениях «Рабочей группы» проявились различного рода мелкобуржуазные идеи, богатство оттенков антибольшевизма... мясниковщина была разбита Лениным...» и т. п.

Однако есть в этой публикации и ценные факты, например о том, что в 1928 году «мясниковцы разработали устав своей партии и опубликовали его в бюллетене № 6 «Рабочий путь к власти», органе мясниковцев. В качестве примера приведен параграф 21 Устава: «Всякое меньшинство имеет право организованной критики путем образования групп и фракций на определенной платформе и организации идейной борьбы за большинство партии путем письменной и устной агитации на общепартийные средства».

Одним словом, Г. Писманник разбил Мясникова по всем пунктам, в том числе и в таких вопросах, как «Теория гражданского мира». Автор утверждал, что теория Мясникова смыкается с теорией гражданского мира Бухарина и ничего общего не имеет с ленинизмом, а сам Мясников сомкнулся с Троцким («оба сидят в Турции и брызжут антисоветской слюной на СССР»). Писманник доказывает, что Мясников, как и Троцкий, «недооценивал внешней опасности для СССР, считая главной опасность внутри от ВКП(б)».

Были и в Перми попытки описать мясниковщину. В документах Пермского горкома партии за 1931 год хранится коллективное заявление научных работников педагогического института «Об идеологических ошибках и их ликвидации». И. Н. Вяльбе представил на обсуждение свои тезисы об изучении мясниковщины. Сами тезисы не обнаружены, но есть записи, из которых можно установить, что в работе Вяльбе указаны четыре главные причины, породившие это явление:

1. Экономические трудности.
2. Политическая неграмотность рабочих.
3. Великолепные демагогические способности Мясникова.
4. Отсутствие достаточной пропаганды, отражающей ленинские позиции.

* Журнал «Пролетарская революция». 1931. № 6 (113).

Однако Вяльбе, по мнению партийного руководства, недостаточно осудил Мясникова (он пытался быть хоть сколько-нибудь справедливым) и понес суровое наказание, поскольку «лил воду на мельницу контрреволюции... проявил политическую близорукость и безответственность», за что был исключен из партии.

В начале 1930-х годов Мясников в Париже пытается вернуться к активной политической деятельности. Он пишет статьи, хочет учредить свою газету «Окопная правда» и даже создать свой «Рабочий коммунистический интернационал». Все безуспешно. Не было поддержки, единомышленников и не было средств не только на политику, но и на кусок хлеба. Пришлось на жизнь зарабатывать простым рабочим.

В 1935 году Мясников пишет обширные воспоминания «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова». В 1995 году, через 60 лет после написания, рукопись появилась в печати и пролила свет на многие темные пятна биографии Мясникова, интересовавшие историков долгие десятилетия.

Авторы предисловия к рукописи Б. Н. Беленкин и В. К. Виноградов провели глубокий анализ «исповеди» Мясникова, дав свою версию появления этой работы. Они справедливо утверждают, что в условиях сложнейшей политической ситуации (1935 г.) и тяжелых жизненных невзгод Мясников, будучи ярким оппозиционером ЦК ВКП(б), во все времена оставался патриотом своей Родины и свято верил в идеи коммунизма, избрав для осуществления этой идеи свой путь. Когда же он увидел, что тучи сгущаются над СССР, он перестал критиковать советскую власть и ЦК ВКП(б). Более того, он решил вернуться в СССР и с этой целью написал и направил Сталину свою «Философию убийства...», надеясь на прощение. Сталин лично занимался Мясниковым в 1920-е годы, знал его, и, понятно, никакого ответа не последовало.

Авторы предисловия к сочинению Мясникова упрекают его, что все, чем он «может похвалиться, это лишь убийство Великого князя». Понимать же эти слова надо так. Г. И. Мясников считал: политическое убийство Михаила Романова — единственное из его деяний во имя советской власти. Беря на себя это гнусное дело, он избавлял власть от международных осложнений. Именно на это рассчитывал Гавриил Ильич, прося разрешения вернуться в Россию. Так нет же, не простили. Авторы предисловия низвели обширную общественно-политическую деятельность Мясникова до одного-единственного, хотя и исторического, но занявшего ничтожную долю в его биографии, события.

Мясников запомнился многими своими политическими действиями. Было бы достаточно одного того, что он, мотовилихин-

ский рабочий, поднялся до жесткой полемики с Лениным, отстаивая идею свободы слова и печати. Ленин вынужден был высказаться по этому поводу в личном письме Мясникову, не желая, чтобы его доводы стали достоянием общества (вспомним, что письмо Ленина Мясникову было опубликовано десятилетия спустя, в 1979 году).

Более того, в конце XX века именитые историки, доктора и кандидаты наук, полемизировали с Мясниковым, рабочим-самоучкой, в частности, по вопросам гражданского мира. Это ли не признание живучести идей Мясникова?

Сохранилось еще одно свидетельство о жизни Мясникова в Париже.

Из дневника В. В. Сухомлина * :

«22 октября 1940 года. Новая неожиданная встреча. Бакалов сказал мне, что со мной хочет познакомиться один «старый большевик», который работает где-то с болгарскими эмигрантами. В кафе пришел коренастый, плечистый мужчина лет за пятьдесят. Густые, торчащие усы. Держится развязно. Голос громкий, манеры заправского митингового оратора. Родом из Мотовилихи. Кто же он? Оказывается, не более не менее как Мясников, бывший лидер рабочей оппозиции. Как и когда он попал в Париж, не знаю. Никогда не слыхал здесь о нем. Не помню также, почему он захотел меня видеть. Для того, чтобы убедить меня, что рабочая оппозиция была права двадцать лет назад? Спрашивал меня, что я думаю о войне. Я сказал ему свои соображения, что, мол, рано или поздно советско-германская война неизбежна. Он выслушал, но своего мнения не сказал».

В канун войны Мясников пришел к советскому генконсулу Л. Тарасову, рассказал ему о себе и просил передать в Москву толстую папку с воспоминаниями. По словам Тарасова, эта папка уничтожена со всей дипломатической почтой 22 июня 1941 года. О судьбе Мясникова в годы войны совсем мало сведений. Известно лишь, что он побывал в немецком и французском концлагерях, жил под чужим именем, на жизнь зарабатывал своими руками.

В самом конце войны Сталин вспомнил о Мясникове и распорядился «выманить» его в Россию. Гавриил Ильич не мог не чувствовать, что для него расставлена ловушка, что он идет на смерть, но тоска по Родине затмила здравый смысл. Переписка с женой прекратилась в 1937 году, он не переставая думал о сыновьях, еще

* С у х о м л и н В. В. — русский эмигрант, журналист. Отойдя от белой эмиграции, вел пропаганду в пользу Советской России. Вернулся в Советский Союз после 1946 года и вскоре умер (Новый мир. 1965. № 11. С. 147).

не зная, что все трое погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Очертя голову Мясников бросился в объятия НКВД. Согласился на выезд в Россию и прямо на аэродроме был арестован.

Следствие шло около 9 месяцев. Из ответов на допросе мы узнаем, что Мясников не поменял своих взглядов и намеревался создать новую партию: «Полагаю, мне будет предоставлена такая возможность». Вот так!

24 октября 1945 года именем Союза Советских Социалистических республик Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Мясникова Гавриила Ильича к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 16 ноября 1945 года.

В 1967 году автору после длительных поисков удалось разыскать московский адрес жены Мясникова, Дарьи Григорьевны. Ответ пришел от ее второго мужа:

«Возвращаю Вам письмо от 19 апреля 1967 года на имя Мясниковой Д. Г. Сообщаю, что ее нет уже в живых с 28 января 1965 года.

Что касается последних лет жизни ее бывшего мужа Мясникова Г. И., то она едва ли могла что-либо сказать, т. к. он до возвращения в Москву все время находился за границей. А в Москве ей не представилось возможности встретиться с ним, хотя она имела такое желание. Так это или нет, я не знаю, но я передаю ее слова.

Муж покойной К. Голиков. 23 апреля 1967 г.».

Жизнь Мясникова — упорная, непримиримая политическая борьба, полная выдающихся прозрений и глубочайших заблуждений. Программные требования Мясникова: гражданский мир, свобода слова и печати, передача предприятий в руки рабочих, создание крестьянского союза, признание многопартийности в стране и, наконец, неустанная борьба с бюрократизмом партийного аппарата — оказались в конце его жизни так же далеки от осуществления, как в начале его политической деятельности.

Понадобилось семьдесят лет отрицательного опыта, чтобы убедиться в этом.

1986—2002

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ

№ 1
Письмо В. И. Ленина — Г. И. Мясникову

1 августа 1921 г.

т. Мясников!

Только сегодня прочел — и очень бегло — Вашу статью, переданную мне Бухариным.

Хотел бы поговорить с Вами. Я надеюсь быть в Москве на днях и найти 2 часа для беседы.

Начало статьи хорошее. Дельное.

А в выводах есть ряд явных неправильностей.

Есть, может быть, и недоразумение: Вы, кажись, в статье не договорили того, что договорили Н. И. Бухарину. Какой «свободы печати» хотите Вы? По закону? И для рабочих — эсеров и меков? Сейчас? В статье неясно *.

Черкните мне два слова.

С ком. приветом Ленин.

Написано 1 августа 1921 г.

Впервые напечатано в 1959 году в Ленинском сборнике XXXVI.

Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 85–86.

№ 2
Телефонограмма В. И. Ленина — Г. И. Мясникову **

5 августа 1921 г.

тов. Мясникову.

Я сел писать вам ответ. Повидаться, к сожалению, не удастся. Постараюсь доставить Вам мой ответ сегодня или завтра. Хотел бы иметь ответное письмо.

Ленин.

Ленинский сборник. М., 1975. № 8. С. 381.

* Речь идет о статье Г. И. Мясникова «Больные вопросы», написанной 27 июля 1921 года.

** Речь идет о письме В. И. Ленина от 5 августа 1921 года, написанном в связи с антипартийными выступлениями Г. И. Мясникова в Петроградской и Пермской организациях РКП(б), его Докладной запиской в ЦК РКП(б) и статьей «Больные вопросы» (см.: ПСС. Т. 44. С. 78–83).

№ 3

Письмо Г. И. Мясникова — В. И. Ленину

6 августа 1921 г.

Тов. Ленин.

Ваше письмо получил. Писать Вам сейчас ответ нет времени. Поеду в завод Мотовилиху и оттуда пришлю ответ, но не могу удержаться от следующих вопросов. Вы пишете: «Это походит на основание новой партии, или на Ваше самоубийство». Что это такое?

Вы говорите, что я хочу свободы печати для буржуазии? А свободы печати для меня, пролетария, не имевшего никогда ничего, пролетария, который состоит в партии 15 лет и состоит не за границей, а в России? Из 11 лет до 1917 года моей партийности я 7,5 лет сижу в тюрьмах и на каторге, где 75 дней (в общей сложности) голодаю в виде протеста.

Был нещадно избиваем, подвергался пыткам. Остальные 3,5 года проходят в побегах. Я три раза бегу из ссылки с поселения и не так, как тов. Троцкий, который имел возможность отдавать оленей, нет, бегу «зайцем», [и] не за границу, а для партийной работы в России. Для меня свободы печати, хотя бы внутри партии, можно «отпустить» малую толику? Или как только оказался с вами не согласен в оценке сил (не паника, а большая вера в свои силы), так «до свиданья»? Это упрощенный способ решать вопросы. Но что же? — Подумаю, а потом напишу Вам обстоятельно на все ваши рассуждения ответ. Я с партией связан кровью. Думаю, что лучшей партии у пролетариата не было и не будет.

Считаю своим долгом пролетария входящую в партию все не-правильности, и основные и маленькие, исправлять изнутри партии.

Я хочу, чтоб моя статья («Больные вопросы») появилась в партийной печати. Я хочу, чтоб мне не запрещали говорить на партийных собраниях.

Г. Мясников.

Центр документации новейшей истории Свердловской области (ЦДНИСО).
Ф. 41. Оп. 1. Д. 1143. Л. 168.

№ 4

Телеграмма В. И. Ленина в Пермский губком РКП(б)

12 августа 1921 г.

Пермь, губком РКП(б).

Прошу прочесть на заседании губкома обе статьи Мясникова и мое ответное письмо ему *. То же на Мотовилихинском райкоме. Прошу Мясникова снять две копии с моего ответного письма, одну мне, другую губкому.

Написано 12 августа 1921 года.

Впервые напечатано в 1959 году в Ленинском сборнике XXXVI.

Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 115.

№ 5

Письмо Г. И. Мясникова — В. И. Ленину

Конец августа 1921 г.

Тов. Ленин.

Все никак не мог собраться Вам ответить на Ваше письмо. Теперь я опять в Москве — вызван из Мотовилихи Комиссией **.

В первый раз Вы спрашивали у меня: 1) какой свободы печати хотите Вы? 2) по закону и 3) и для рабочих эсеров и меньшевиков? Из второго письма видно, что Вы как будто нашли в «Докладной записке» в ЦК и статье «Больные вопросы» ответы на эти вопросы, а если это не так, то, отвечая Вам на него, я попутно отвечу и на эти вопросы.

Вы говорите, что «я неправильно применил диалектику», даже больше того, «вопрос гражданской войны и гражданского мира» в вопросе о том, как мы завоевали и продолжим завоевание крестьянства (на сторону пролетариата). В этих двух важнейших вопросах (касающихся сути мировой политики) я «сумел стать на марксистскую точку зрения...», а тут вдруг — «скатился в пропасть сентиментализма».

Объясняете Вы это явление довольно своеобразно: у меня нервы не в порядке, я в панику ударился, я дал себя подавить известному числу печальных и горьких фактов и потерял способность трезво учесть силы, а потому захотел попасть в одну дверь, попал в другую — [я] захотел лечить коммунистическую партию, прописал ей ампутацию головы и оказался в объятиях буржуазии.

* Речь идет о докладной записке Г. И. Мясникова в ЦК РКП(б) и его статье «Больные вопросы» и ответном письме В. И. Ленина (см. док. № 7).

** Имеется в виду Комиссия, созданная 29 июля 1921 года Организационным бюро ЦК РКП(б) по расследованию деятельности Г.И. Мясникова.

Неужели это серьезно? Вы говорите, что Вы сделаете все, чтоб меня убедить, но на что это похоже? Слова, слова, как говаривал Гамлет! Вы сами понимаете, что это не серьезно. Крепко оно, точно, но не убедительно.

Я думаю, что при моей практической выучке, которую я получил в жизни, трудней попасть в объятия буржуазии, чем любому из самых лучших и блестящих мыслителей, в том числе и Вам, не прошедшим этой практической школы непосредственного органического пролетарского чувствования всех больных вопросов. Еще раз говорю, особенно насчет буржуазии — крепко, но не убедительно.

Но с кем грех да беда не случаются. Я охотно берусь проверить себя без всякого ложного или не ложного самолюбия (и откуда у Вас насчет ложного самолюбия? Вот тоже довод или подход?).

Я говорил: «Свобода слова и печати до 1917 года — это одно, свобода слова в 1917 году — это другое, свобода слова в 1918—20 годах — это третье и свобода слова в 1921 году — это четвертое отношение нашей партии к этому вопросу». (Это не абсолют и не чистая демократия, надеюсь.) Свобода слова до 1917 года у нас как программное требование. В 1917 году мы ее при известных условиях добились, в 1918—20 годах мы всякие разговоры о свободе слов и печати считали контрреволюцией, ходом нападающей на нас буржуазии.

Тот общественный процесс, который я старался осмыслить (насколько мне удалось — это Вам судить), распадался на четыре основные момента: 1) пролог социальной революции до февраля 1917 г., 2) первый день социальной революции до 25 октября 1917 г., 3) второй день социальной революции (подавление сопротивления и констатация власти). Это обнимает период с 1918 по [19]20 год включительно. И, наконец, третий день социальной революции с 1921 года.

Этот диалектический процесс содержит в себе как одну из составных частей своих свободу слова и печати, и в каждый из этих моментов этот вопрос различно разрешается, как различна сама обстановка, в которой он возникает.

Вы говорите, что я пустячки забыл — международную буржуазию, и начинаете здесь скулодробильный бой с этой буржуазией, которая «покупает газеты, покупает писателей, покупает, покупает и фабрикует общественное мнение в пользу буржуазии». «Буржуазия во всем мире еще сильнее нас и во много раз. Дать еще такое оружие, как свобода политической организации (свобода печати, ибо печать есть центр и основание политической организации), значит, облегчить дело врагу».

«Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем. А у нас может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, но не уничтожена, что она притаилась. Нельзя этого отрицать». Вы говорите, что я в панике, а это что?

Не забыл я ни международную буржуазию, ни нашу (которую мы усиленно создаем). Передо мною факт — вся международная буржуазия поголовно, без всякого изъятия, словом или делом помогала нашей буржуазии свалить нас. И тот факт, что война наша длилась целых три года, показывает, как много сделала международная буржуазия, чтоб свалить нас, и что же? Не свалила! Больше того, она нас признает как фактически существующую власть. Это что показывает? Соотношение сил в международном масштабе.

Сильнее? Бесспорно! Но сильнее у себя дома, в своем государстве, а у нас мы сильнее, потому что у нас есть III Коминтерн и пролетарии, идущие за ним, и государственная власть в руках пролетариата в России.

Когда дробите скулы мировой буржуазии, это хорошо, но вот беда: Вы замахиваетесь на буржуа, а бьете рабочего больше всего. Кто арестовывается за контрреволюцию теперь везде? Рабочие и крестьяне, это бесспорно. Коммунистического рабочего класса у нас нет. Есть просто рабочий класс, среди которого есть и монархисты, и анархисты, и кадеты, и эсеры (все это не обязательно партийные, а лишь по складу мыслей своих). Какое отношение к нему? Никаких рассуждений с кадетом-буржуа, адвокатом, доктором, профессором — здесь одно лекарство: мордобитие, — другое дело с рабочим классом. Нам надо его не в страхе держать, а идейно влиять на него и вести за собой, а потому не принуждение, а убеждение — вот линия, вот закон.

Так, конечно, и ко всем остальным инакомыслящим внутри рабочего класса и крестьянства.

Переход этот сделать трудно, надо много сил и энергии, но мы его сделаем, потому что (я так же думаю, как и Вы) «...у нас и сочувствующих нам рабочих и крестьян сил много и здоровье хорошее» и мы сумеем завоевать симпатию рабочих и крестьян на нашу сторону, несмотря на трудности, тяжкие невзгоды, а тогда хоть черт родись — и «он не страшен будет!»

Свобода печати при сохранении типографий и бумаги в руках пролетарского государства не может быть основой купли и продажи писателей и прочего.

Вы объявляете лозунг свободы слова и печати лозунгами не пролетарскими, не партийными, а буржуазными, и говорите, что Вы в абсолютизм не верите. (Может быть, при данных условиях?)

Я говорю, что ни при всех и при всяких обстоятельствах он прогрессивен, и надеюсь доказать это.

Мы, пролетарии, не церемонились друг с другом, когда это надо было, и тех, которые мешали нам побить буржуазию, мы не совсем по-товарищески «уговаривали», сажали в тюрьмы, а иной раз расстреливали. Но это было время такое: если бы мы этого не сделали, то буржуазия побила бы нас, весь рабочий класс, духовно и физически надолго закабалила бы все человечество. Теперь другое время: нам необходимо массовое пролетарское действие, нам необходимо завоевать крестьянство и идейно покорить его. Если бы Вы доказали, что 1918—20 годы и по задачам, и по методам работ, и по форме организаций ничем не должны отличаться от периода начинающегося 1921 года, то понятно, что доказали, что я не прав. Но этого Вы не сделали.

Теперь насчет «печальных фактов». Вы не будете отрицать того, что гласность их уничтожит. Вы ведь и представить себе не можете, какие размеры принимает взяточничество и иные не совсем хорошие вещи, потому Вы и говорите, чтоб я травил через ЦКК все эти безобразия, и упрекаете меня за то, что я не писал в ЦКК. Я думаю, что гласность их очень много, больше, чем контрольные комиссии, уничтожит. Так, я полагаю, думаете и Вы.

Закон о свободе слова и печати нам нужен, чтобы ввести усердных не по разуму в рамки. Одну из самых больших государственных ежедневных газет придется сделать дискуссионной для всех оттенков общественной мысли. Советская власть будет содержать хулителей своих за свой счет, как делали римские императоры. Это и будет свобода печати при наших российских условиях. Если мы в провинции: в Екатеринбурге, Петрограде, Баку, Казани примерно и т. п., — то это будет все, что можно сделать.

Закон должен карать за ложь, за клевету, за призыв к не использованию того или иного закона, но не карать за высказываемые мысли в целях оказания влияния на правительство, прессу и т. д.

Наша задача состоит в том, что наша свобода печати была действительно и главным образом для конституционных элементов, а не для буржуазии. Вот закон таким надо сделать.

Что этот закон будет иметь не только местное российское значение, но и мировое — этого отрицать не будете и Вы. Это будет сильнейшим орудием в руках коммунистов всех стран в борьбе за идейное обладание рабочим классом.

А здесь в России до того, как издать закон, мы поднимем шум: нужен ли или не нужен этот закон? Не повредит ли он советской власти рабочим и крестьянам? Устраиваем всероссийский тарарам по этому вопросу, да толково и обдуманно. И как Вы думаете? Советская власть и коммунистическая партия от этого потеряет или выиграет? Потеряет она одно: недоверие рабочих и крестьян, осо-

бенно рабочих к себе, но эта потеря стоит многих приобретений.

Еще насчет того, что буржуазия купит силу больше, чем мы. Больше того она не купит, чем есть уже закупленная ею, и наш закон о свободе печати к этому ничего не прибавит и не убавит.

Не верите Вы в силу рабочего класса, не верите Вы в его классовую логику, а верите в чиновников, это Ваша беда. Не знаю, получили Вы записку от меня, где я беру себя в пример, но этот пример — иллюстрация ко всем моим рассуждениям. Вы разве не знаете, что за такой разговор, какой веду я, не одна сотня и тысяча пролетариев сидит в тюрьме и ни одного буржуа не сидит, который так и вопросы ставить не будет?

Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист 15 лет, и который свои коммунистические взгляды омыл страданиями. Ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было? А был бы я просто слесарь, коммунист того же завода, то где бы я был? В ЧК или, более того, меня бы «бежали», как я некогда «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Люксембург, Либкнехт. Еще раз — Вы замахиваетесь на буржуазию, а у меня кровь из зубов, а скулы трещат у нас, у рабочих.

Возьмите-ка проект постановления комиссии об исключении меня из партии и посмотрите, что это такое? Дали холую (более никак не могу назвать) задачу: «обмотивируй исключение из партии Мясникова», — и он обмотивировал. Да так, что совестно мне за ЦК.

Вы получили все ту же записку, где я прошу мою статью в дискуссионном порядке пустить в «Правде», пусть партия подумает над этим вопросом, пусть она взвесит свои силы и на съезде разрешит их, — и что же?

Я (может быть, тысячу раз прав т. Зиновьев, называя меня скверненьким литератором) не литератор и пишу, может быть, не так ясно, как нужно и можно, но правду того, что я плохо выражаю, я чувствую сильнее, может быть, очень многих, в том числе и т. Зиновьева.

Конечно, т. Бухарин, Зиновьев, Троцкий и просто какой-нибудь борзописец лучше бы сказал, яснее сказал, чем я, и заставил бы Вас и всех в ЦК серьезнее отнестись к вопросам, а то ведь шутка сказать: три месяца Докладная записка лежит в ЦК, и никто пальцем не шевельнет. Никто, кроме Соколова да Израйловича (они-то по обязанности), не читал ее, а что хуже всего — на заседании Оргбюро сказали (все сказали!), что читали. Это для чего? Но здесь вина не чья-нибудь, а моя — не умею. Хочу уметь, но не умею. Этой неумелости я приписываю и то, что Вы зачислили меня по штату буржуазии, контрреволюции.

Вы очень мало сказали, или, вернее, ничего не сказали об ос-

новой ячейке государственной власти: о Советах рабочих депутатов предприятий, [а] это основной вопрос социалистического строительства.

Если я сумею написать и меня напечатают, то постараюсь написать брошюру к съезду партии, но не по одному, а по всем трем [вопросам].

Я тоже думаю, что мы сойдемся по всем трем вопросам, если не будем впадать в панику от одной постановки их. Еще о Советах депутатов: давайте на пробу в Пермской губернии в ряде заводов, как-то: Мотовилиха, Воткинского, Чусовая, Кизел, Лысьва и еще некоторых — организуем эти Советы? Гарантирую, что производительность при прочих равных условиях (материал, сырье, продовольствие) будет не меньше. Если я провалюсь? Ну что же? Расстреливайте, если это будет нужно, меня и на деле высмеете мою идею.

Крестьянские союзы в Туркестане существуют. Думаю, что Вы меня не предадите анафеме.

С коммунистическим приветом Г. Мясников.

ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1143. Л. 168—171.

№ 6

**Письмо Г. И. Мясникова — Наркому госбезопасности
[апрель 1945]**

Гражданину наркому Комиссариата
государственной безопасности

Заявление

Синонимом всего дикого, жестокого и беспощадно-мстительного был режим политических пленников в тюрьмах царского правительства. Русский народ с ним боролся. Большевики не из последних. Я за принадлежность к большевикам получил три каторжных приговора и 8 лет каторги. Мне не запрещали: 1) переписки с родными знакомыми, 2) свидания с ними, 3) иметь письменные принадлежности.

А теперь, решив, что парижский воздух вреден для меня, меня извлекли оттуда в чистилище душ и телес советских граждан — ни свиданий, ни переписки, ни письменных принадлежностей.

После 3 месяцев чистилища разрешите мне хотя бы то, что разрешал царский режим.

С почтением к учреждению и его главе

Г. Мясников.

Публикуется по кн.: Минувшее: Исторический альманах — М.:СПб., 1995. С. 180.

№ 7

**Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР
о расстреле Г. И. Мясникова**

24 октября 1945 г.

Именем Союза Советских Социалистических республик Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе:

Председатель генерал-полковник юстиции Ульрих В. В.

члены: генерал-майор юстиции Орлов А. М.

генерал-майор юстиции Матулевич И. О.

секретарь капитан юстиции Мазур.

Мясников Г. И. является непримиримым врагом советского государства, начиная с 1920 г. встал на путь организованной борьбы против Советской власти и в 1928 году, изменив Родине, бежал за границу. Находясь в Турции, установил связь с врагом народа Троцким, а затем, живя во Франции, продолжал предательскую деятельность, группируя вокруг себя разные антисоветские элементы, написал ряд статей и брошюр антисоветского клеветнического характера.

Таким образом, виновность Мясникова доказана. В соответствии со ст. 58 УК РСФСР Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Мясникова Гавриила Ильича на основании ст. 58-1а УК РСФСР подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего личного имущества. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

С п р а в к а. Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 24 октября 1945 г. в отношении осужденного к расстрелу Мясникова Гавриила Ильича, 1889 г. р., приведен в исполнение 16 ноября 1945 г.

Зам. начальника отделения «А» НКВД СССР
полковник Балиманский.

Публикуется по кн.: Минувшее: Исторический альманах. — М.:СПб., 1995. С. 130.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
От автора	5
Глава 1. 1917 год. Начало политической биографии Мясникова	
<i>Портрет и характер. Участие в революции 1905—1907 годов. Годы царских репрессий. Выход на политическую арену</i>	9
Глава 2. Июнь 1918 года. Политическое убийство	
<i>Краткие сведения о Михаиле Романове. Подготовка и проведение операции. Участие в деле архиепископа Андроника</i>	18
Глава 3. Август 1919 года — 1920 год. Мясников делает карьеру	
<i>Первые высказывания Мясниковым о свободе слова. Дискуссия о советско-партийном строительстве. На посту председателя Пермского губкома РКП(б). Выступление на Всероссийской партконференции</i>	41
Глава 4. Конец 1920 года — май 1921 года. Начало политических столкновений.	
<i>Жизнь в Петрограде. «Докладная записка» Мясникова в ЦК РКП(б). Возвращение в Мотовилиху</i>	53
Глава 5. Июнь — июль 1921 года. Борьба обостряется	
<i>Статья Мясникова «Больные вопросы» направлена в ЦК РКП(б)</i>	65
Глава 6. Август 1921 года. «По этой дороге мы не пойдем»	
<i>Переписка Ленина с Мясниковым. Уход мотовилихинской делегации с Пермской городской партконференции в поддержку Мясникова ...</i>	78
Глава 7. Август 1921 года — 1922 год. Противостояние	
<i>Дело о пощечине. Партийный актив сдает позиции. Попытка издания «Дискуссионного листка» Мясниковым. Приезд в Пермь посланцев ЦК РКП(б)</i>	96
Глава 8. Февраль — март 1922 года. От Мотовилихинского райкома РКП(б) до Исполкома Коминтерна	
<i>Исключение Мясникова из партии. Поддержка мотовилихинцами «Заявления 22-х». Губернская партконференция и XI съезд партии о Мясникове</i>	116
Глава 9. Март — апрель 1922 года. Последняя схватка	
<i>Освобождение Мясникова от должности заместителя директора завода. Несанкционированный общезаводской митинг. Арест Мясникова.</i>	130
Глава 10. Март — апрель 1922 года. Перелом	
<i>Самоубийство комсомольца. Протокол согласительного собрания. Восстановление порядка в Мотовилихе</i>	142
Эпилог. 1922—1945 годы	155
ПРИЛОЖЕНИЕ. Документы № 1—7	165

Краеведческое издание

Серия: Пермский край: история в судьбах

Проект М. Г. Нечаева

Аликина Надежда Алексеевна

ДОН КИХОТ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Документальная повесть

о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников
боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати
(1920—1922 годы)

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке
Ю. Н. Вознярского

Фотографии предоставлены Государственным общественно-политическим
архивом Пермской области (ГОПАПО),
Государственным архивом Пермской области (ГАПО),
Пермским музеем ОАО «Мотовилихинские заводы», а также автором.

Редактор *М. Лебедева*

Корректор *И. Соловьева*

Обложка, обработка иллюстраций *Л. Псарева*

Компьютерный набор *Е. Поповой*

Компьютерная верстка *В. Кузьмичевой*

Аликина Н. А.

А 50 Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920—1922 годы). — Пермь, Издательство «Пушка», 2006. — 176 с.; ил. (Пермский край: история в судьбах)

ББК 63.3 (2Рос–Пе–2)

Подписано в печать 06.10.06. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага ВХИ. Гарнитура «Petersburg».

Печать офсетная. Физ. печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 9,24.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2939.

Книжное издательство «Пушка».

614990, г. Пермь, ул. Дружбы, 34, офис 1006.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Звезда».

614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Об авторе книги

Надежда Алексеевна Аликина — заслуженный работник культуры РФ, историк-архивист, известный краевед и общественный деятель Прикамья.

Более тридцати лет проработала в партийном архиве Пермской области, прошла путь от научного сотрудника до заведующего. Активно участвовала в издательской работе, была автором, составителем, редактором или членом редколлегии десятков сборников. Автор более сотни научных статей.

Книга о Г. И. Мясникове — итог ее многолетней кропотливой, наполненной анализом и переосмыслением работы.

